

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ» — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ВТОРАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ:
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Сборник докладов

18–19 марта 2022 года

Санкт-Петербург

Санкт-Петербург

2022

Ответственный редактор: *Старикова Е. О.*

Редакционная коллегия: *Борькина А. Ю.*; *Вуль Н. А.*, к. и. н.; *Григорьева Н. В.*, к. и. н.; *Гусарова Е. В.*, к. и. н.; *Иванова А. М.*; *Кривохиж С. В.*, к. и. н.; *Мамедшахов Р. Г.*, к. филол. н.; *Рязанова А. А.*; *Соболева Е. Д.*, PhD; *Щепкин В. В.*, к. и. н.

Ассистент редактора: *Вовк А. С.*

Тексты публикуются в авторской редакции

Вторая научная конференция студентов и аспирантов «Актуальные проблемы исследования стран Азии и Африки: традиции и современность». Санкт-Петербург, 18–19 марта 2022 г. Сборник докладов. — СПб.: НИУ «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург; Изд-во РХГА, 2022. — 224 с.

ISBN 978-5-907505-93-3

В сборнике представлены доклады участников Второй научной конференции студентов и аспирантов «Актуальные проблемы исследования стран Азии и Африки: традиции и современность». В конференции приняли участие студенты бакалавриата и магистратуры, а также аспиранты, обучающиеся в различных городах и странах. Тезисы сгруппированы по четырём тематическим секциям: «История и антропология», «Филология и языки», «Политика и экономика» и «Культура и религии».

Editor-in-chief: *Starikova E.*

Editorial board: *Borkina A.*; *Vul N.*, PhD; *Grigoreva N.*, PhD; *Gusarova E.*, PhD; *Ivanova A.*; *Krivokhizh S.*, PhD; *Mamedshakhov R. G.*, PhD; *Ryazanova A.*; *Soboleva E.*, PhD; *Shchepkin V.*, PhD.

Reports are published as submitted by the authors

This collection contains the reports done at The Second Research Conference of Students and Postgraduates “Current Research Issues in Asian and African Studies: Traditions and Modernity”. The conference was attended by undergraduate, graduate and postgraduate students studying in various cities and countries. The articles are arranged into four thematic sections: “History and Anthropology”, “Philology and Languages”, “Politics and Economics”, “Culture and Religions”.

Уважаемые коллеги!

Вашему вниманию представлен сборник текстов докладов, которые были прочитаны на Второй научной конференции студентов и аспирантов «Актуальные проблемы исследования стран Азии и Африки: традиции и современность». Конференция состоялась онлайн 18–19 марта 2022 года, в ней приняли участие более 60 человек: студенты бакалавриата, магистратуры и аспирантуры из многих регионов России, в том числе из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Екатеринбургa, Улан-Удэ, Южно-Сахалинска, Барнаула, Калининграда, Твери, Иркутска, а также студенты из Белоруссии.

Это уже вторая конференция, которую весьма успешно организует Студенческое научное общество департамента востоковедения и африканистики Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Уже второй год мероприятие получает значительный отклик — в адрес оргкомитета поступает более 140 заявок, в заседаниях принимают активное участие не только докладчики, но и слушатели, что свидетельствует о высокой потребности в площадке для обсуждения научных достижений начинающих востоковедов.

Работа конференции проходила по четырём секциям: «Культура и религия», «История и антропология», «Филология и языки», «Политика и экономика». Для публикации были отобраны тридцать два доклада, представленных в рамках конференции.

Отбор заявок участников, модерацию заседаний, выбор докладов для публикации и рецензирование текстов осуществили преподаватели департамента востоковедения и африканистики Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». От лица участников конференции и Студенческого научного общества выражаю благодарность всем коллегам, которые сделали это мероприятие не только интересным, но и полезным.

Хочу выразить особую благодарность за поддержку конференции руководителю департамента востоковедения и африканистики факультета Санкт-Петербургская школа социальных наук и востоковедения Евгению Ильичу Зеленеву.

Благодарю всех участников и надеюсь на встречу на Третьей научной конференции студентов и аспирантов в 2023 году, которую уже можно будет назвать традиционной для Студенческого научного общества и департамента востоковедения и африканистики.

*Ответственный редактор
куратор Студенческого научного общества
департамента востоковедения и африканистики
Е. О. Старикова*

Dear colleagues!

We bring to your attention a book of papers that were presented at the Second Research Conference of Students and Postgraduates “Current Research Issues in Asian and African Studies: Traditions and Modernity”. The conference was held online on March 18–19, 2022 and was attended by more than 60 undergraduate, graduate and postgraduate students from many regions of Russia, including Moscow, Saint-Petersburg, Kazan, Ekaterinburg, Ulan-Ude, Yuzhno-Sakhalinsk, Barnaul, Kaliningrad, Tver and Irkutsk, as well as students from Belarus.

This is the second conference that was successfully organized by the Student Research Society of the Department of Asian and African Studies, National Research University “Higher School of Economics”, Saint-Petersburg. For the second year in a row, the conference gets a significant response — more than 140 applications were submitted. Not only speakers take an active part during the meetings of the conference, but also the attendees, which indicates a big demand for a platform for discussing the research achievements of young specialists in Asian studies.

The work of the conference included reports at four panels: “Culture and Religion”, “History and Anthropology”, “Philology and Languages”, “Politics and Economics”. Thirty-two papers that were presented at the conference were selected for publication.

Selection of participants’ applications, conference moderation, choice of papers for publication and papers’ review were done by the professors of the Department of Asian and African Studies, National Research University “Higher School of Economics”, Saint-Petersburg. On behalf of the participants of the conference and members of the Student Research Society, I want to express my gratitude to all the colleagues who made this conference not only interesting, but also very fruitful.

I want to express my gratitude to the Head of the Department of Asian and African Studies Faculty “Saint-Petersburg School of Social Sciences and Area Studies”, Professor Evgenii Zelenev.

I thank all the participants, hoping to meet you again at the Third Conference of Students and Postgraduates, in 2023, that we will be able to call a traditional conference for Student Research Society and the Department of Asian and African Studies.

*Editor-in-chief
Supervisor of the Student Research Society
Department of Asian and African Studies
Ekaterina Starikova*

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ «КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ»

Абраамян Д. В. Дракон и псалмы? Что таит в себе средневековая еврейская микрография	9
Герасимов Д. А. Национальный айнский музей — инструмент взаимопознания или получения выгоды?	15
Коркина Е. А. Феномен языковой игры в рекламных текстах на китайском языке	20
Крапивка А. Д. Женский суфизм в Марокко (локальные особенности)	25
Хачатурян С. В. Движение <i>сасэн</i> в Южной Корее, Китае и Вьетнаме	31

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ»

Гейгер Н. Н. Роль организации «серые волки» в общественно- политической жизни Турции во второй половине XX века	36
Каленова В. А. Положение христианской общины Ирака после иракского кризиса (2003–2021 гг.)	43
Киселева Ю. Г. «Поколение потерянных девочек» в Китае: истоки и современность	50

Лю Лэй	
Социально-экономическая жизнь русской эмиграции в Синьцзяне до 1917 г.	59
Марутина Е. А.	
Китайские газеты о международном статусе Маньчжоу-го	66
Мищенко М. С.	
Развитие культуры Кофун в регионе Тохоку (о. Хонсю, Япония).....	72
Сорокин М. А.	
Движение против апартеида как одно из направлений деятельности японских «новых левых»: становление и роль в общемировой динамике борьбы против политики расовой сегрегации	79
Чуканова В. А.	
Формализация экзаменационной системы кэцзюй как проявление системного кризиса империи Мин	86
Шалом В. В.	
Транзит от системы апартхейда к демократической Южной Африке в коллективной памяти современной ЮАР (по данным проекта «Архивы апартхейда»)	92

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЯ И ЯЗЫКИ»

Ахунова А. А.	
Женское сознание в произведениях китайских писательниц после культурной революции	98
Панюкова А. В.	
Языковая ситуация в современной Малайзии	105
Чернова Ю. А.	
Китайские исследования истории порядковых числительных в китайском языке	111

Чориев Ш. Х. у.	
Традиция <i>назира</i> и её освещение в литературоведческой науке.	117
Шевцова С. А.	
Языковая политика Государства Израиль в условиях мультилингвизма	123
Ядрицева Е. П.	
Ориенталистские мотивы в творчестве Дины Рубиной: арабский мир и его рецепция	130

СЕКЦИЯ «ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА»

Котов М. В.	
Анализ динамики плотности населения в префектурах Японии	136
Кушлянская Е. А.	
Критический анализ демографической политики Японии ...	144
Лученков И. Р.	
Роль международных акторов в контексте мирного урегулирования Ливийского кризиса (2015–2021).....	152
Мельникова Е. С.	
Сравнение цифровой дипломатии КНР в странах Центральной Азии на примере Казахстана и Узбекистана ...	159
Никитина Д. А.	
Эволюция Арктической политики Китая	165
Рагозина В. М.	
Хуацяо в США: основные характеристики и роль в развитии экономики принимающего общества	171
Сизова А. А.	
Проблемы реализации «умного города» Сонгдо в Республике Корея	177

Смирнов Д. Е.	
Национальная стратегия “Society 5.0”: исследование осведомленности и принятия населением Японии	188
Smirnova Julia	
Multidisciplinary Approach to Support Business Communications: A Case-Study of Russian-Korean Foreign Economic Relations during the COVID-19	194
Торхов И. О.	
Япония и страны Африки в рамках «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона».	202
Филипчик А. О.	
Геоэкономическая экспансия Китая в Центральную Азию.	208
Ярцева К. М.	
Условия и характер трудоустройства женщин в Японии в XXI в.	214

СЕКЦИЯ «КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ»

Д. В. Абрамян

double.dia756@gmail.com

Санкт-Петербургский государственный университет

Студент бакалавриата

ДРАКОН И ПСАЛМЫ? ЧТО ТАИТ В СЕБЕ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРЕЙСКАЯ МИКРОГРАФИЯ

Аннотация: В статье рассматривается микрография — культурное явление еврейского искусства, и освещаются основные этапы ее становления. В ходе данной работы анализируются изображения и тексты микрографий некоторых средневековых Пятикнижий из Германии, Испании, Йемена и других микрографических изображений.

Ключевые слова: еврейская культура, микрография, еврейские рукописи, Средневековье, Пятикнижие.

Key words: jewish culture, micrography, jewish manuscripts, Middle Age, Pentateuch.

В статье изучены микрографии, украшающие средневековые еврейские Библии. Целью исследования является выявление связи между текстом и изображением микрографий. Для этого поставлены следующие задачи: дать определение микрографии, изучить историю ее развития, на основе выбранных автором статьи рукописей рассмотреть изображения и тексты микрографий для выявления связи между текстом и изображением.

Микрография — это мелкий рукописный текст на полях рукописей, записанный в виде фигуративных, геометрических и абстрактных рисунков. Основной функцией микрографии является украшение библейских текстов. Первые еврейские памятники, содержащие микрографию, известны с IX века на Ближнем Востоке, а именно в Египте и Палестине. В дальнейшем микрография получила распространение в Европе, а ее расцвет пришелся на период классического и позднего Средневековья.

История микрографии начинается с масоры, системы обозначений, обеспечивающих правильную передачу написания и чтения еврейской Библии: она копировалась на полях библейских кодексов писцами, позже они украшали масору цветочными и геометрическими узорами. По словам профессора Лейлы Аврин (1935–1999), эта форма еврейского искусства распространилась в Йемене, а затем в Европе, где достигла пика своей популярности в период XIII–XV веков [1]. Микрография встречалась в рукописях еврейских общин Испании и Португалии, в Северной Европе. После изобретения книгопечатания в середине пятнадцатого века создавалось меньше рукописных Библий. Тем не менее еврейские писцы не отказались от микрографии как формы художественного выражения. К XVII веку писцы украшали микрографией кетуббот (брачные контракты), литургические книги, предметы культа. Более того, в Италии были созданы микрографические иллюстрации, служившие украшением для календаря Омера, сукки и пуримских украшений. В XVIII веке стали появляться портреты королевских особ в технике микрографии; в XIX веке популярными сюжетами были раввины и ведущие сионисты, библейские сцены и святые места в Иерусалиме. Микрографы жили в Западной и Восточной Европе, а к концу века это искусство было принесено в Америку и Северную Африку и возродилось в Израиле. Благодаря письменному характеру еврейской культуры искусство еврейской микрографии существует и по сей день.

Рассматривая еврейские рукописи, созданные в Европе, мы можем отметить, что для них характерны переплетающиеся микрограммы, украшенные растительным орнаментом, зачастую в этих рукописях запечатлены гротескные маргиналии, животные. В йеменских рукописях преобладали зигзаги и диагонали. Например, Йеменское Пятикнижие XV века (British Library Oriental 1379) изобилует зигзагами, расположенными на полях вдоль всего текста практически на всех страницах Пятикнижия. Изучив, несколько различных микрографий, можно сделать вывод о том, что искусству микрографии характерны региональные традиции. В европейских микрографиях преобладает растительный орнамент и изображения животных, а в йеменских — геометрический орнамент и фигуры.

По мнению Далии-Рут Гальперин, израильского специалиста по еврейской микрографии и автора монографии о Каталанском махзоре, текст микрографий играет важнейшую роль в понимании сюжета. Она считает, что формы являются визуальными эквивалентами текстового содержания стихотворения, а между текстом и изображением существует прямая связь [2].

На некоторых микрографиях связь между изображением и основным текстом очевидна, оно иллюстрирует события текста. Примером такой связи может служить библейский сюжет про Иону, которого проглотил кит. Микрографические изображения этого события можно увидеть в средневековых источниках, в Пятикнижие Ионы XIII века (British Library. Add MS 21160), так и на брошюрах XIX века (Моисей Илия Гольдштейн, книга Ионы, 1897 г., Франкфурт-на-Майне) [4].

В то же время другие микрографические изображения не имеют прямой связи с текстом рукописи. Так, изображения рыцарей и драконов в Пятикнижие Ионы XIII века (BL Add. MS 21160) свидетельствуют о влиянии христианской традиции Европы. Изображение рыцарей не является типичным для еврейских рукописей. По версии Далии-Рут Гальперин [3, С. 73], фигуры рыцарей несут определенный смысл, который можно понять, прочитав тексты микрографий и проанализировав расположение микрографических изображений на листе. Следует отметить, что Пятикнижие Ионы богато украшено микрографическими изображениями драконов и чудовищ, животных, библейских персонажей и символов. В этой Библии изображены несколько рыцарей. Первый, сокольник с птицей, символизирует не просто сцену охоты, а преследования евреев христианами. На том же листе изображен дракон с завязанным хвостом, кусающий. Гальперин рассматривает образ дракона как воплощение зла. В тексте, из которого состоит дракон, присутствует редкая глагольная форма והריקתי (и я опустошу тебя), а также стих (Лев. 26:33), описывающий божественное возмездие: וְאַתְּכֶם אֲזַרְהֶם בְּגוֹיִם וְהָרִיקְתִּי אֶתְרִיכֶם תָּרַב וְהִיתָה אֶרְצְכֶם שְׂמֵמָה וְעָרֵיכֶם יִהְיוּ הַרְבָּה: («Я разбросаю вас среди других народов и обнажу меч, и земля твоя будет пустынею, и города твои будут пустыней») [3, С. 73].

Всадник, упомянутый выше, не единственное изображение рыцарей в данной рукописи. На других листах 192v и 201v запечатлены

еще два микрографических всадника (Yonah Pentateuch, London, British Library Add. 21160, fol. 192v and fol. 201v). Изображение одного из рыцарей подписано именем Иосиф. Следует отметить, что и сокольник, и конный Иосиф (листы 181v и 192v соответственно) изображены в профиль и едут направо, то есть они обращены к рыцарю (лист 201v), который едет в противоположную сторону, «на поле боя». представляет ли последний всадник врага, а не другую еврейскую мессианскую фигуру. Чтение текста масора гдола (большая масора) показывает, что соревнующийся рыцарь на листе 201v написан с Плача Йеремии 4:12: «Этот враг или противник может войти во врата Иерусалима». Формулировка предполагает, что этим всадником может быть Армилус, последний правитель Рима, который сразится и убьет Мессию, сына Иосифа. На отождествление рыцаря с Армилусом также визуально намекают башенные ворота с левой стороны от линий масора гдола.

Чтение текстов микрографий помогает понять тщательно разработанную концепцию расположения микрографических изображений. Согласно концепции, референсные стихи масоры гдола записаны в предназначенные для них места для комментариев [3, С. 76]. Эти текстовые изменения не только свидетельствуют о знании масоратором раввинистической литературы, но и указывают на то, что он знаком с комментариями, в частности, с комментариями Рабби Самуил бен Меир, французский тосафист XI–XII века, не считавшимся известным в германских землях в то время [3, С. 76].

Еще один пример связи элементов микрографий, который приводит Д. Гальперин — Пятикнижие Саны (British Library Or 2348) [2]. Рукопись, датированная 1469 годом н. э., содержит в себе украшенные иллюминированные листы. вдохновленные исламской художественной традицией. Микрографический текст образует ряд изображений: розу, два круга, пять пар рыб и две треугольные формы. На странице представлены два круга разного диаметра: в центре маленького — роза, внутри большого — пять пар рыб, расположенных вокруг маленького круга с розой. Две треугольные формы расположены сверху и снизу страницы, вершины которых направлены в центр. Фон заполнен орнаментом черного и красного цветов. Формы отражают

исламские космологические представления о солнце, море и земле. Текст микрографии показывает, что в изображении заключен текст Псалма 118 в форме акростиха, где каждая буква начинается с группы из восьми стихов [2]. В гимне говорится об отношении человека к Торе, например маленький круг состоит из стихов 107–110: **נַעֲנִיתִי עַד־מָאֹד יְהוָה חַיִּי כְדַבְּרָךְ:** («Сильно угнетен я, Господи, оживи меня по слову Твоему»), **לְמַגְנִי: וְיִמְשְׁפֹּטֵיךְ יְהוָה וְרִצְהֵנָּא יְהוָה וְיִמְשְׁפֹּטֵיךְ** («Прими же, Господи, мои добровольные подношения, и судам Твоим научи меня»), **נַפְשִׁי בְכַפֵּי תְמִיד יִתְּוֹרֶתְךָ לֹא שָׁכַחְתִּי:** («Душа моя непрестанно в руке моей, но закона Твоего не забываю»), **נִתְּנִי רְשָׁעִים פָּח לִי וּמִפְקוּדֵיךְ לֹא תַעֲיִתִי:** («Нечестивые поставили для меня сеть, но я не уклонился от повелений Твоих»). Поскольку Тора считается планом вселенной [2], мы можем видеть в этих изображениях символическую связь между рисунком и текстом, формирующим его контуры.

В то же время существует ряд микрографических изображений, которые требуют дальнейшего исследования или не несут дополнительной связи с текстом. К примеру, микрографии Дамасского кетера XIII века (The National Library of Israel) выполнены под влиянием восточного стиля, изображения, напоминающие узоры на коврах, свидетельствует об этом влиянии. Следует отметить, что согласно колофону, кетер был написан в Бургосе, Кастилии, однако долгое время он находился в Дамаске, поэтому так назван. Возможно, микрографии данной рукописи отражают распространение мусульманского искусства среди евреев мусульманской Испании.

Лиссабонская библия конца XV века (British Library Or. 2626) также является выдающимся примером художественной культуры. Она украшена растительными орнаментами, огромным количеством изображений зверей и птиц, и позолотой. В декоре использованы мудехарские, итальянские, фламандские и португальские мотивы [6]. В этой богато украшенной Библии мы можем найти лист под номером 179v полностью покрытый микрографическим изображением. Вероятно, изображение микрографии продолжает общую цветочную тематику, преобладающую в этой Библии.

Еврейская микрография — вид искусства, представляющий собой искусствоведческую, филологическую и философскую ценность. В результате работы над данной статьей удалось выявить связь

Нужен этот большой пробел?

между текстом и изображением некоторых микрографий, найти дополнительный смысл, более точно раскрывающий причину выбора изображения. Таким образом, в ряде микрографий роль связи слова и изображения играет важнейшую роль в понимании прочитанного текста и увиденных образов.

Список литературы

1. Avrin L. Hebrew Micrography: One Thousand Years of Art in Script. Detroit, Mich.: Visible Language, 1984.
2. Halperin D.-R. Micrography — a Jewish art // The Polonsky Foundation Catalogue of Digitised Hebrew Manuscripts. 2016 URL: [<https://www.bl.uk/hebrew-manuscripts/articles/micrography-a-jewish-art#footnote9>] (дата обращения: 08.02.2022).
3. Halperin D.-R. Micrography Mounted Falconers: An Exegetic Text and Image. Berlin: Peter Lang, 2021.
4. Horowitz S. Micrography in the Jewish Tradition // 4 corners of the World International Collection. 2018 URL: [<https://blogs.loc.gov/international-collections/2018/02/micrography-in-the-jewish-tradition/#:~:text=Micrography%20is%20minute%20script%20written,Holy%20Land%20and%20in%20Egypt>] (дата обращения: 05.02.2022).
5. Stern D. The Hebrew Bible in Europe in the Middle Ages: A Preliminary Typology. JSIJ. Vol. 11. 2012.

Д. А. Герасимов

dagerasimov_2@edu.hse.ru

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Студент бакалавриата

НАЦИОНАЛЬНЫЙ АЙНСКИЙ МУЗЕЙ — ИНСТРУМЕНТ ВЗАИМОПОЗНАНИЯ ИЛИ ПОЛУЧЕНИЯ ВЫГОДЫ?

Аннотация: В статье анализируются последние изменения в политике Японии в отношении айну, проводимые с целью поддержания культуры коренного народа, а также их влияние на политическое саморепрезентацию этого народа.

Ключевые слова: айну, Национальный айнский музей, Упопой, Котан но Кай, Ассоциация айнов Хоккайдо.

Keywords: ainu, National ainu Museum, Upopoi, Kotan no Kai, Ainu association of Hokkaido.

Проблема этнических меньшинств становится все более острой в самых разных странах. Начиная с конца XX в. в Японии существовало множество различных организаций, стремящихся представлять интересы айну. Однако большинство вопросов, связанных с выбором вектора дальнейшего развития айнского общества, стали не поводом для объединения различных групп, а наоборот привели к значительному расколу внутри диаспоры. В связи с этим целью настоящей работы является изучение текущих проблем айну в контексте анализа неэффективности существующей системы их политической репрезентации. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Дать характеристику политики Японии в отношении айну с точки зрения международного права;
2. Провести анализ событий, повлиявших на «айнский вопрос», которые произошли в период с 2019 по 2021 гг.;

3. Выполнить структурирование информации о представителях айнских интересов в современной японской политической системе.

Права коренных и малых народов с каждым годом набирают все большую актуальность в международном сообществе. В связи с этим в 2007 г. была принята Декларация ООН о правах коренных народов. В ней описаны все права коренных народов и обязанности государств, на территории которых они проживают. В данной работе для нас имеют значение статьи номер 11 и 12, главной мыслью которых является закрепление права коренных народов на сохранение и соблюдение своих традиций, свободное распоряжение своими объектами культурного наследия (в том числе останками умерших). Кроме того, статья 20 признает за коренными народами право заниматься традиционными промыслами и развивать свои традиционные экономические связи. Ключевым же правом, закреплённым во многих международно принятых документах, таких как Устав Организации Объединённых наций, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и политических правах, Венская декларация и Программа действий, Всеобщая декларация прав человека и др., является право народа на самоопределение. Многие исследователи и общественные деятели отмечают, что деятельность Японии в отношении айну не соответствует правилам мирового сообщества.

С 2019 г. мы можем наблюдать развитие новой волны недовольств со стороны айну. Во многом это вызвано проектами, которое японское правительство реализовало с февраля 2019 г. Например, 15 февраля 2019 г. был принят законопроект, по которому айну вновь с 2008 г. были признаны коренным народом Японии [1], а также была создана грантовая система для реализации региональных мер по продвижению культуры айну. Кроме того, для айну был упрощён процесс получения разрешения на рыбную ловлю и добычу древесины. Однако противники этой реформы считают, что в данное решение лицемерно, поскольку в нем “нет извинения” за прошедшие века колонизации, а грантов в поддержку развития культуры недостаточно для улучшения положения айну [4]. Более того, признание айну

коренным народом произошло ещё в 2008 г., из-за чего данный законопроект расценивается как излишний и повторный. Требования айну же таковы: эксклюзивное право на рыболовство, ловлю китов и добычу дерева на территории префектуры Хоккайдо, а также подтверждение права на землю [4].

Следующим важным событием является открытие культурного центра Упопой. На его территории были созданы Национальный айнский музей и мемориальный комплекс, однако цели этих мероприятий вызывают некоторые вопросы у представителей айну. По официальному заявлению, музей был открыт для исследования и демонстрации культуры айну, но не все представители народа считают это правдой. По мнению оппозиционеров, настоящей целью создания музея является использование айну как приманки для туристов на отдаленный о. Хоккайдо [5]. С мемориальным комплексом ситуация ещё сложнее. Дело в том, что проблема возвращения останков возникла ещё в 1980-е гг., однако до настоящего момента она не была решена должным образом [1]. Многие исследователи и политические активисты отмечают, что мемориальный комплекс не соответствует традициям айну, а возвращение останков родственникам умершего это крайне сложная процедура, выполнить которую могут далеко не все [1]. Более того, часто приводится аргумент, что несоответствие устройства мемориального центра традициям айну — противоречие Декларации ООН о правах коренных народов, то есть действия правительства Японии расходятся с ее положениями.

На данный момент можно выделить две противоборствующие стороны в вопросе дальнейшего развития этнической диаспоры айну внутри японского общества. С одной стороны, сторонниками реформ выступают:

- Правительство Японии, так как само эти реформы и проводит;
- Ассоциация айнов Хоккадо, ранее бывшая оппозиционным объединением, однако в последние годы ставшая очень лояльной правительству и поддерживающей все их реформы [3].

С другой же стороны, противники реформ:

- Альянс граждан по инспектированию политики в отношении айнов;
- Общественная организация Котан но Кай.

К тому же многие локальные ассоциации айнов, участвующие в политике, примкнули к обеим сторонам конфликта, внося всё больший раскол в вопрос консолидации айнской диаспоры.

В данный момент прошло уже 2 года с момента открытия центра Упопой, благодаря чему мы можем определить некоторые итоги столкновения интересов двух недавно возникших групп. В XXI в. Ассоциация айнов Хоккайдо начала терять популярность из-за чрезмерной лояльности правительству [6]. Так, к настоящему моменту она уже окончательно перестала выражать интересы всех айну, или хотя бы их большинства, из-за чего новым лидером постепенно становится Котан но Кай. Однако из-за некоторой радикальности своих взглядов Котан но Кай не вызывает доверия у японского правительства, поэтому оно не прислушивается к нему во время принятия каких-либо решений в отношении айну. Более того, открытое столкновение Ассоциации айнов Хоккайдо и Котан но Кай привело к разделённости всего политического движения и потере единого представителя интересов айну как общности. Из-за этого многие инициативы, не связанные с развитием культуры, перестали доходить до правительства, что впоследствии привело к усилению общего недовольства. Кроме того, в айнском сообществе набирает популярность идея того, что японское правительство стремится развивать культуру айну не для сохранения каких-то особенностей региона и помощи народу, а для привлечения туристов на о. Хоккайдо и получения нового источника прибыли, чтобы сократить экономические дотации из центра.

Выводами данного исследования могут быть следующие:

1. Политика официального Токио в отношении айну противоречива. С одной стороны — создаётся видимость поддержки. С другой стороны — частично нарушается множество международных конвенций по защите прав человека, ратифицированных Японией;
2. Айну не имеют официального представительства в современной политической системе, поскольку достойного претендента на эту роль, которого поддержат все группировки, не существует. В то же время, с 2019 года проводится реализация новой волны реформ относительно позиции айну в японском обществе, в ходе которой была создана система поддержки

локальных программ по развитию культуры. Однако деятельность этой системы не находит должной поддержки среди айнской диаспоры;

3. В данный момент интересы айну в публичном пространстве выражают несколько противоборствующих организаций, взгляды которых во многом противоречат друг другу. Оппозиционно настроенных представителей народа под своим лидерством объединила организация Котан но Кай, однако она не имеет представительства на официальном уровне, из-за чего единственным каналом связи между айну и правительством Японии выступает только лояльная властям Ассоциация айнов Хоккайдо. Подобный раскол в структуре не позволяет айну иметь политически сильную репрезентацию, которая была бы способна отстаивать права и интересы этой этнической группы на государственном уровне.

Список литературы

1. Чекункова, Е. С. Айны в современном японском обществе (К проблеме гармонизации межэтнических отношений) / Е. С. Чекункова. — Уфа : Проблемы востоковедения, 2017. — 79–82 с.
2. Чекункова, Е. С. Айны в современном японском обществе: проблема возвращения останков предков / Е. С. Чекункова. — Москва : Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история, 2021. — 96–113 с.
3. Арутюнов, С. А. Этнос без этничности: айны сегодня / С. А. Арутюнов. — Москва : Этнографическое обозрение, 2007. — 132–137 с.
4. The Japan Times. 'Empty words': Rights groups say Japan's bill recognizing Ainu as indigenous group falls short. 2019.
5. Naohiro, N. The Representation of Ainu Culture in the Japanese Museum System. 2007. The Canadian journal of native studies № 2. P. 331–365.
6. Cotterill, S. Ainu Success: the Political and Cultural Achievements of Japan's Indigenous Minority. 2011. № 9(12). P. 1–26.

Е. А. Коркина

cat.corckina@gmail.com

Казанский Федеральный Университет

Студент бакалавриата

ФЕНОМЕН ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию феномена языковой игры на материале китайских рекламных текстов. В работе рассматриваются примеры употребления лексической языковой игры, основанной на фонетическом подобии лексических единиц, а также примеры использования графической языковой игры, а также их особенности.

Ключевые слова: языковая игра, китайский язык, реклама, слоган, игра слов.

Keywords: language game, Chinese language, advertising, slogan, pun.

В современном мире языковая игра является мощным и эффективным инструментом, при умелом использовании которого можно добиться значительного успеха в продвижении товаров и услуг. Зачастую, именно языковая игра является ключевым инструментом в создании наиболее действенной рекламы на китайском языке.

Целью данной работы является изучение приёмов языковой игры в рекламных текстах на китайском языке.

Для достижения цели данной работы необходимо решить следующие **задачи**:

1. Рассмотреть понятие «языковая игра» и её сущность;
2. Проанализировать примеры использования языковой игры в китайской рекламе;
3. Рассмотреть особенности использования лексической языковой игры в рекламных текстах на китайском языке;
4. Рассмотреть особенности использования графических приёмов языковой игры в рекламных текстах на китайском языке.

В качестве языкового материала нами были использованы рекламные тексты, распространенные в средствах массовой информации, рекламные объявления в сети интернет, а также тексты наружной рекламы.

Языковая игра являет собой уникальный речевой феномен, многоаспектность и вариативность которого вызывает у исследователей огромный познавательный интерес. Сам термин «языковая игра» принадлежит австрийскому философу Людвигу Витгенштейну [1, С. 17]. В своих философских исследованиях он рассуждал о великом разнообразии способов употребления слов, а также высказывал идею того, что в языке, как в орудии общения людей, не существует навсегда установленных норм и моделей употребления. Изучив труды отечественных и зарубежных лингвистов, в частности Т. А. Гридиной [2], Б. Ю. Нормана [3] и В. З. Санникова [4], мы пришли к выводу о том, что в лингвистическом плане языковая игра представляет собой приём, при котором говорящий осознанно отступает от речевой нормы для достижения определенной коммуникативной цели. При этом многие лингвисты подчеркивают творческий характер языковой игры, требующий наличия креативного мышления как у создателя высказывания, так и у слушателя.

Изучая явление языковой игры на материале китайских рекламных текстов, мы пришли к выводу, что наиболее распространенными приемами являются лексическая языковая игра, основанная на фонетическом подобии лексических единиц, а также графическая языковая игра. Такой результат во многом может быть объяснен особенностями китайского языка: фонетически китайский язык ограничен 1332 различными слогами (с учетом тоновых отличий), что делает его крайне омонимичным [5, С. 63]. Омонимы, в свою очередь, создают множество возможностей для игры слов, построенной на столкновении их лексических значений.

Основным приемом для фонетической языковой игры в китайской рекламе стало использование фразеологизмов или так называемых «готовых выражений» — чэньюй (成语 — chéngyǔ). Данные фразеологизмы представляют собой лаконичные устойчивые обороты, состоящие всего из 4х иероглифов. Они являются важной частью китайской культуры, и, поэтому, они знакомы большей части населения.

Создавая слоган, разработчики замешают в выражении одно или несколько слов на омонимичные, связанные с рекламируемым товаром или самим брендом. Так, примером может служить слоган «鸡不可失» (jī bù kě shī), который на русский язык можно условно перевести как «Хватай свою курочку». Эта реклама была разработана специально для китайской сети быстрого питания. Основой для этого слогана стал чэньюй 机不可失 (jī bù kě shī — не уппусти свой шанс, лови момент), а элементом фонетической языковой игры стали слова «机» (jī — удобный случай, подходящий момент) и «鸡» (jī — курица). Другим подобным примером является слоган «闲妻良母» (Xián qī liáng mǔ) — «Свободная жена и любящая мать». Данный слоган был создан для рекламы стиральных машин. В данном случае за основу рекламного лозунга было взято устойчивое выражение 贤妻良母 (Xián qī liáng mǔ — добродетельная супруга и любящая мать), преобразованное с помощью замены оригинальной графемы «贤» (xián — добродетельный) омофоном «闲» (xián — свободный, незанятый). Реклама получилась короткой, образной и запоминающейся, а сам главный посыл однозначным и прямым: если покупатели приобретут стиральную машину данной компании, то у них появится много свободного времени, чтобы быть «верной супругой и любящей матерью».

Популярность графических методов воздействия на аудиторию также может быть объяснена особенностями китайского языка: иероглифы и их составляющие, исторически наделённые определённой семантикой, являются отличной базой для превращения рекламного текста в полноценную иллюстрацию. Изучая различные рекламные баннеры, мы установили, что основным приемом графической языковой игры является видоизменение пиктографичных ключей иероглифа. Так, в рекламе губной помады слово «口红» (kǒuhóng — помада) было графически преобразовано — разработчики заменили иероглиф «口» (рот) на рисунок отпечатка губ (рис. 1). Особенно часто такой тип графической языковой игры встречается в социальной рекламе, так как он позволяет использовать трансформированные иероглифы в качестве конкретных, ярких и запоминающихся визуальных образов. Примером является социальная реклама, направленная на борьбу с коррупцией, главным элементом которой

зачастую обладают некоторым комизмом и вызывают положительные эмоции. В данном случае ключевую роль играет эффект обманутого ожидания, который является довольно распространённым литературным приёмом. Основой для таких рекламных сообщений являются уже знакомые китайской аудитории выражения, в основном фразеологизмы, что позволяет создать короткий и запоминающийся слоган, содержащий достаточно информации о продукте или бренде. Особенности китайского языка также позволяют использовать графическую языковую игру, построенную на изменении вида иероглифов, либо обыгрывании семантики или внешнего вида отдельных ключей или черт. Тем не менее, стремительное развитие форм и видов рекламы, самого китайского языка, увеличение частоты использования различных приёмов языковой игры в живой речи оставляют нам широкий простор для будущих исследований.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Философские исследования, [пер. с нем. Л. Добро-сельского]. М., 2018. 352 с.
2. Гридина Т. А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность // Язык. Система. Личность. Языковая игра как вид лингвокреативной деятельности. Формирование языковой личности в онтогенезе. Екатеринбург, 2002.
3. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. М., 2018. 344 с.
4. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002. 552 с.
5. Алексахин А. Н. Теоретическая фонетика китайского языка. М., 2006. 204 с.

А. Д. Крапивка

adkrapivka1999@gmail.com

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург
Студент бакалавриата

ЖЕНСКИЙ СУФИЗМ В МАРОККО (ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ)

Аннотация: В статье анализируется феномен суфизма в контексте исламской теории гендерного равенства, сформулированной А. Диалми, и положение женщин-суфиев в современном Марокко на примере орден-нов Будшиши и Хабибия в Мадаге и Мекнесе.

Ключевые слова: суфизм, ислам, гендер, женщины, феминизм.

Keywords: Sufism, Islam, gender, women, feminism.

Согласно американскому исследователю П. Якнесу, суфизм, зародившийся примерно в VIII в., является духовным движением, направленным на достижение более высоких степеней веры с помощью реформирования телесного «я» [6]. Суфизм интерпретируется профессором социологии А. Диалми из университета Феса как исламская теория гендерного равенства ввиду того, что женщина наряду с мужчиной имеет право выступать в качестве духовного наставника [7, С. 17]. Он также считает, что развитие тела является главной составляющей суфийского пути, так как при освобождении души от всего материального суфии, в независимости от пола, приближаются к Богу [7]. Отделение души от плоти для достижения близости с Богом — это и есть тот суфийский путь, который при- миряет мужчину и женщину.

Целью настоящего исследования является изучение роли женщин-суфиев в современном Марокко. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: рассмотреть аспект гендерного равенства в суфийских братствах, изучить деятельность марокканских женщин-

суфиев в орденах Мадага и Мекнеса, сравнить деятельность женщин-суфиев в религиозных и светских государствах на примере Афганистана и Турции и выявить общие сходства и различия в орденах. Суфийские ордены в Марокко были использованы в качестве основного объекта исследования, так как в этой стране женщины-суфии участвуют в культовых обрядах наравне с мужчинами.

В ходе исследования были изучены современные источники на английском, французском и турецком языках [2, 5, 7, 10]. Это позволило определить положение суфизма в современном Марокко, а также рассмотреть роль женщин-суфиев в жизни исламского общества. В работе был использован сравнительно-теоретический метод, с помощью которого сравнивались суфийские ордена в выбранных странах.

Марокко имеет давнюю суфийскую традицию. Американский исследователь В. Корнелл утверждает, что суфизм, как учение, пришел в Марокко в начале XI в. [1, С. 4]. Самые ранние традиции марокканского суфизма опираются на благочестие и аскетизм.

В настоящее время правительство Марокко поддерживает суфизм как образовательное религиозное направление, так как суфии не участвуют в политическом процессе. Деятельность суфиев в Марокко ограничена обрядовой и образовательной составляющими.

Суфийские ордены существуют на всей территории Королевства Марокко. В орденах суфии организуют регулярные собрания, где читают, поют и обсуждают актуальные социальные темы. В настоящее время в деятельности орденов женщины принимают активное участие в качестве наставников и последователей. Суфизм в Марокко отводит женщинам более значимую роль, чем другие толки ислама, что способствует увеличению участия женщин в религиозной сфере жизни.

Духовные ценности суфизма — самоанализ, взаимоуважение и миролюбие — привлекают марокканскую молодежь. Однако, суфийские ордены пользуются большей популярностью среди женщин, нежели среди мужчин. Марокканская исследовательница М. Аль-Хайтами утверждает, что, женщины в большей степени поддерживают принятие государством суфизма как основного компонента марокканской религиозной идентичности [2, С. 202].

В настоящее время многие марокканки, полностью посвятившие себя семье и карьере, стремятся к удовлетворению духовных потребностей. По мнению М. Аль-Хайтами, образованные мусульмане среднего и высшего класса в большей степени интересуются суфизмом и не считают данное течение маргинальной практикой в исламе [2, С. 201].

В данном исследовании предлагается рассмотреть деятельность суфийского ордена Кадирри Будшиши в Мадаге и ветвь ордена Даркави под названием Хабибийя в Мекнесе.

Орден Будшиши привлекает широкий круг людей от бедных крестьян до городской буржуазии. Возраст последователей ордена варьируется от 20-ти до 70-ти лет, хотя особенно этот орден привлекает молодых женщин. Приверженность женщин ордену Будшиши обусловлена рядом причин. Во-первых, многие женщины рождаются в ордене, поэтому они наследуют традиционные практики ордена. Во-вторых, некоторые женщины вступают в орден Будшиши благодаря влиянию близких мужчин, например, благодаря мужу. В-третьих, женщины присоединяются к ордену, чтобы ощутить принадлежности к сообществу. Аль-Хайтами отмечает, что все последователи ордена разделяют дух товарищества (*sohba*) и любви (*mahabba*) между собой [2, С. 203].

В настоящее время орден возглавляет шейх Джамал ад-Дин Аль-Будшиши после смерти своего отца Хамзы бин Аббаса Аль-Будшиши в 2017 г. Ученицы шейха Хамзы гордились его открытостью и уважением к женщинам [2]. Стоит отметить, что он строго запрещал своим ученикам-мужчинам брать нескольких жен [2].

Среди членов ордена также можно выделить одну из выдающихся женщин-суфиев, Закию Зуанат, которая являлась известным марокканским антропологом и автором ряда работ о суфизме [8, 9]. Она была противницей практики ношения чадры и рассматривала ее, как символ патриархального господства над женщинами, утверждала, что суфийский путь поощряет духовный и интеллектуальный рост женщин за пределами ограничительных социальных норм [2, С. 203].

Что касается устройства ордена Будшиши, то дочери шейха играют ведущую роль в главной завии и в своих кругах в разных городах.

Лалла Фузия является одной из трех дочерей шейха Хамзы, которая живет в районе города Феса, где преобладает население среднего класса. М. Аль-Хайтами утверждает, что жительницы данного района очень высоко ценят ее как продолжательницу духовного руководства ее отца [2, С. 205].

В ордене Хабибия в Мекнесе ведущей фигурой является Лалла Зулейха, четвертая жена шейха Мухаммада ибн Аль-Хабиба. Ряд учеников, в числе которых и мужчины, считают Лаллу Зулейху шейхой и матерью [2]. Исследовательница М. Аль-Хайтами описывает роль женщин в ордене таким образом: «Пожилые женщины, регулярно посещающие завию, имеют дружественные отношения с Лаллой Зулейхой и являются давними ученицами шейха Мухаммада ибн Аль-Хабиба. На крупных торжествах часто присутствуют молодые женщины. Лалла Зулейха поддерживает завию, принимает посетителей, председательствует на собраниях и открывает их, а также посвящает в орден и мужчин, и женщин» [2, С. 206].

Наряду с марокканскими орденами в исследовании рассматриваются наиболее распространенные ордены Афганистана и Турции.

В Афганистане женщины играют значимую роль в общине Файзани, входящую в суфийский орден Кадиррия. Община названа в честь ее основателя Мавляны Файзани, который поддерживал и поощрял деятельность женщин в ордене. Этот дух Файзани сохраняется и сегодня в организационных структурах, разработанных орденом. Последователи ордена продолжают проводить традиционные собрания зикра, а также работают в отдельном Культурном центре.

Основная мысль учения М. Файзани состояла в том, что на пути к Богу важна человеческая душа [3]. Стремление быть ближе к Богу — это часть человеческого бытия, независимая от половой принадлежности, так как у женщин есть то, что может привести их к Богу также, как и у мужчины. Для этого необходимы три составляющие: душа (*ruh*), разум (*'aql*) и сердце (*qalb*) [5, С. 153].

В ордене Кадиррия женщины действуют в качестве религиозных деятелей и лидеров. Их собственный дискурс гендерного равенства включает не только членство женщин в ордене, но и проведение зикра, чтение Корана и изучение ислама. В сообществе проводятся

раздельные собрания для мужчин и женщин, однако, женщины-суфии нередко выступают в качестве наставников на гендерно-разделенных встречах. Это позволяет им участвовать в суфийской практике и соответствовать ожиданиям афганского общества в целом.

Что касается деятельности суфийских орденов в Турции, то можно отметить, что в последние годы в стране увеличилось количество симпозиумов и встреч, посвященных суфизму. Такой интерес турок к суфизму вызван деятельностью двух женщин-суфиев Джемалнур Саргут и Хаятнур Артиран. Джемалнур принадлежит к ордену Рифаи, а Хаятнур к ордену Мевелеви.

Джемалнур Саргут и Хаятнур Артиран — прогрессивные суфийские женщины, которые ведут активную деятельность в социальной сети Facebook и в личных сетевых блогах. Они эффективно используют эти инструменты для изложения суфийской мысли и консультирования своих последователей. Кроме того, они принимают участие в телевизионных программах, публикуют статьи в газетах и журналах. Благодаря такой активности вышеупомянутые женщины не только увеличивают число последователей суфизма, но также бросают вызов стереотипу о мусульманской женщине, которую СМИ зачастую преднамеренно описывают необразованной и безвластной.

Джемалнур и Хаятнур утверждают, что недостаток физической силы женщины восполняется внутренней духовностью [4, 10]. Обе женщины находят образец для подражания в женщинах, приближенных к Пророку Мухаммеду. Они подчеркивают, что их религия никогда не ограничивает женщину, приводя в пример отношение Пророка к своим женам Хадиже и Аише, а также к дочери Фатиме [4, 10].

Таким образом, суфизм занимает значительное место как в светских государствах, так и в государствах, где религия играет главенствующую роль. В Марокко женщины-суфии активно участвуют в организации общественных мероприятий, связанных с суфийской мыслью и практикой, так как суфизм активно поддерживается государством в качестве значительного компонента современного умеренного марокканского ислама. В орденах Турции и Афганистана женщины также имеют право на духовное лидерство, однако,

деятельность суфийских тарикатов не поддерживается на государственном уровне.

В большинстве орденов сохраняется разделение по гендерному признаку, но этот факт не влияет на достижение духовной близости с Богом. В отличие от традиционного ислама суфизм предоставляет женщинам высокую роль в духовной сфере наравне с мужчинами.

Список литературы

1. Cornell V. *Realm of the Saint: Power and Authority in Moroccan Sufism*. Austin: University of Texas Press, 1998.
2. El Haitami M. *Women and Sufism: Religious expression and the political sphere in contemporary Morocco // Mediterranean Studies*. 2014. Vol. 22(2). P. 190–212.
3. Faizani M. (2002). *Knowing oneself-Knowing God // Mawlana Faizani International [Электронный ресурс]*. URL: <https://www.faizani.com/books/G1/preface.html> (дата обращения: 2.03.2022).
4. Sargut C. *Beauty and Light: Mystical Discourses of a Contemporary Female Sufi Master / Translated by Canguzel Zulfical; ed. By Tehseen Thaver*. Louisville: Fons Vitae, 2018.
5. Schmeding A. *Dissolving gender difference: Female teachers, male Allies and the creation of Islamic Sufi authority in Afghanistan // Afghanistan*. 2021. Vol. 4(2). P. 142–169.
6. Yachnes P. (2002). *Sufism: An Annotated Resource Guide // The American Muslim [Электронный ресурс]*. URL: http://theamericanmuslim.org/tam.php/features/articles/sufism_an_annotated_resource_guide/ (дата обращения: 1.03.2022).
7. Dialmy A. *Féminisme, islamisme et soufisme*. Paris: Éditions Publisud, 1977.
8. Zouanat Z. *Le royaume des Saints*. Graz: Adeva, 2011.
9. Zouanat Z. *Soufisme: quête de lumière*. Marrakech: Éditions Koutoubia, 2009.
10. Artıran Hayat N. *Mevlevi Erkani Ichinde Kadının yeri [Положение женщины в ордене Мевелеви]. Mevlana'da Bulushma Semproyumu*, December 17. 2005.

С. В. Хачатурян

svkhachaturyan@edu.hse.ru

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург
Студент бакалавриата

ДВИЖЕНИЕ САСЭН В ЮЖНОЙ КОРЕЕ, КИТАЕ И ВЬЕТНАМЕ

Аннотация: Данное исследование посвящено определению особенностей движения сасэн в Южной Корее, Китае и Вьетнаме.

Ключевые слова: халлю, корейская волна, К-поп, сасэн, фанатские исследования.

Keywords: hallyu, Korean wave, K-pop, fan studies.

С момента зарождения К-попа как отдельного музыкального жанра в конце 1990-х гг. и становления его в качестве одной из главных движущих сил «корейской волны» в середине 2000-х гг. фанатская база исполнителей халлю выросла настолько, что в данный момент охватывает поклонников со всего света. Однако у такой популярности есть и другая сторона. Фанатское движение корейской индустрии развлечений включает в себя не только умеренных поклонников поп-звезд, но и более агрессивно настроенных фанатов. Для обозначения радикальной части фандома халлю применяется термин *сасэн*, являющийся аббревиатурой от корейского слова *사생활* (*sasaenghwal*), что в переводе значит «личная жизнь». В целом, деятельность корейских *сасэн*-сообществ ее влияние на артистов К-попа, их агентства и фандом «корейской волны» изучены недостаточно подробно, что и обуславливает актуальность настоящего исследования.

Цель данной работы — определить особенности движения *сасэн* в Южной Корее, Китае и Вьетнаме. Задачи, поставленные для ее достижения, включают анализ истории и причин зарождения

движения *сасэн*, выявление основных видов деятельности *сасэнов* и их последствий, а также рассмотрение и сопоставление структуры и деятельности *сасэн*-сообществ в каждой из трех стран.

В представленной работе обобщены результаты качественного социокультурного исследования, выполненного с применением подходов, свойственных для 'fan studies'. Методология исследования базируется на применении методов сравнительного анализа. Для рассмотрения и сопоставления структуры и деятельности *сасэн*-сообществ в каждой из стран был использован метод сравнительного кейс-стади. Также был задействован диахронический метод, позволивший проанализировать историю зарождения и развития движения *сасэн*. При изучении первоисточников (материалы фан-сайтов, информация из тематических групп в социальных сетях и т. д.) применялся метод контент-анализа.

Движение *сасэн*, зародившееся в Южной Корее в 2000-х гг. оказало большое влияние на фанатское сообщество халлю и на индустрию развлечений в РК, КНР и СРВ. Количество *сасэнов* в фандоме в сравнении с общей численностью фанатов довольно невелико. Отношение к ним внутри фанатского сообщества халлю, равно как и в обществе в целом, имеет достаточно негативный характер. Большинство поклонников К-попа не считают их полноправными членами фандома, а в некоторых онлайн-группах на *сасэнов* накладывают перманентный бан. Причиной тому служит деятельность движения *сасэн*, характеризующаяся чрезмерным вмешательством в частную жизнь артистов. Это выражается в слежке (сталкинг), нарушении личных границ (некоторые *сасэны* могут выбежать на сцену во время концерта, чтобы дотронуться до исполнителя), отправке писем и посылок с угрозами, причинении вреда здоровью посредством нападения и даже в попытках похищения артистов.

Данное сообщество радикальных поклонников «корейской волны», маргинализированное внутри фандома и вне его, возникло результате взаимодействия ряда социально-психологических и экономических факторов. Одним из них является высокий уровень психологического давления на молодежь, характерный для азиатских обществ, провоцирующий возникновение различных расстройств психики

[6, Р. 40–43], в том числе развитие синдрома поклонения знаменитостям [8], а также появление парасоциальных отношений со звездами халлю. Это негативно сказывается на восприятии той связи, которая существует между фанатом и кумиром, и фактически превращает ее в безумные фантазии с элементами культа личности [2, Р. 3]. Данная модель поведения часто встречается у *сасэнов*, некоторые из которых склонны считать себя близкими друзьями знаменитостей, а также утверждать, что состоят в романтических отношениях с тем или иным айдолом. Другая значимая причина появления *сасэн*-сообществ — маркетинговая стратегия агентств, занимающихся A&R менеджментом, особенность которой заключается в применении методов фансервиса для создания безупречного образа айдолов, вовлекающего фанатов в парасоциальные взаимодействия с артистами. Так знаменитости не только выражают фанатам свою признательность и любовь, но и делятся забавными историями из собственной жизни во время стримов и телешоу, рассказывают о том, как прошел их день, выставляя посты с простыми фотографиями в соцсетях, всячески стараясь показать, что они такие же обычные люди, как и их поклонники. Подобные действия артистов формируют в сознании поклонников образ «доступности», создавая ощущение чрезмерной близости и привязанности к айдолу, становясь катализатором для развития парасоциальных отношений [5, Р. 48–49].

Чрезмерный интерес *сасэнов* к личной жизни звезд, а также радикальность их поведения по отношению к кумирам, в том числе угрозы, сексуальные домогательства, негативные комментарии, кражи, взломы и сталкинг, отрицательно воздействуют на физическое и ментальное здоровье артистов халлю [3, Р. 140]. Действия экстремальных поклонников К-попа причиняют айдолам психологический вред, выражающийся в появлении различных расстройств психики. Кроме того, компании звезд несут значительные финансовые потери, связанные с обеспечением безопасности исполнителей и починкой испорченного имущества. Деятельность экстремальных поклонников «корейской волны» также оказывает неблагоприятное влияние на репутацию всего фандома халлю и на образ К-попа. Вследствие чего восприятие *сасэн*-сообществ в фандоме носит резко негативный характер.

Однако отрицательный имидж движения *сасэн* также является продуктом медиа-манипуляций, применяющихся для создания в социуме объекта для освобождения от негативных эмоций [7, Р. 86–88]. Цель данных действий — нивелировать проблему вторжения в частую жизнь артистов, которая является одной из наиболее острых в корейской индустрии развлечений. Замалчиванию проблем, связанных с действиями *сасэнов*, способствуют и агентства самих звезд, часто игнорирующие угрозу, исходящую от *сасэнов*, поскольку отдельные виды деятельности последних (например, покупка физических копий альбомов) приносят им немалую прибыль [4, Р. 118]. В целом, несмотря на общую негативную картину, влияние движения *сасэн* на фандом халлю крайне неоднозначно.

В ходе рассмотрения и сопоставления деятельности южнокорейских, китайских и вьетнамских *сасэн*-сообществ было выявлено, что методы работы *сасэнов* в трех странах практически идентичны. В число самых распространенных входят администрирование фансайтов, обмен информацией в специализированных чатах, а также преследование знаменитостей внутри страны проживания. В случае с рассмотренными иностранными группами экстремальных поклонников подобное происходит только во время прибытия айдола в КНР или СРВ.

Что касается отличительных черт движения *сасэн* в Южной Корее, Китае и Вьетнаме, наиболее важной является разница в формах деятельности, продиктованная разделением на «близкие» и «дистанционные» группы *сасэнов*. Данный фактор определяет объем финансовых и временных затрат на экстремальные фанатские практики, создавая своеобразный барьер для вступления в ряды *сасэн*-сообщества. По причине территориальной близости, в РК порог вхождения в группы радикальных фанатов значительно ниже. Это объясняет масштабность и относительную организованность движения, постепенно превращающегося в сферу особых фанатских услуг [3, Р. 142]. Иначе обстоит ситуация в КНР и СРВ, где *сасэнская* активность требует больших материальных ресурсов, вследствие чего численность *сасэн*-фанатов невысока. Однако китайские радикальные поклонники халлю имеют больше возможностей выезжать за пределы страны и преследовать айдолов

за границей, что обеспечивает им большую скандальность и известность [1].

При более детальном сравнении деятельности китайских и вьетнамских *сасэнов* было обнаружено, что их фанатские практики представляют собой прямой перенос корейских экстремальных фанатских практик на местные фандомы. В настоящее время множество *сасэнов*, проживающих в Китае и во Вьетнаме, концентрируют свое внимание на местных исполнителях, а не на звездах халлю. Это свидетельствует об углублении рецепции «корейской волны» в двух странах и представляет немалый интерес для дальнейшего изучения.

Список литературы:

1. Four of the Most Disturbing K-pop Sasaengs With Terrible Personalities // KpopStarz. URL: [https://www.kpopstarz.com/articles/293410/20200612/four-of-the-most-disturbing-k-pop-sasaengs-with-terrible-personalities.htm] (дата обращения: 18.03.2022).
2. Groszman R. Revisiting Parasocial Theory in Fan Studies: Pathological or (Path)illogical? // Transformative Works and Cultures. 2020. Vol. 34. P. 1–7.
3. Iwicka R. Every breath you take // Disassembling the celebrity figure: credibility and the incredible. Boston: Brill Rodopi, 2018. P. 125–147.
4. Iwicka R. There Will Be Blood: The Darker Side of K-Pop Fandom // Living in the Limelight: Dynamics of the Celebrity Experience. Oxford: Inter-Disciplinary Press, 2014. P. 111–120.
5. Kim Jungwon. K-Popping: Korean Women, K-Pop, and Fandom // eScholarship. 2017. P. 1–380. URL: [https://escholarship.org/uc/item/5pj4n52q] (дата обращения: 18.03.2022).
6. Sansone R. A., Sansone L. A. “I’m Your Number One Fan” — A Clinical Look at Celebrity Worship // Innovations in Clinical Neuroscience. 2014. Vol. 11(1–2). P. 39–43.
7. Williams J. P. Ho Xiang Xin. “Sasaengpaen” or K-pop fan? Singapore youths, authentic identities, and Asian media fandom // Deviant Behavior. 2016. Vol. 37(1). P. 81–94.
8. Celebrity Worship Syndrome // Psychology Today. URL: [https://www.psychologytoday.com/us/blog/in-excess/201307/celebrity-worship-syndrome] (дата обращения: 18.03.2022).

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ»

Н. Н. Гейгер

nikolaigeiger997@gmail.com

Санкт-Петербургский государственный университет
Аспирант

РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ «СЕРЫЕ ВОЛКИ» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ТУРЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Аннотация: В статье рассматривается деятельность правой радикальной организации «Серые волки», а также анализируется ее значение в общественно-политической жизни Турции во второй половине XX века. Особое внимание уделяется основателю группировки Алпарслану Тюркешу и основным резонансным событиям, в которых были замешаны члены объединения.

Ключевые слова: Турция, Серые волки, турецкий национализм, пантюркизм, Алпарслан Тюркеш.

Keywords: Turkey, Grey Wolves, Turkish nationalism, Pan-Turkism, Alparslan Türkeş.

Радикальная организация «Серые волки» (тур. *Bozkurtlar* — Бозкуртлар) была основана полковником турецкой армии Алпарсланом Тюркешем после Второй мировой войны. Значение организации в общественно-политической жизни Турции во второй половине XX века представляет особый научный интерес и требует подробного рассмотрения.

Актуальность данного исследования объясняется ростом пантюркистских и националистических настроений в самой Турции и попытками Анкары представить себя лидером тюркского мира в настоящее время. Рассмотрение деятельности «Серых волков» во второй половине прошлого века необходимо для понимания процессов, происходящих в республике сейчас.

Целью исследования является попытка оценить влияние организации на общественно-политическую жизнь Турции. Для до-

стижения цели были поставлены следующие задачи: рассмотрение деятельности группировки в XX веке, а также изучение соответствующей специализированной литературы и исторических документов.

Организация «Серые волки» официально оформилась в качестве военизированного молодежного крыла ультраправой «Партии националистического движения» (ПНД) в конце 60-х годов. На самом же деле «Серые волки» вовсе не были молодежным движением, это была сеть обученных и вооруженных людей, готовых к применению насилия для продвижения пантюркизма — идеи объединения тюркских народов в единое государство Великий Туран. Кроме того, в их идеологии подчеркивалась приверженность идеалистическому миропониманию. Термин «идеализм» (тур. *ülküculük* — улькуджулук) в данном контексте не имеет отношения к философии — ни к субъективному, ни к объективному идеализму [3, С. 70]. Речь идет о достижении «национального идеала», то есть идеала тюркского единства в дальней перспективе.

После окончания Второй мировой войны США намеревались интегрировать Турцию в западную антикоммунистическую систему обороны. Несмотря на то, что принято считать, что «Серые волки» появились во второй половине 60-х годов, есть свидетельства в пользу того, что антикоммунистическая армия из турецких националистов стала формироваться под предводительством Алпарслана Тюркеша уже в 1948 году. После Второй мировой войны он повышал квалификацию в США, где обзавелся контактами с ЦРУ и Пентагоном, а с 1955 по 1958 год служил в Вашингтоне в турецкой военной миссии НАТО [4, С. 69].

В связи с этим ряд фактов говорит о том, что группировка «Серые волки», по всей видимости, была одним из элементов международной тайной сети «Гладио» (турецкая часть — «Контргерилья»), которая охватывала страны НАТО и ставила своей целью борьбу против левого движения и противодействие СССР на случай военного вторжения в Европу. После того как секретные армии НАТО были разоблачены в 1990 году, выяснилось, что Тюркеш вербовал в отдельную контрповстанческую секретную армию членов «Серых волков». Боевики проходили программу обучения,

которая включала убийства, взрывы, вооруженные грабежи, пытки, нападения, похищения, угрозы, провокации, боевую подготовку в милиционных формированиях, захват заложников, поджоги, саботаж, пропаганду, дезинформацию, насилие и вымогательство [1, С. 263–263].

Штаб этих секретных подразделений получил название Тактический мобилизационный совет и был расположен в здании американского Управления военного сотрудничества с Турцией. В 1965 году совет был переименован в Управление специальных операций.

Что касается самого Алпарслана Тюркеша, то он был сторонником установления в Турции правой военной диктатуры. 27 мая 1960 года был участником военного переворота, организованного с целью свержения правительства Аднана Мендереса. Он также состоял в «Комитете национального единства» — пришедшей к власти военной хунте.

Однако генерала Джемаля Гюрсея, ставшего во главе нового режима, не устраивал националистический радикализм Тюркеша. Вместе с группой единомышленников последний был отстранен от военных и политических постов и отправлен работать в ранге советника в посольстве Турции в Дели.

В 1969 году полковник Тюркеш основал турецкую крайне правую «Партию националистического движения» (ПНД). Имея мало уважения к демократическим процедурам и ненасильственным методам решения конфликтов, в том же году он также организовал вооруженные правые силы молодежной организации ПДН — «Серых волков» [5, С. 210].

Кадры для молодежного военизированного крыла рекрутировались партией Тюркеша в основном из двух социальных групп — идеологически мотивированного студенчества и малообразованных выходцев из анатолийских деревень, мигрировавших в крупные города. В этой среде идеи крайнего национализма и неофашизма встречали наибольший отклик. В течение десятилетия была сформирована вертикальная структура, организованная по военному образцу, неподконтрольная официальным властям и подчиненная лично полковнику Тюркешу.

В 70-е годы, особенно во второй половине декады, в Турции наблюдается крупномасштабное политическое насилие. Ультраправые, ультралевые и государственные силовые структуры фактически вели друг с другом гражданскую войну малой интенсивности. «Серые волки» принимали в этих событиях самое активное участие.

Среди крупнейших актов насилия с участием «Серых волков» можно выделить бойню на площади Таксим 1 мая 1977 — нападение на первомайскую демонстрацию в Стамбуле. В демонстрации приняли участие не менее полумиллиона человек. Под вечер снайперы, находящиеся на крышах прилегающих зданий, начали обстреливать толпу. По разным данным, в результате инцидента погибло от 34 до 42 человек, еще от 126 до 220 человек получили ранения. Отель «Интерконтиненталь», с которого стреляли снайперы, принадлежал компании ИТТ, ранее участвовавшей в финансировании переворота против президента Чили Сальвадора Альенде в 1973 году и имевшей контакты с ЦРУ [1, С. 271]. За три дня до праздника в гостинице уже не было постояльцев. В ходе расследования видео- и аудиоматериалы неожиданно пропали.

12 сентября 1980 года командование ВС Турции во главе с генералом Кенаном Эвренем совершило государственный переворот. Установленный военный режим носил правонационалистический характер, близкий к идеологии ПНД и «Серых волков», но жестко подавлял политический экстремизм как левого, так и правого толка.

Тюркеш и его сторонники предстали перед судом. В материалах обвинения были указаны данные о том, что ПНД в периоды, когда входила в правительственные коалиции, подготовила антиправительственный заговор с целью установления фашистской диктатуры во главе с Тюркешем по типу, как признавалось в обвинении, фашистских диктатур в Испании, Италии и Германии. На день военного выступления, планировавшегося 12 сентября 1980 года, ПНД контролировала 1700 легальных организаций «идеалистов», насчитывавших 200 тысяч членов, имела примерно миллион сторонников [2, С. 333]. В распоряжении ПНД находились военизированные лагеря для подготовки террористов и штурмовиков,

склады оружия, радиостанции. Тюркеш был арестован и провел в заключении четыре с половиной года (большую часть этого времени находился в тюремном госпитале), а ПНД и «Серые волки» были объявлены вне закона. Политик вышел на свободу только в апреле 1985 года.

Избежавшие ареста «Серые волки» вынуждены были перенести основную деятельность за пределы Турции. Особенно сильное влияние они приобрели среди турецких рабочих, проживающих в Австрии и ФРГ. Их оперативные центры были созданы также во Франции и Швейцарии. Постепенно влияние «Серых волков» распространилось на Нидерланды и Бельгию.

Наиболее резонансным событием того периода стало покушение на Папу Римского Иоанна Павла II, совершенное Мехметом Али Агджой 13 мая 1981 года. Хирурги пять часов боролись за жизнь понтифика. Как отмечали медики, Иоанна Павла II спасло только чудо — пуля не задела крупные артерии и позвоночник. За свои преступления член группировки «Серые волки» получил пожизненный срок в Италии. В итальянской тюрьме он провел 19 лет, а затем был депортирован в Турцию после встречи с Иоанном Павлом II [1, С. 272]. Уже в Турции Агджа отбыл десятилетний срок, в 2007 году принял католичество и 18 января 2010 года был освобожден окончательно.

Что касается самой Турции, то во второй половине 1980-х и в 1990-х гг. полковник Тюркеш проводил более умеренную политику. Это было обусловлено общей стабилизацией положения в стране, устранением коммунистической угрозы, и в значительной степени разрушением подпольной инфраструктуры при военном режиме. В новых условиях «Серые волки» делали упор на защиту целостности Турции и борьбу против сепаратистов из «Рабочей партии Курдистана» (РПК).

В 1990-е годы, после распада СССР, идеология «Серых волков» начала распространяться на постсоветском пространстве. В частности, Искандер Гамидов, министр внутренних дел Азербайджана при президенте Абульфазе Эльчибее, был сторонником движения «Серые волки». Группировка направляла в Баку добровольцев для войны на карабахском фронте, вербовало военных

инструкторов из числа турецких офицеров. Турецкая разведка разными способами помогала чеченским сепаратистам во время боевых действий на Северном Кавказе. Кроме того, известно, что Джохар Дудаев поддерживал тесные контакты с ПНД и «Серыми волками». Даже герб Ичкерии был предложен ему представителем этой организации во время визита чеченского лидера на Северный Кипр.

Таким образом, «Серые волки» сыграли существенную роль в жизни страны во второй половине XX века. Боевики группировки были замешаны в политическом насилии, убийствах и борьбе с курдскими сепаратистами. «Серые волки» стали национальным фашистским движением, которое развивалось и поддерживалось ЦРУ во время работы с секретной армией Турции. В 1990 году выяснилось, что Алпарслан Тюркеш завербовал членов «Серых волков» в секретную армию, которая в Турции действовала под названием контрповстанческой секретной армии. Однако вследствие широкой общественной поддержки, которой пользовались «Серые волки», а также из-за их известной жестокости даже в 1990-е годы мало кто в Турции осмелился открыто противостоять им.

Что касается текущего периода, то организация продолжает свою деятельность. С 2015 года, когда ПНД вступила в коалицию с правящей партией президента Реджепа Тайипа Эрдогана, члены организации выступают на стороне правительства и практически не идут против правительственной линии. В настоящее время организация возглавляется Девлетом Бахчели, который руководит ПНД с 1997 года, после кончины Тюркеша.

Список литературы

1. Гансер Д. Секретные армии НАТО. Операция «Гладио» и терроризм в Западной Европе / Д. Гансер; пер. с англ. А. Ю. Колгашкина. — М.: Кучково поле, 2017. — 336 С.
2. Киреев Н. Г. История Турции XX век / Н. Г. Киреев. — М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. — 608 С.
3. Надеин-Раевский В. А. Пантюркизм: идеология, история, политика. Экспансионистская доктрина: от Османской империи до наших дней

- и судьбы Турции, России и Армении / В. А. Надеин-Раевский. — М.: Издательство «Русская панорама», 2017. — 316 С.
4. Aslan F. Graue Wölfe heulen wieder. Türkische Faschisten und ihre Vernetzung in der BRD / F. Aslan, K. Bozay. — Münster: Unrast Verlag, 1997. — 312 S.
 5. Yaşlı F. Antikomünizm, Ülkücü Hareket, Türkeş. Türkiye ve Soğuk Savaş / F. Yaşlı. — İstanbul: Yordam Kitap, 2019. — 416 S.

В. А. Каленова

vakalenova@edu.hse.ru

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург
Студент бакалавриата

ПОЛОЖЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ ОБЩИНЫ ИРАКА ПОСЛЕ ИРАКСКОГО КРИЗИСА (2003–2021 гг.)

Аннотация: В докладе анализируются основные особенности положения христиан Ирака после вторжения американских и коалиционных войск в 2003 г., а также после проникновения террористов на территорию государства в 2014 г.

Ключевые слова: иракский кризис, христиане Ирака, массовая миграция, церковь, терроризм.

Keywords: the Iraq crisis, Christians of Iraq, mass migration, church, terrorism.

На протяжении истории христианам Ирака с переменным успехом удавалось мирно сосуществовать на одной территории с представителями других этноконфессиональных групп. Тем не менее, в начале XXI в., а именно после 2003 г., когда на территорию Ирака вторглись коалиционные силы, положение христиан этого государства заметно ухудшилось. Актуальность исследования данной проблемы обуславливается тем, что за два последних десятилетия произошло беспрецедентное снижение численности христианского населения. Целью настоящего доклада является выявление основных особенностей положения христиан Ирака после 2003 г. Для достижения заданной цели поставлены следующие задачи:

1. Анализ положения христиан до 2003 г. (при Саддаме Хусейне).
2. Исследование перемен, которые произошли после иракского кризиса для христианского населения, а также их причин.

3. Рассмотрение событий, связанных с притеснениями христианской диаспоры и разрушением объектов ее культуры.

4. Анализ динамики численности христианского населения Ирака.

5. Рассмотрение роли других стран и организаций в помощи христианской диаспоре.

При работе с материалом использованы такие методы научного исследования как исторический анализ, контент-анализ и сравнительно-исторический метод изучения источников.

Христианство распространилось на территориях современного Ирака еще в первые века своего появления, но в VII в. в регионе произошло активное распространение ислама, вследствие чего христиане, некогда представлявшие собой большинство населения, превратились в меньшинство. Что касается периода власти Саддама Хусейна (1979–2003), предшествовавшего иракскому кризису, то прослеживается неоднозначность политики правителя в отношении немусульман. С одной стороны, режим Саддама Хусейна отличался светскостью, что означало предоставление христианам в Ираке, по сравнению с другими арабскими странами, религиозных свобод. Так, согласно 19 статье Конституции от 1970 г., им была гарантирована свобода вероисповедания и безопасность [6, С. 126], христиане привлекались на государственную службу. С другой стороны, уже в 90-е гг. светский курс был свернут из-за стремления Саддама Хусейна улучшить отношения с консервативными монархиями Персидского залива. Более того, политика Саддама Хусейна, направленная на подавление курдского сепаратизма, привела к ухудшению положения иракских христиан [13, С. 81].

20 марта 2003 г. вопреки резолюциям СБ ООН американские и коалиционные войска вторглись на территорию Ирака. В результате этих событий произошло крушение авторитарного режима Саддама Хусейна. Новая власть Ирака была представлена шиитами и пользовалась открытой поддержкой как США, так и Ирана, что неминуемо вылилось в недовольство суннитов. Это спровоцировало проникновение в Ирак иностранных джихадистов из различных международных террористических организаций. Таким образом, было положено начало сразу двум противостояниям: борьбе

с коалиционными оккупантами и внутригосударственным распрям (в первую очередь между суннитами, шиитами и курдами). Проникновение акторов международного терроризма на территорию Ирака усугубляло ситуацию, страна балансировала на грани распада, пребывала в состоянии экономического упадка и хаоса.

Конституция, принятая в 2005 г., формально гарантирует свободу вероисповедания, но ее вторая статья фактически устанавливает ислам в качестве государственной религии и основного источника права [4]. Христиане оказались в наиболее уязвимом положении. Радикальные исламисты увидели в них предателей и пособников оккупантов, поэтому террористические акты проводились не только против коалиционных войск, но и против приверженцев христианской религии, которых хотели заставить подчиниться законам шариата [8]. Стали распространены случаи угнетения немусульман, а также погромов населенных ими районов. В течение октября-декабря 2009 г. около 10 000 христиан бежали из районов близ Киркука, опасаясь бомбардировок [11].

В 2011 г. американские войска были выведены из Ирака, что спровоцировало новый виток суннитско-шиитского противостояния (в первую очередь из-за политики премьера-шиита Нури аль-Малики). Поэтому, когда в 2014 г. в Ирак из Сирии вторглись отряды ИГ, к ним примкнули многие местные сунниты. Мусульмане, особенно радикально настроенные, обвиняли христиан в том, что они хотят подорвать каноны ислама и «поработить мусульман», что вызывало волнения в обществе [5, С. 90].

Летом 2014 г. боевики ИГ захватили второй по величине иракский город Мосул. Проживающие в нем христиане подвергались самым жестоким преследованиям, так как боевики намеревались стереть их с лица земли Ближнего Востока. В ходе наступления на Мосул и Ниневию боевики похищали детей христиан, женщин подвергали рабству. Каракош, абсолютное большинство населения которого представлено христианами, потерял более 50 тыс. населения. Большая часть жителей бежала на территории Курдского автономного района, в том числе города Эрбиль и Дахук.

В результате деятельности террористов на Ближнем Востоке были уничтожены всемирно известные памятники доисламской культуры,

расположенные в Нимруде, Хатре и Ниневии [1]. В общей сложности более 100 христианских церквей и монастырей были полностью разрушены только в одном Мосуле и окружающих его преимущественно христианских деревнях [10].

Что касается динамики численности христианского населения Ирака, то самый массовый исход из Ирака произошел после американского военного вмешательства в 2003 г., а затем в период с 2014 по 2017 гг., после вторжения боевиков и захвата севера страны. Таким образом, число христиан, которое до начала 90-х гг. XX в. составляло по разным данным от 1 до 1,5 миллионов, т. е. 5–6 процентов населения, сократилось до 200–400 тысяч. Только в период с 2003 по 2015 гг. были убиты 1200 христиан [12].

Несмотря на историческое прошлое и то, что в 2017 г. Мосул и близлежащие христианские города были освобождены от боевиков, большинство христиан не собираются возвращаться в Ниневию. Населенные пункты, захваченные боевиками, представляют собой развалины и руины. Большинство домов сожжены, а жители опасаются возвращения исламистов [2].

После вторжения ИГ в Ирак и Сирию в Эрбиле, столице Курдского автономного района, насчитывалось около 70 000 беженцев. Большинство христиан смирились с тем, что этот город будет для них домом, по крайней мере, в обозримом будущем [2]. По этой причине правительство КАР совместно с Халдейской церковью работают над созданием школ, их силами был открыт новый католический университет.

Епископ Шлемон Вардуни утверждает, что президент Иракского Курдистана гарантировал беженцам защиту [9]. По заявлению христиан, большая часть помощи, получаемой их диаспорой в Ираке, поступает от христианских благотворительных организаций, включая церкви на Ближнем Востоке, в Америке и по всему миру [1].

Распространение информации о зверствах исламских боевиков в отношении христиан и представителей других меньшинств вынудило мировое сообщество (как на официальном, так и общественном уровне) начать движение в их поддержку. Некоторые христианские организации занимались сбором и отправкой гуманитарной помощи в Сирию и Ирак. В числе первых были россий-

ские организации, в том числе Императорское Православное Палестинское Общество, основанное в 1882 г., в рамках которого работает специальный Комитет, активно сотрудничающий с ОБСЕ и другими структурами для организации защиты христиан Ближнего Востока [7].

С 5 по 8 марта 2021 г., несмотря на угрозу безопасности, состоялся визит Папы Римского Франциска в Ирак. Основной целью первого в истории посещения этого государства главой Ватикана была попытка наладить межконфессиональный диалог, а также поддержать христианскую общину, численность которой значительно уменьшилась в последнее время [3]. Приезд главы Ватикана в Ирак был широко освещен в СМИ. Это позволило мировой общественности узнать о проблеме меньшинства не только Ирака, но и других государств Ближнего Востока.

Таким образом, положение христиан заметно ухудшилось после вторжения коалиционных войск на территорию Ирака в 2003 г. Было положено начало гражданской войне, из-за которой христиане подвергались постоянным нападениям со стороны исламистов, что сделало их одной из наименее защищенных групп населения. После вывода американских войск произошел новый виток шиитско-суннитского противостояния, и в 2014 г., после вторжения ИГ на территорию Ирака, положение христиан стало критическим. Это подтверждает тот факт, что в 2017 г. США признали акты агрессии боевиков против христиан геноцидом. Исламистами был нанесен колоссальный ущерб объектам исторического наследия, уничтожен целый ряд памятников христианской культуры (на сегодняшний день в регионе их насчитывается не более 60). В период с 2003 по 2017 гг. численность христианского населения уменьшилась в несколько раз. Даже несмотря на относительную стабилизацию обстановки, христиане боятся возвращаться обратно, что вполне оправдано. Тем не менее, в частности, благодаря широкому освещению в СМИ трагических событий, с которыми христианская диаспора Ирака столкнулась за последние 10 лет, она пользуется поддержкой мирового сообщества, церковью и организациями, но этого недостаточно для того, чтобы большинство христиан смогли возобновить мирную жизнь в своих городах.

Список литературы

1. В Ираке оценивают урон, нанесенный боевиками ИГ древнему Нимруду (16 ноября 2016) // BBC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-38000743> (дата обращения: 03.03.2022).
2. Ирак: христиане возвращаются в Каракеш (13 февраля 2017) // Euronews [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.euronews.com/2017/02/13/iraq-christians-find-hometown-in-ruins> (дата обращения: 03.03.2022).
3. Исторический визит папы римского Франциска в Ирак: месса на стадионе и опасения за безопасность (5 марта 2021) // BBC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-56292619> (дата обращения: 14.03.2022).
4. Конституция Республики Ирак от 15 октября 2005 года // world-constitutions [Электронный ресурс]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=338> (дата обращения: 10.02.2022).
5. Мгои Ш. Х. Сложности реализации автономии южного Курдистана и факторы ее необратимости // Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века. Сборник статей. М., 2006. С. 84–96.
6. Сапронова М. А. Иракская конституция в прошлом и настоящем (из истории конституционного развития Ирака). М.: ИБВ, 2006.
7. Член Совета ИППО Сергей Гаврилов встретился с членами Совета лидеров христианских Церквей Ирака (27 ноября 2018) // Императорское православное палестинское общество [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ippo.ru/world/article/chlen-soveta-ippo-sergey-gavrilov-vstretilsya-s-ch-404997> (дата обращения: 14.03.2022).
8. Шестаков Е. Э. (8 июля 2003). Шарит для христиан // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/news/278705> (дата обращения: 10.02.2022).
9. Burger J. (24 July 2014). Iraq’s Bishops Continue to Ask, “Why is World Silent?” // aleteia.org [Электронный ресурс]. URL: <https://aleteia.org/2014/07/24/iraqs-bishops-continue-to-ask-why-is-world-silent/> (дата обращения: 03.02.2022).
10. Iraq’s oldest Christian monastery destroyed by Islamic State (20 January 2016) // BBC [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20160120155412/http://www.bbc.com/news/world-middle-east-35360415> (дата обращения: 10.02.2022).

11. Katzman K., Humid C. Iraq: politics and government // fas.org [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/RS21968.pdf> (дата обращения: 11.02.2022).
12. McKay H. (3 October 2017). Kurdish referendum inspires Iraq's Christians to fight for their own independence amid fears of being caught in crossfire // foxnews [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foxnews.com/world/kurdish-referendum-inspires-iraqs-christians-to-fight-for-their-own-independence-amid-fears-of-being-caught-in-crossfire> (дата обращения: 01.03.2022).
13. Shakely F. The Modern Kurdish Short Story. Uppsala, 2016.

Ю. Г. Киселева

yugkiseleva@edu.hse.ru

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Студент бакалавриата

«ПОКОЛЕНИЕ ПОТЕРЯННЫХ ДЕВОЧЕК» В КИТАЕ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация: В статье анализируются причины половых диспропорций при рождении в Китае, а также изменения данного показателя со второй половины 1930-х гг. по 2020 г. в контексте феномена «поколение потерянных девочек».

Ключевые слова: гендерный дисбаланс, селективный аборт, демографическая политика, усыновление.

Keywords: gender imbalance, selective abortion, demographic policy, adoption.

Долгие столетия Китай обрабатывал все внешние влияния в соответствии с собственной философией [2]. Так возникла мировоззренческая система, основу которой составляло конфуцианство. В древней китайской философии превалировала этическая проблематика, которая соседствовала с идеей некоего «долженствования» добродетели [4, С. 240]. Модели, по которым функционировали семья и государство были во многом схожи, характеризовались патриархальностью и патрилинейностью. Семья считалась маленькой моделью государства и общества в целом, где позиция мужчины в иерархии всегда была выше женщины. Правитель государства, т. н. Сын Неба, был единственным, кто обладал правом реализации сакральной власти — мог совершать ритуалы и «общаться» с Небом [1, С. 260–263]. Практически то же самое мы видим внутри каждой китайской семьи: подношения духам предков делает именно глава рода по мужской линии. Вместе с тем, един-

ственным важным женским предназначением было рождение наследника. В этом отношении женщина в Китае была фактически лишена права контроля над собственным телом (что подтверждается, в частности, калечащей практикой бинтования ног) [5, С. 676–677]. Таким образом, в рамках конфуцианских ценностей сформировалась бинарная система, где предпочтение отдавалось всему мужскому: большинство семей мечтало именно о сыне, а дочерей рассматривало как обузу.

Одним из важных доказательств этому служит показатель естественного соотношения полов при рождении. Так, общемировое значение равно примерно 1,07 [15], когда как в Китае на сегодняшний день эта цифра близка к 1,13 [15]. Обратимся к динамике естественного соотношения полов при рождении в Китае (рис. 1). В самом начале рассматриваемого периода (вторая половина 1930-х гг. — 2020 г.) показатель является неоправданно большим (приблизительно 1,13), значительно снижается вплоть до 1,06 в середине 1960-х гг., а потом вновь увеличивается, причем довольно резко (с 1,08 до 1,12 в течение 1980-х гг.). Тем не менее, если сравнивать начальную и конечную точки, то оказывается, что соответствующие им значения практически идентичны (около 1,13).

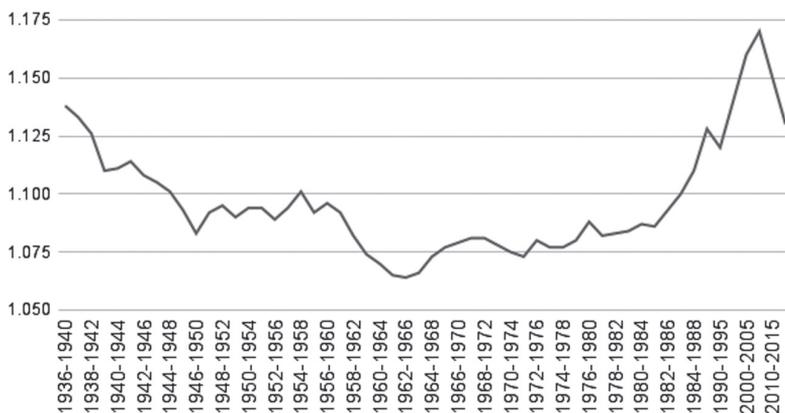

Рис. 1. Динамика показателя естественного соотношения полов при рождении в Китае, 1936–2015 гг. (построено по: World Population Prospects 2019)

По подсчетам исследователей, на сегодняшний день из-за искажения естественного соотношения полов при рождении мужское население превышает женское примерно на 40 млн., что выражается в нехватке женщин фертильного возраста, увеличению числа холостяков, снижению рождаемости [13]. Для описания данного феномена индийским экономистом Амартия Сеном был введен термин «*потерянные девочки*» (англ. «missing women/girls»).

Данное явление имеет место не только в Китае, но и в других странах Восточной и Юго-Восточной Азии, таких как Индия, Республика Корея и др. [9] Положительный опыт преодоления проблемы, например, Республикой Корея (постепенное снижения показателя с 1,14 в 1990 г. до 1,06 в 2020 г. [15]) позволяет рассчитывать на постепенную нормализации демографических показателей и в КНР, однако, по оценкам исследователей, даже при самых благоприятных обстоятельствах преодолеть последствия проблемы и вернуться к нормальным показателям естественного соотношения полов при рождении Китай сможет лишь через несколько десятилетий [10].

Цель настоящей работы — анализ возможных причин изменений показателя естественного соотношения полов при рождении в рамках феномена «поколения потерянных девочек» в Китае. Исследование проведено путем статистического анализа комплекса демографических показателей, таких как численность новорожденных мальчиков и девочек, а также усыновлений на протяжении изучаемого периода.

Так, некоторые исследователи, в частности Коул и Банистер, предполагают, что высокие показатели естественного соотношения полов при рождении связаны с культурно обусловленными практиками детоубийства новорожденных девочек [2, С. 448]. Мы предполагаем, что эта идея уместна только для периода 1930–1940-х гг., то есть до прихода к власти Коммунистической партии Китая. Очевидно, новая власть предприняла необходимые меры по предотвращению избирательных детоубийств, что доказывают данные по детской смертности младенцев мужского и женского пола.

Смертность среди мальчиков значительно выше на протяжении всего периода 1969–2019 гг. (рис. 2), следовательно, или детоубийств

новорожденных девочек не происходило, или младенцев женского пола изначально не регистрировали, из-за чего их смерть не могла быть зафиксирована. Последняя практика довольно распространена в Китае, в особенности среди вторых и последующих детей [16]: на сегодняшний день значительное число людей не обладает пропиской хукоу, не имеет доступа к образованию и медицине [17, С. 2–3]. Более того, нехватка женщин, особенно в сельской местности, зачастую приводит к практикам торговли женщинами [3, С. 12] (этой проблеме, в частности, посвящен фильм Ли Яна «Слепая гора»).

Рис. 2. Динамика показателей младенческой смертности по полу, 1969–2019 гг. (построено по: World Bank Open Data)

Выдвинем некоторые гипотезы, которые могут объяснить снижение показателя естественного соотношения полов при рождении в середине рассматриваемого периода. Прежде всего, распространенной практикой в Китае в этот период было удочерение девочек бездетными парами [11]. В большей степени приемные родители

брали в семью именно девочек [14]. Более того, коэффициент удочерения постепенно увеличивался на протяжении периода 1950–1984 гг. (рис. 3). Таким образом, можно предположить, что в условиях предпочтения мальчика, семьи зачастую отказывались от ребенка женского пола, после чего девочки оказывались в приемных семьях. С начала 1990-х гг. детей из Китая стало можно усыновлять и семьям за рубежом, из-за чего более поздние данные структурировать становится несколько сложнее [12].

Рис. 3. Динамика коэффициентов усыновления и удочерения в Китае, 1950–1985 гг. (построено по: Liu, Larsen and Wyshak, 2004)

Однако с конца 1980-х гг. мы вновь видим увеличение показателя диспропорции естественного соотношения полов при рождении (рис. 1). Предполагается, что это происходит во многом из-за развития ультразвуковых технологий [7], которые позволяют заранее узнать пол будущего ребенка и осуществить процедуру селективного аборта в случае, если пол ребенка не устраивает ро-

дителей. Очевидно, в конфуцианском обществе с патриархальным укладом возможность искусственно выбрать пол ребенка обрела популярность. Более того, демографическая политика, ограничивающая размер семьи, лишь стимулировала пары прибегать к процедуре селективного аборта по признаку пола, чтобы единственный ребенок оказался именно мальчиком. Действительно, с конца 1980-х гг. коэффициент абортов неуклонно увеличивается и резко снижается после отмены политики «Одна семья — один ребенок» в 2012 г. (рис. 4).

Способность искусственно выбирать пол будущего ребенка мотивировала тысячи семей обратиться к селективному аборту по признаку пола, несмотря на запрет этой практики еще в 1986 г. Более того, аборт становится основным средством выбора пола ребенка, когда речь идет о 3 и 4 рожденьях. На графике (рис. 5) четко видно это различие для рождений разных порядков: расхождение становятся наиболее выраженными именно к концу 1980-х гг.

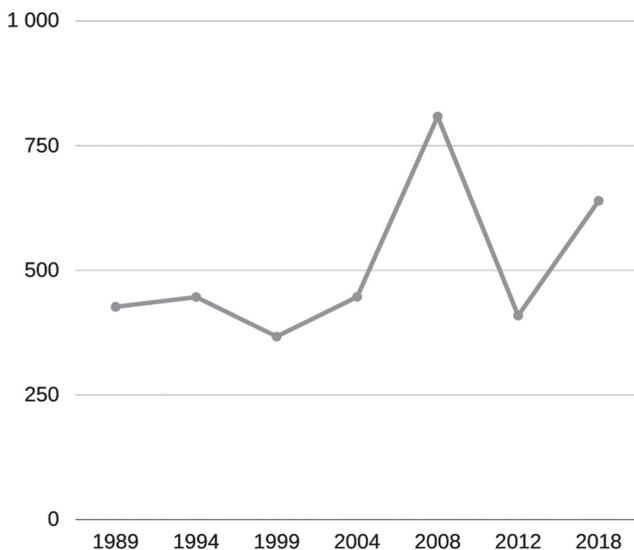

Рис. 4. Динамика коэффициента абортов в Китае, конец 1980-х гг. — 2018 г. (построено по: Historical abortion statistics, PR China)

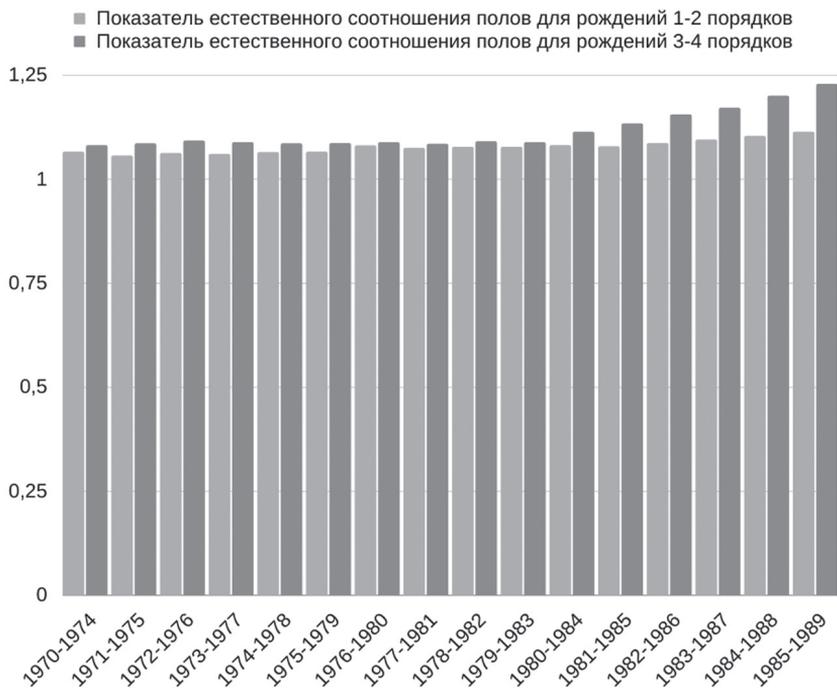

Рис. 5. Динамика показателя естественного соотношения полов для рождений 1–2 порядков и 3–4 порядков, 1970–1989 гг. (построено по: Coale and Banister, 1994)

Заключение

Во-первых, если раньше в Китае практиковалось детоубийство, то позднее распространение получили иные способы, позволяющие выбирать пол будущего ребенка. Все перечисленные практики так или иначе оказали влияние на коэффициент естественного соотношения полов при рождении, а также привели к появлению феномена, получившего название «поколение потерянных девочек». Во-вторых, по разным подсчетам, в Китае за период 1970–2020 гг. по тем или иным причинам (в т. ч. предпочтение сына и селективный аборт, детоубийство и др.), не досчитались не менее 50 миллионов девочек [6]. Дать более точную оценку едва ли возможно, что свя-

зано, в первую очередь, со сложностью учета незарегистрированных девочек и неофициальных удочерений. Более того, китайские источники не всегда точны [15]. Тем не менее, очевиден факт — данный феномен, сформированный комплексом факторов, влечет за собой значительные проблемы для демографии, а значит, и экономики Китая, что представляет перспективное направление для дальнейших исследований.

Список литературы

1. Го юй: Речи царств / пер. с китайского, вступл. и примеч. В. С. Таскина. М.: Наука, 1987. — 474 с.
2. Гусев, И. В. Воздействие современных форм религиозного синкретизма на духовную жизнь КНР [Текст]: автореф. дис. ... канд. соц. наук. — М., 2004. — 21 с.
3. Косарева И. А. Принципы современного семейного права Китая // *ChinaPRO* 4(13). — С. 10–15.
4. Переломов Л. С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. — М.: Наука, 1993. — 440 С.
5. Blake C. F. Foot-binding in neo-Confucian China and the appropriation of female labor // *Signs: Journal of Women in Culture and Society* 19(3), 1994. — P. 676–712.
6. Bongaarts, J., Guilimoto, C. Z. How many more missing women? Excess female mortality and prenatal sex selection, 1970–2050 // *Population and Development Review* 41(2), 2015. — P. 241–269.
7. Chen, Y., Hongbin L., Lingsheng M. Prenatal sex selection and missing girls in China: Evidence from the diffusion of diagnostic ultrasound // *Journal of Human Resources* 48(1), 2013. — P. 36–70.
8. Coale, Ansley J., Banister, J. Five decades of missing females in China // *Demography* 31(3), 1994. — P. 421–450.
9. Gupta, Monica D., Woojin Ch., Li Sh. Evidence for an incipient decline in numbers of missing girls in China and India // *Population and Development Review* 35(2), 2009. — P. 401–416.
10. Hesketh, Th., Lu, L., Zhu, W. The consequences of son preference and sex-selective abortion in China and other Asian countries // *Canadian Medical Association Journal* 183, 2011. — P. 1374–1377.
11. Johansson, S., Nygren, O. The missing girls of China: A new demographic account // *The Population and Development Review* 17, 1991. — P. 35–51.

- 12 Johnson K. Politics of international and domestic adoption in China // *Law & Soc’y Rev.* 36, 2002. — P. 379–396.
13. Li, M., Quanbao J. Overestimated SRB and Missing Girls in China // *Frontiers in Sociology*. URL: [<https://doi.org/10.3389/fsoc.2021.756364>] (дата обращения: 17.01.2022).
14. Liu, J., Larsen, U., Wyshak, G. Factors affecting adoption in China, 1950–87 // *Population Studies* 58(1), 2004. — P. 21–36.
15. Sex ratio at birth by region, subregion and country, 1950–2100 (male births per female births) // *World Population Prospects 2019*. URL: [[https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20\(Standard\)/EXCEL_FILES/2_Fertility/WPP2019_FERT_F02_SEX_RATIO_AT_BIRTH.xlsx](https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20(Standard)/EXCEL_FILES/2_Fertility/WPP2019_FERT_F02_SEX_RATIO_AT_BIRTH.xlsx)] (дата обращения: 06.03.2022).
16. Shi, Y., Kennedy, John J. Delayed registration and identifying the “Missing Girls” in China // *The China Quarterly* 228, 2016. — P. 1018–1038.
17. Zhou Y. Uncovering children in marginalization: Explaining unregistered children in China // *IUSSP General Conference, Tours, France. 2005.* — 30 p.

Лю Лэй

liulej@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
Аспирант

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В СИНЬЦЗЯНЕ ДО 1917 г.

Аннотация: В статье анализируется степень включенности русских эмигрантов в общественную жизнь Синьцзяна дореволюционного времени. Изучение представленного вопроса позволяет осветить целый ряд малоизученных проблем, связанных с жизнью эмигрантов в Синьцзяне.

Ключевые слова: Синьцзян, русская эмиграция, экономическая жизнь, торговля.

Keywords: Xinjiang, Russian emigration, economic life, trade.

Синьцзян расположен на северо-западе Китая. Занимаемая площадь составляет 1/6 часть территории всей страны. С древних времён этот район был одним из важных перекрестков Евразии, на территории которого непрерывно проходил процесс переселения разных этнических групп.

История пребывания российских подданных на территории Синьцзяна очень сложна. Но именно они оказали определенное влияние на развитие местной экономики, культуры и промышленности.

В конце XVIII в. социальная экономика Синьцзяна стабильно развивалась, вследствие чего привлекала большое количество переселенцев из центрального Китая. Это привело к увеличению размеров городов, поселков и развитию торговых связей. Социально-экономическое процветание заложило прочную экономическую основу для развития торговых отношений между Синьцзяном и соседними странами и регионами, в частности, с Россией.

Поворотным событием для переселения русских подданных стал Кульджинский договор, заключенный между Россией и Китаем о торговле в Кульдже и Тарбагатае 25 июля 1851 г. В него включалось 17 статей, по ним русские купцы получали исключительное право при торговле, именно поэтому на территории Синьцзяна их становилось все больше [2, С. 48–50].

Ощутимое влияние на переселение русских на территории Синьцзяна оказал Петербургский договор, заключенный в 1881 г. Согласно 10-й статье данного договора российское правительство получило право назначать консулов в Или, Тарбагатае, Кашгаре и Турфане. В таких городах, как Улясутай, Хами, Урумчи и Гучен начали учреждать консульства по обстоятельствам развития торговли, а в 12-й статье русским подданным предоставлялось право торговать беспошлинно в городах и прочих местах Илиского, Тарбагатайского, Кашгарского, Урумчийского и других округов, лежащих по северному и южному склонам Тянь-Шаньского хребта [2, С. 86–87].

Таким образом, русские купцы начали обладать исключительными правами, при этом их численность в ряде регионов Синьцзяна резко увеличилась.

В дореволюционное время помимо экономической деятельности, роль российских предпринимателей расширилась в конце XIX — начале XX века: в Кульдже, Чугучаке и Кашгаре были открыты отделения Русско-Китайского банка. Иностранные фирмы открыли свои главные магазины в фактории, где учреждали консульства. Далее должности в этих фирмах расширялись и таким образом постепенно охватывали рынок. В итоге сформировались торговые сети русского населения под руководством консульств на территории Синьцзяна, и они обосновались в разных точках провинции (в Или и Кашгар также работали по этой схеме) (рис. 1).

Несмотря на то, что деятельность русских эмигрантов объективно оказала позитивное влияние на материальную жизнь населения, она коренным образом нарушала здоровое функционирование рынка. К примеру, в микросфере степная торговля осуществлялась по принципу товарообмена: за один чи ткани взамен можно было

получить баранью шкуру, за один плиточный чай можно было получить целого барана. Меновая торговля всегда была широко распространена, за счёт чего русские купцы получали довольно много прибыли.

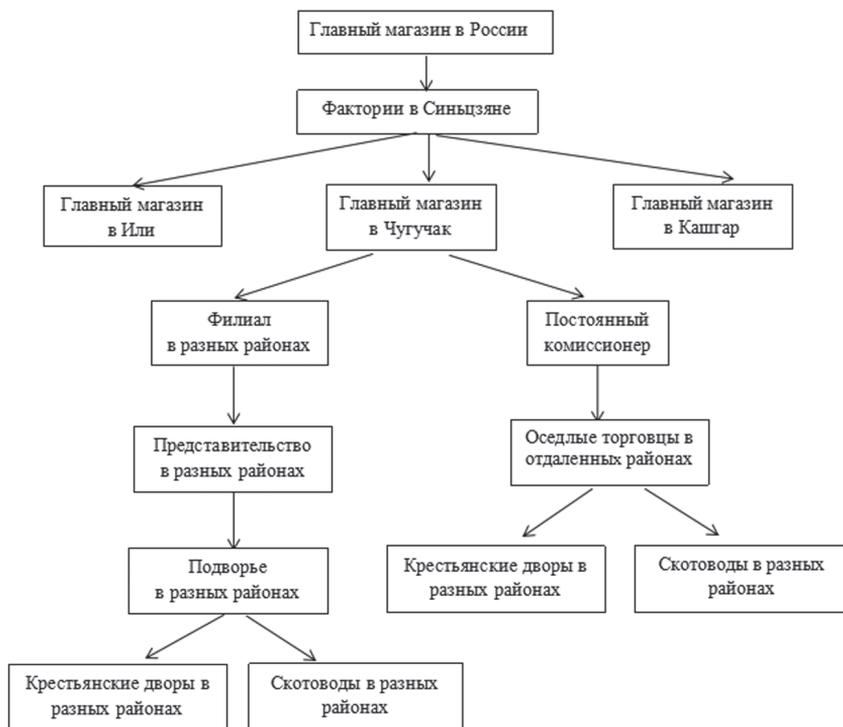

Рис. 1. Торговые сети русских фирм в Синьцзяне во времена Поздней Цин и Китайской Республики [6, С. 44]

Развитие экономики Синьцзяна косвенно изменило её образовательную систему. Доказательством тому служат следующие факты. Во время торговых операций осуществлялись тесные контакты между русскими купцами и местными жителями, и передовые идеи русских торговцев повлияли на взгляды автохтонов. Кроме того, работающие в иностранных фирмах, должны были говорить на иностранном языке. Владение русским языком позитивно сказывалось

на социальном статусе. Поэтому высшие чины Синьцзяна часто отправляли своих детей учиться в Россию или изучать русский язык в Синьцзяне [4, С. 126].

Приведу еще в пример семью Мушабаевых, которая сделала большой вклад в развитие и создание нового типа учебных заведений. Первоначально Мушабаевы занимались скотоводством и сельским хозяйством, потом переориентировались на торговлю и открыли торговую фирму в Артуше и Кашгаре. Понимая, что только хорошее образование дает надежду для дальнейшего развития, младших членов семьи отправили учиться за рубеж. После окончания учебы они с душой и энтузиазмом взялись за образовательную реформу в северном и южном Синьцзяне. Зная, насколько важны преподавательские кадры для образования, педагогов пригласили из России. На курсах повышения квалификации выбрали для обучения за границей лучших из молодёжи. В 1888 г. в расписании появился новый предмет — рисование, что с большой вероятностью было связано с поездкой этих студентов. В расписании школы были также занятия русским языком. Это доказывает, что в 1888 г. в обществе уже была такая потребность. По нашему мнению, целью включения этого предмета в программу было прежде всего общение с русскими купцами: знание языка делового партнёра помогает лучше вести дело.

С 1905 г. была проведена реформа в Дихуа (ныне Урумчи), все шуюань (частные образовательные благотворительные организации) превратились в школы. В расписания были включены занятия по русскому, английскому, немецкому, французскому языкам; среди них русский язык был обязательным предметом для средней ступени средней школы и средней школы старшей ступени.

В следующем году в Чугучаке было создано другое заведение с шестью классами, где преподавали китайский, русский, монгольский, уйгурский и казахский язык. Таким образом, в зависимости от потребностей бизнеса значение русского языка выросло со времени подписания Кульдженского договора. До Октябрьской революции преподавание русского языка на территории Синьцзяна сформировалось в общих чертах не только в частной среде, но и в официальной.

В начале XIX в. передача информации в Синьцзяне осуществлялась еще традиционным способом — пересылкой почтовыми трактами с подставами (сменами) лошадей. Официальные почтовые станции служили только правительству, физические лица не могли их использовать. Русское почтово-телеграфное отделение удовлетворяло такой спрос. Наряду с этим, все почтовые организации находились внутри факторий в Или, Чугучаге, Кашгаре и Дихуа. Следует особенно отметить, что в Кульдже находилась хорошо оборудованная русская почтово-телеграфная контора, которая имела громадное значение для связи населения округа с прилегающими русскими областями — Семиреческой и Семипалатинской [1, Л. 183].

Таким образом, русские консулы обеспечивали связь на огромных территориях и получали на этом сверхприбыль. С одной стороны, эта деятельность была удобна большинству местных жителей, но с другой стороны, нарушала суверенные права на почтовые операции и негативно влияла на китайские налоговые поступления. Поэтому в 1910 г. Цинское правительство начало создавать свои почтовые отделения по всему Синьцзяну, первоначально воспользовавшись иностранным опытом для развития своего почтового дела в Синьцзяне [5, С. 53–54].

Для перевозки местные жители использовали повозки, лошадей, верблюдов, но это было не очень удобно для русских купцов. Для решения этого вопроса в 1900 г. русский консул внутри фактории Урумчи создал транспортное агентство, специализирующееся на перевозке грузов. Таким образом, было максимально задействовано использование локального ресурса, от которого китайские купцы также получали выгоду.

После подписания Кульдженского договора вместе с консулами пришла западная медицина. В каждом консульстве находились врачебный персонал и аптеки. Со слов Н. Б. Богоявленского: «По моему заявлению с 1904 по государственным средствам работал врач... многие китайцы также приходили на приём» [3, С. 254–258]. Аналогичная ситуация была и в других регионах. Таким образом, вышеописанное косвенно подтверждает, что медицина из России намного эффективнее, чем местная; приём врача не был ограничен

пределами фактории; поэтому западная медицина получила широкое распространение на территории Синьцзяна.

Однако поражение русских войск на фронтах Первой мировой войны привело к падению политического престижа России в Синьцзяне. Далее проблема беженцев из Казахстана и Киргизии, приехавших после восстания 1916 г., также вызывала вопросы между российскими властями и правительством Синьцзяна. Последние события не могли не повлиять на отношение со стороны Синьцзяна к белогвардейцам в ближайшем будущем. Но в целом учреждение консульств имело глубокое влияние во всех сферах социально-экономической жизни региона, деятельность русских в Синьцзяне до 1917 г. осуществлялась именно под защитой императорских консулов. Несмотря на агрессивность русских консульств, нельзя не признать, что они принесли элементы западной культуры и цивилизации, в частности, почтовую службу, дорожную коммуникацию, современный банк, западную медицину и другое. Итак, хотя первая волна русской эмиграции не была основным потоком переселенцев в Синьцзян, именно эмигранты из первой волны заложили основу для будущих русских эмигрантов, приехавших после революции.

Список литературы

1. АВП РФ. Ф. Референтура по Синьцзяну. Оп. 6. П. 105. Д. 8.
2. Гримм, Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925) / Э. Д. Гримм. — М.: Издание Института востоковедения им. Н. Н. Нариманова, 1927. — 219 с.
3. (俄) 尼·维·鲍戈亚夫连斯基. 长城外的中国西部地区. 北京: 商务印书馆出版, 1980. 312 с. [Богоявленский, Н. В. Западный регион Китая за пределами Великой стены / Н. В. Богоявленский. — Пекин: Коммерческое издательство, 1980. — 312 с.].
4. 滕春华, 高莉琴. 从社会语言学角度看俄语在新疆. 新疆大学学报. 2003. № 4. С. 125–129 [Тэн ЧуньХуа, Гао ЛиЦинь. Русский язык в Синьцзяне с точки зрения социолингвистики / ЧуньХуа Тэн, ЛиЦинь Гао // Вестник Синьцзянского университета. — 2003. — № 4. — С. 125–129.].

5. 冯琬琦. 帝俄驻新疆领事馆研究 (1851年–1917年). 兰州大学研究生学位论文. 兰州, 2015. 71 с. [Фэн ВаньЦи. Исследование российских консульств в Синьцзяне (1851–1917 гг.). Магистерская работа. — Ланьчжоу, 2015. — 71 с.].
6. 张万财. 晚至清民国时期新疆洋行研究. 新疆大学硕士研究生学位论文. 新疆, 2013. 105 с. [Чжан ВаньЦай. Исследование иностранных фирм Синьцзяна в периоде поздней династии Цин и Китайской Республике. Магистерская работа. — Синьцзян, 2013. — 105 с.].

Е. А. Марутина

elizavetamarutina2017@gmail.com

Санкт-Петербургский государственный университет

Студент магистратуры

КИТАЙСКИЕ ГАЗЕТЫ О МЕЖДУНАРОДНОМ СТАТУСЕ МАНЬЧЖОУ-ГО

Аннотация: в докладе рассматривается специфика отражения вопроса международного признания Маньчжоу-го в китайской периодической печати начала 30-х годов XX века. Получить более полное представление о реакции Китая на агрессивные действия Японии и появление марионеточного государства позволяют материалы китайских газет, которые внимательно следили за развитием событий в Маньчжурии и последовательно освещали их.

Ключевые слова: китайско-японские отношения, Маньчжоу-го, дипломатическое признание, периодическая печать Китая.

Key words: Sino-Japanese relations, Manchukuo, diplomatic recognition, Chinese periodicals.

1930-е годы XX века — период, когда внешнеполитическая обстановка для Китая складывалась крайне сложно и страна оказалась на грани национальной катастрофы, вынужденная бороться за независимость и территориальную целостность.

Целью данной статьи является анализ материалов китайской периодической печати за 1932 год, освещавших развитие китайско-японского конфликта. Указанная цель определила задачи: рассмотреть, как китайская пресса характеризовала действия японской армии на своей территории и как газеты отражали реакцию мирового сообщества на происходящее в Маньчжурии.

Для анализа освещаемых исторических событий были привлечены архивные документы РГИА, научные работы на иностранных языках, материалы ряда китайских газет: «Ши бао» (实报), «Шиши

синьбао» (时事新报) и «Наньцзин ваньбао» (南京晚报), вышедших с марта по декабрь 1932 года.

Начиная с 1931 года японцы начали активную фазу оккупации территории трех северо-восточных провинций Китая, что привело к созданию и официальному признанию Японией государства Маньчжоу-го. Это обострило ситуацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который оказался местом столкновения интересов крупных капиталистических держав. Мировое сообщество осознало, что японцы прочно закрепились в регионе и не ослабят жесткого контроля, который осуществлялся на занятых территориях [3, С. 295]. В своем дневнике президент Китайской Республики Чан Кайши охарактеризовал действия Японии в Маньчжурии как «начало Второй мировой войны» [2, С. 53]. Обстановка на международной арене также способствовала осуществлению амбициозных и захватнических планов японских правящих кругов.

В вопросе признания особых прав Японии в Маньчжурии, в том числе дипломатического признания Маньчжоу-го, китайское правительство во главе с Чан Кайши твердо придерживалось позиции обеспечения территориальной целостности Китая, сохранения суверенитета государства и недопущения никакого вмешательства извне [4, С. 269].

Китайские газеты внимательно следили за событиями в Маньчжурии и, как правило, старались не упустить ни одной новости, поэтому объявление японского правительства о создании марионеточного государства Маньчжоу-го в марте 1932 года сразу появилось на первых страницах китайских газет.

Центральные газеты «Шиши синьбао» и «Наньцзин ваньбао» отреагировали на такое заявление двумя статьями, где в довольно резком тоне объявляли все изданные японцами законы «псевдоправовыми» [9, С. 2], а сам акт провозглашения Маньчжоу-го в качестве независимого государства — «омерзительным праздником создания псевдогосударства» [5, С. 1]. Авторами газеты «Наньцзин ваньбао» был подготовлен репортаж из города Шэньяня, где японцы проводили голосование по поводу отделения Маньчжоу-го от Китая. Корреспонденты были возмущены тем, что резолюция была принята,

несмотря на то что из 600 присутствующих (представителей трех провинций, мэра города Шэньяна и чиновников), подняли руки лишь 12 человек [5, С. 1].

Китай заявил о непризнании Маньчжоу-го и направил ноты протеста Японии и всем государствам, где призывал державы обратить внимание на незаконные действия японцев, представляющих угрозу территориальной целостности Китая. 25 июля китайское информационное агентство напечатало речь министра иностранных дел Китайской Республики Ло Вэньганя, в которой он заявил следующее: «Япония бросила сейчас перчатку всему миру, для нее нет уже необходимости выдвигать оправдания для оккупации китайских территорий. <...> Если ее права и интересы в Маньчжурии действительно были нарушены, то она должна была требовать компенсации от китайского правительства мирными методами. Китай не откажется ни от одного вершка своей территории и от своих суверенных прав под давлением силы. Китай никогда не согласится на такое разрешение вопроса, при котором будет принята во внимание кукольная организация в Маньчжурии, учрежденная, поддерживаемая и контролируемая японцами. Урегулирование вопроса возможно, учитывая устав Лиги Наций, пакт Бриана-Келлога, соглашение Девяти держав, а также суверенную власть Китая» [6, С. 465–466].

Требования Китая, тем не менее, не были услышаны. Лига Наций, отложив официальное обнародование доклада комиссии Литтона до 2 октября (1932 года), дала Японии возможность признать Маньчжоу-го де-юре. В тот же день китайское издание «Шиши синьбао» опубликовало несколько передовых статей под заголовками «Соглашение между Японией и марионеточным государством было подписано сегодня» [9, С. 2], «Сегодня японцы официально признали марионеточное государство, власти Китая возмущены» [9, С. 2]. Корреспонденты писали: «Японская сторона знает, что народ нашей страны будет негодовать по поводу официального признания псевдогосударства Маньчжоу-го. Японцы признают, что опасаются беспорядков на улицах в эти дни», «японцы должны знать, что решение, принятое их правительством сегодня — это беззаконие» [9, С. 2]. Газета «Шибао» разместила на первой странице номера статью со скорбным

заголовком — «Китайский народ никогда не забудет сегодняшний день. Япония поглотила три наши северо-восточные провинции!». Автор статьи призывал бороться за суверенность страны, утверждая, что «правительство Китая бросило серьезный вызов Японии и ведет переговоры в Лиге Наций, чтобы ни одно из государств не признавало это фальшивое соглашение [японо-маньчжурский протокол]» [8, С. 1].

Однако, несмотря на веру в консолидацию международного сообщества и надежду на помощь извне, ко времени публикации доклада Литтона 2 октября, Китай полностью осознал бессилие Лиги Наций как органа коллективной безопасности. В частности, бывший китайский делегат Лиги Наций Ши Чжаоци заявил, что «отказ Японии действовать по воле Лиги Наций ставит под вопрос способность последней являться инструментом мира» [7, С. 106]. Взгляды китайцев на доклад Литтона разошлись. Одну из точек зрения представила прокоммунистическая тяньцзиньская газета «Дагун бао» (大公报). Она считала предложение о предоставлении Маньчжурии «широкой автономии» приемлемым при условии, что северо-восточные провинции Китая будут демилитаризованы и Япония выведет свои войска с оккупированных территорий [2, С. 69]. Другая точка зрения получила отражение в газете «Ши бао», которая подробно разобрала основные пункты доклада Литтона и пришла к выводу, что идея о предоставлении автономии Маньчжоуго — это «очередная уловка Лиги Наций», которая «по форме и содержанию абсолютно неэффективна» [8, С. 1]. В целом пресса сочла итоги доклада комиссии Литтона легализацией агрессивных действий Японии.

Газеты в ходе развертывания дискуссии по поводу правового статуса Маньчжоуго-го подробно освещали дебаты на заседаниях Лиги Наций между представителем Китая Гу Вэйцзюнем и представителем Японии Мацуока Ёсукэ. 21 ноября, в день рассмотрения доклада комиссии Литтона Советом Лиги Наций, «Шиши синьбао» выразила надежду на то, что Лига Наций настоит на объявлении прямых переговоров между Китаем и Японией по вопросу непризнания псевдогосударства. Однако в той же статье автор отмечал, что если министр иностранных дел Японии Утида продолжит настаивать

на всеобщем признании Маньчжоу-го и запугивать Лигу Наций заявлениями о возможном выходе из организации, то японцам следует не забывать о том, что Китай не только полагается на урегулирование вопроса путем дипломатического диалога, но и параллельно осуществляет подготовку к вооруженному сопротивлению [9, С. 2]. В статье под названием «Наш представитель Гу Вэйцзюнь объявил Мацуока о необходимости вывода войск» (газета «Шиши синьбао» от 23 ноября) приводились отрывки из переговоров, в которых китайский представитель заявил, что все высказывания Мацуока — ложные, а «мир должен знать, что Японии нельзя верить, потому что она ведет себя как волк в овечьей шкуре» [9, С. 2]. Гу Вэйцзюнь занимал жесткую позицию в дебатах, утверждая, что Маньчжоу-го — это марионетка, а ее министры — предатели [1, С. 124]. Однако международное сообщество проигнорировало его слова. Влияние Японии на мировую экономику не позволяло многим странам осудить агрессивные действия напрямую. Пока независимость Маньчжоу-го не наносила ущерба их экономическим интересам, противостояние японцам отражалось только на бумаге, и, таким образом, Япония могла проводить политику оккупации Китая, не опасаясь серьезных санкций.

Общая тональность высказываний китайских газет тех дней — тревожная, болезненная: приближалась большая война, к которой страна не была готова. Китайские газеты открыто называли Японию провокатором произошедших событий. Они обвиняли её в нарушении международных пактов, аннексировании земель, посягательстве на суверенитет государства. На всем протяжении развития китайско-японского конфликта китайская пресса последовательно освещала его, пытаясь получить поддержку мировой общественности и отстаивая право на суверенитет.

Таким образом, государственная идеология и устоявшиеся в обществе политические взгляды, несомненно, накладывают отпечаток на интерпретацию Маньчжурских событий в китайской прессе, благодаря чему материал газет дает представление об официальной позиции правительства по вопросу китайско-японского конфликта и позволяет отследить динамику изменений международных отношений в Дальневосточном регионе.

Список литературы

1. Nish, I. Japan's Struggle with Internationalism. Japan, China and the League of Nations, 1931–1933. / I. Nish. — Oxfordshire, 2009. 286 p.
2. Sun Y. China's International Approach to the Manchurian Crisis, 1931–1933 / Y. Sun // Journal of Asian History. — 1992. — Vol. 26, № 1. P. 42–77.
3. Timperley H. J. Japan in Manchukuo / H. J. Timperley // Foreign Affairs. — 1934. — Vol. 12, № 2. P. 295–305.
4. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. VII. Китайская Республика 1912–1949 / Гл. ред. С. Л. Тихвинский. — М., 2013. 863 с.
5. Наньцзин ваньбао, 南京晚报 (Нанкин). Выпуски за март, сентябрь, октябрь 1932 года.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 323. Правление общества КВЖД. Оп. 5. Служба переводов управления КВЖД. Д. 1418. Японская информация август–сентябрь 1932 г.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 323. Правление общества КВЖД. Оп. 5. Служба переводов управления КВЖД. Д. 1425. Японская информация за июль — декабрь 1932 г.
8. Ши бао, 实报 (Шанхай). Выпуски за март, сентябрь, октябрь 1932 года.
9. Шиши синьбао, 时事新报 (Шанхай). Выпуски за март, сентябрь, октябрь 1932 года.

М. С. Мищенко

markuz97@mail.ru

Иркутский государственный университет
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского
отделения Российской академии наук
Аспирант

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ КОФУН В РЕГИОНЕ ТОХОКУ (О. ХОНСЮ, ЯПОНИЯ)

Аннотация. В статье рассматривается проблема проникновения курганной культуры Кофун на север острова Хонсю. Внимание уделено количественной и качественной характеристике курганов региона Тохоку, определена граница распространения культуры Кофун.

Ключевые слова: культура Кофун, история Японии, регион Тохоку.
Keywords: Kofun culture, Japanese history, Tohoku region.

Введение

В III–VII вв. на японских островах существовала уникальная курганная культура Кофун. Наибольшее развитие культура Кофун получила в центральной части Японии, особенно на территории современных префектур Нара, Осака и Токио — именно там были возведены действительно гигантские курганы (достигавшие в длину до 485 м.) [1, С. 347–350]. Однако курганная культура проникла и далеко на север — туда, где на тот момент находились границы влияния первого японского государства (Ямато) [10, С. 67]. Здесь встречаются все основные формы кофун — круглая, квадратно, квадратно-круглая и квадратно-квадратная, а также курганы в форме гребешков [6, С. 15].

Регион Тохоку расположен в северной части острова Хонсю. К Тохоку относятся префектуры Акита, Аомори, Иватэ, Мияги, Фукусима и Ямагата [2, С. 6, 13, 19, 24, 29, 34, 39]. В отличие от курганов Центральной Японии, кофун в регионе Тохоку характе-

ризируются более скромными размерами и менее богатым погребальным инвентарем. Между тем, для исследователя курганы рассматриваемого региона представляют большой интерес, так как позволяют оценить степень политического и культурного влияния Ямато на северные территории. Кроме того, скопления курганов дают представление о районах локализации знати на периферии Ямато и периоде ее политического влияния.

Цель статьи — рассмотрение характерных особенностей развития курганной культуры в северной части острова Хонсю. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- 1) проанализировать количество курганов в префектурах региона Тохоку;
- 2) изучить характерные черты внутреннего и внешнего оформления кофун в рассматриваемом регионе;
- 3) определить границу распространения культуры Кофун на севере Японии.

В изучении особенностей развития культуры Кофун в регионе Тохоку существует несколько проблемных моментов. Во-первых, основное внимание японских исследователей всегда было приковано к курганам центральной Японии. В связи с этим опубликованных материалов исследований курганов региона Тохоку совсем немного. Во-вторых, многие курганы региона Тохоку просто не сохранились до наших дней, т. к. были уничтожены в результате хозяйственной деятельности человека и природных процессов.

В ходе исследования применяются такие методы, как сравнительно-типологический анализ кофун в целом и анализ конструктивных особенностей курганов, характера скоплений кофун в Тохоку на основе данных японских археологических словарей и сайта Кофун Маппу. Изучение кофун проводилось с юга на север — по мере уменьшения политического и культурного влияния Ямато на северные территории острова Хонсю.

Культура Кофун в префектуре Фукусима

Фукусима — самая южная из входящих в регион Тохоку префектур, расположена со стороны тихоокеанского побережья острова Хонсю [2, С. 39]. Отдельно стоящих курганов в префектуре — 77,

также распространены скопления (21 скопление размерами от 3 до 100 курганов) и боковые захоронения в холмах. Процентное соотношение отдельно стоящих курганов следующее: непознаваемой формы — 9%, круглых — 44%, квадратных — 3%, квадратно-круглых — 32%, квадратно-квдратных — 5%, в форме гребешка — 6%, круглых с квадратным основанием — 1%. Скопления курганов в основном состоят из небольших круглых кофун [11].

Круглые курганы характеризуются средними размерами: максимальный диаметр — 45 м, средний — 28 м, минимальный — 9 м; средняя высота — 3,5 м. Самые ранние круглые курганы (энфун) на этой территории датируются V в., а основная масса — VII в. Строительство квадратных курганов (хо:фун), как и квадратно-квдратных (дзэнпо:ко:хо:фун), в префектуре Фукусима происходило только в IV в., что в целом является нетипичной картиной для развития курганной культуры на японских островах: в центральных районах круглые курганы появляются уже с III в. [11]. Квадратно-круглые курганы достаточно распространены на территории префектуры Фукусима, при этом средняя длина составляет 60 м, максимальная — 127 м, минимальная — 35,5 м, средний диаметр круглой части — 29 м, максимальный — 67 м, минимальный — 14 м. Время возведения — с IV до VI в. [9, С. 88, 114, 130, 151, 156, 164, 253].

Погребальные камеры на севере Японии в подавляющем большинстве случаев — горизонтальные. Во внешнем оформлении курганов присутствует каменная кладка; кофун часто окружали одним рвом. Встречается многоступенчатая структура курганов (у всех квадратно-квдратных кофун этого региона). Курганы префектуры Фукусима характеризуются богатым погребальным инвентарем, особенно круглые и квадратно-круглые. Среди погребально-го инвентаря широко распространены изделия из металлов (железа и бронзы): оружие, доспехи, упряжь — а также керамические изделия (ханива разнообразных форм — цилиндрические, в виде людей, домашних птиц и животных, домов) [7, С. 167–169].

Развитие курганной культуры в Ямагата

На территории префектуры Ямагата находится около 90 отдельно стоящих курганов и 18 скоплений кофун. По соотношению форм

здесь совсем иная картина: неопределенной формы — 38%, круглой — 37%, квадратной — 18%, квадратно-круглой — 5%, квадратно-квадратных — 2% [12].

Круглые курганы имеют следующие размеры: максимальный диаметр — 52 м, средний — 21 м, минимальный — 5 м. В отличие от Фукусимы, здесь энфун начинают строить уже начиная со второй половины IV в., хотя в основном кофун датируются V и VII вв. Максимальная длина квадратно-круглых кофун — 168 м, средняя — 81,4 м, минимальная — 27,5; основной период строительства — IV–V вв. Хо:фун возводились на протяжении всего периода Кофун и были более распространены, чем в префектуре Фукусима, хотя размерами уступали: в Фукусиме средняя длина стороны кургана — 26,5 м, а в Ямагата — 13,2 м. Квадратно-квадратные курганы же, как и в префектуре Фукусима, возводились только в течение IV в. В Ямагата находится одно из крупнейших скоплений кофун — Симакомацукофун-гун, насчитывающее около 200 курганов, датируемых IV–VI вв. [9, С. 24, 57, 78, 154, 162, 197, 327, 333, 347].

Во внешнем оформлении курганов Ямагата используются те же приемы — окружение кургана рвом и укрепление склонов каменной кладкой, погребальные камеры — горизонтального типа, как правило состоят из нескольких монолитных камней. Погребальный инвентарь в Ямагата отличается большим разнообразием — магатама, железные мечи и другие металлические изделия. Керамика типов хадзика и сэуки, элементы упряжи [7, С. 175–177], [12].

Курганы префектуры Мияги

В Мияги насчитывается около пятидесяти отдельно стоящих кофун. При этом явно превалирует круглая форма курганов — 57%; квадратных кофун — 4%, квадратно-круглых — 23%, квадратно-квадратных — 6%, в форме гребешка — 4%, неизвестной формы — 6% [8]. Круглые курганы в основном возводились в V–VI вв. Максимальный диаметр — 54 м, средний — 27 м, минимальный — 5 м. Стороны квадратных курганов в среднем — 22 м, все хо:фун были возведены в IV в., квадратно-квадратные имеют среднюю длину 62 м и также построены в IV–V вв. Курганы в форме «замочной

скважины» характеризуются средними размерами: максимальная длина — 168 м, средняя — 82,4 м, минимальная — 32 м [8; 9, С. 10, 24, 45, 85, 92].

Оформление курганов стандартное для северных территорий: возможно наличие каменной кладки и рвов, погребальная камера с горизонтальным отверстием. Среди погребального инвентаря выделяются стеклянные бусы, золотые и бронзовые изделия, лакированные шкатулки, ханива и керамика хадзики и суэки [7, С. 184–185].

Северная граница культуры Кофун: префектуры Акита, Иватэ, Аомори

Развитие курганной культуры в префектурах Акита, Иватэ и Аомори позволяет однозначно сделать вывод о том, где проходила граница между эмиси и администрацией Ямато. В Иватэ есть только два отдельно стоящих кургана — круглый и квадратно-круглый. Время возведения — V–VI вв. [7, С. 184]. При этом в Иватэ есть 4 крупных скопления небольших круглых курганов (курганная кладбища) — в целом около 250 кофун, построенных в VII–VIII вв. [9, С. 75, 91, 207, 498]. В Акита исследователи обнаружили только около 30 круглых курганов, объединенных в два скопления [9, С. 67, 173], а в Аомори — более 200 кофун в трех скоплениях [9, С. 148, 283, 596]. Характерно, что время постройки этих курганных кладбищ во всех трех префектурах — VII–IX вв., т. е. частично уже за пределами эпохи Кофун [3], [4], [5].

Выводы

В результате исследования было установлено, что строительство курганов, в том числе квадратно-круглых (в форме «замочной скважины»), началось на юге Тохоку уже в IV в. Это свидетельствует о быстром распространении культуры Кофун на север. В то же время стоит отметить, что на севере предпочтения к отдельным формам в разное время вполне очевидно: например, квадратные и квадратно-квадратные курганы за очень небольшим исключением возводились только в IV–V вв., а строительство круглых курганов, в отличие от центральной части Японии, перешло в активную стадию уже после

V в. Это, без сомнения, можно считать особенностью развития курганной культуры в регионе Тохоку.

Курганы в Тохоку сконцентрированы линиями с юга на север, вдоль береговой линии восточного побережья Японии и русел крупных рек. При этом можно заметить, что культура в основном проникла на север по побережью Тихого океана. Преобладающей в регионе Тохоку являлась круглая форма курганов — энфун. В Акита, Аомори и Иватэ были возведены единицы отдельно стоящих кофун (датированы в основном VI–VII вв.), в то время как в Мияги, Фукусима и Ямагата — около 100 отдельно стоящих курганов на территории каждой префектуры. Это позволяет четко увидеть северную границу влияния Ямато в период Кофун — 39 градус северной широты. При этом на самом севере острова Хонсю курганные кладбища появились уже на границе периода Хэйан, то есть за пределы названной широты культура выбралась поздно и уже совсем не в прежнем объеме и размахе.

Список литературы

1. Barnes G. L. Archaeology of East Asia : the rise of civilization in China, Korea and Japan / G. L. Barnes. — Oxford ; Havertown : Oxbow Books, 2015. — 492 p.
2. Nihei T. The Regional Geography of Japan / Takaaki Nihei. — Sapporo : Hokkaido University Press, 2018. — 251 p.
3. Акита-но кофун маппу [Карта кофун Акита] // Кофун маппу. — URL: <https://kofun.info/kofunlistmap/5> (дата обращения: 02.03.2022).
4. Аомори-но кофун маппу [Карта кофун Аомори] // Кофун Маппу. — URL: <https://kofun.info/kofunlistmap/2> (дата обращения: 02.03.2022).
5. Иватэ-но кофун маппу [Карта кофун Иватэ] // Кофун Маппу. — URL: <https://kofun.info/kofunlistmap/3> (дата обращения: 02.03.2022).
6. Кофун дзидай-но кэнкю: [Исследования периода Кофун] : в 13 т. Т. 7 : Функю: то найбуко:дзо: [Курганы и их внутреннее устройство]. Исино Хиронобу [и др.]. — Токио : Ю:дзанкаку сьуппан, 1992. — 157 с.
7. Кофун дзидай-но кэнкю: [Исследования периода Кофун] : в 13 т. Т. 11 : Чиики-но кофун. Хигаси нихон [Курганы в регионах. Восточная Япония] / Исино Хиронобу [и др.]. — Токио : Ю:дзанкаку сьуппан, 1990. — 195 с.

8. Мияги-но кофун маппу [Карта кофун Мияги] // Кофун Маппу. — URL: <https://kofun.info/kofunlistmap/4> (дата обращения: 28.02.2022).
9. Нихон кофун дайdzитэн [Большой словарь японских курганов] / Кобаяси Сабуро [и др.]. — Токио : Токиодосюппан, 1989. — 639 с.
10. Нихонси энпё: тидзу [Таблицы и карты по японской истории] / ред. Кодамо Ко:да. — Токио : Ёсикавако:бункан, 1995. — 132 с.
11. Фукусима-но кофун маппу [Карта кофун Фукусима] // Кофун Маппу. — URL: <https://kofun.info/kofunlistmap/7> (дата обращения: 15.02.2022).
12. Ямагата-но кофун маппу [Карта Кофун Ямагата] // Кофун Маппу. — URL: <https://kofun.info/kofunlistmap/6> (дата обращения: 25.02.2022).

М. А. Сорокин

masorokin_2@edu.hse.ru

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург
Студент бакалавриата

ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВ АПАРТЕИДА КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯПОНСКИХ «НОВЫХ ЛЕВЫХ»: СТАНОВЛЕНИЕ И РОЛЬ В ОБЩЕМИРОВОЙ ДИНАМИКЕ БОРЬБЫ ПРОТИВ ПОЛИТИКИ РАСОВОЙ СЕГРЕГАЦИИ

Аннотация: в данном докладе анализируется история становления японских движений против апартеида и других форм расовой сегрегации. Исследуя проблему, автор исходит из гипотезы, что японское движение против апартеида, запущенное в 1963 году и просуществовавшее до начала 1990-х годов, было одной из важнейших форм деятельности японских левых интеллектуалов, и обусловлено это было актуальными для начала 1960-х годов особенностями внутренней и внешней политики Японии.

Ключевые слова: апартеид, сегрегация, новые левые, Африка, Япония.

Keywords: apartheid, segregation, New Left, Africa, Japan.

Предыстория и контекст

Принятие послевоенной Японией негласной стратегии 政経分離 [сэйкэй-бунри] — концепции, согласно которой внешнеэкономическая и внешнеполитическая сферы разделялись в интересах максимальной выгоды и сглаживания противоречий с возможными партнёрами, — вызывало некоторую дилемму для японских политико-экономических элит [1, Р. 64]. Дело в том, что Япония, будучи бурно развивающимся экономическим гигантом, должна была постоянно поддерживать свой политический имидж внешним

признанием актуальных глобальных проблем, и поэтому её отношения с некоторыми странами иногда оказывались под угрозой дискредитации со стороны международного сообщества. Любой жест в сторону развития выгодных для Японии отношений с какой-либо «страной-изгоем» мог обернуться серьёзными имиджевыми проблемами как внутри страны, так и в отношениях с другими странами. Самый яркий пример подобного противоречия — это отношения Японии с Южно-Африканской Республикой эпохи апартеида (1948–1994).

Надо сказать, что экономические связи Японии и Южной Африки установились ещё в самом начале XX века. С течением времени обмен между странами достиг значительных масштабов, и Япония стала для развивающейся Южной Африки одним из важнейших экономических партнёров [4, Р. 505]. В 50-е годы, в послевоенное время, Южная Африка стала для Японии ещё более привлекательным торговым партнёром, открытым для инвестиций и богатым на ресурсы, необходимые для бурного индустриального развития. Однако важно помнить, что в это время в ЮАР уже свирепствовал апартеид, и страна постепенно скатывалась в международную изоляцию. Когда к 60-м годам торговый оборот между двумя Японией и ЮАР стал настолько велик, что в страну апартеида начались постоянные визиты японских инвесторов, у руководства ЮАР возникла ещё одна проблема: как при жёсткой и законодательно закреплённой системе расовой классификации преподнести населению факт растущих масштабов сотрудничества с японцами, то есть неевропейским, азиатским народом? Экономические интересы быстро перевесили всякие идеологические принципы, и уже в 1961 году министр внутренних дел Ян де Клерк публично объявил об «особом статусе» японских резидентов — с этого момента японцев стали называть «почётные белые» (африк. *Ereblankes*) [4, Р. 506]. Понятно, что в действительности это отнюдь не отменило расовые предрассудки в отношении представителей японской нации, но зато японцы освободились от неизбежного для других азиатов членства в «нижних кастах» общества апартеида (те же китайцы, напротив, постоянно имели статус «цветных», и исключения из этого принципа делались избирательно, полулегальными методами). Именно эта веха в исто-

рии отношений двух стран и является реперной точкой для изучения японского движения против апартеида.

Дело в том, что обретение японскими инвесторами статуса «почётных белых» вызвало значительный резонанс в кругах левых и национально-освободительных движений по всему миру. Африканские коллеги японских правозащитников и активистов левого толка постоянно обращали внимание на очевидное лицемерие, с которым японцам был присуждён статус «почётных белых». Коллеги из международных ассоциаций подталкивали японских политиков и интеллектуалов левого толка к тому, чтобы это противоречие как можно шире освещалось и внутри японского общества, мало озабоченного внешней политикой государства. На базе международной «Организации солидарности народов Азии и Африки» (AAPSO) [7, Р. 3] начали всё чаще проводиться мероприятия, идеологический уклон которых смещался в сторону осуждения японского бизнеса за пособничество в процветании режима южноафриканского апартеида. Дальнейшая дискуссия в рамках крупных международных организаций перестала быть эффективной, и японские активисты, неравнодушные к проблеме, начали движение к собственным организациям, опиравшимся на сложившиеся прогрессивные общественно-политические течения внутри страны.

Японское движение против апартеида

Принято считать, что первая японская организация по борьбе с апартеидом была основана в 1963 году журналистом **Кандзиро Нома** [3, Р. 2]. Уроженец Кобе, Нома со студенческой скамьи был вовлечён в вопросы антимилитаризма, за что в предвоенные годы был посажен в тюрьму. Говоря о связи противников апартеида с левыми движениями, важно отметить и тот факт, что до заключения Нома успел поработать в издательстве Кайдзося, специализировавшемся на распространении литературы марксистско-ленинского толка [5, Р. 40]. Первая поездка Нома в Африку для контакта с местными борцами против апартеида произошла в 1963 году. Помимо него самого, в этой поездке также приняло участие несколько функционеров Социалистической партии Японии, которая являлась крупнейшей в стране платформой для деятельности т. н.

«новых левых». В 1964 году при деятельной поддержке «Организации солидарности народов Азии и Африки» были организованы первые конференции, посвящённые проблеме апартеида. 26 июня 1964 года в гимназии Синдзюку (Токио) даже был организован студенческий митинг солидарности в поддержку южноафриканского народа.

Вскоре Нома создаёт Исполнительный комитет против расовой дискриминации в Южной Африке. Организации продолжают движение в русле левой политики, что неудивительно, ведь созданный комитет имел неформальные, но тесные связи с Коммунистической партией Японии. Однако отдельные члены комитета быстро приобрели связи и с другими левыми движениями на территории Японии. На фоне советско-китайского обострения и раскола японских «новых левых» на ленинистские и маоистские лагеря, подобное обилие связей подорвало позиции молодого движения. Для того чтобы сохранить целостность изначальной организации, Нома решил создать Дискуссионную группу по проблемам Южной Африки, заложив в основу демократический гражданский принцип 市民運動 [симин-ундо:] [2, Р. 272], который должен был удержать движение от (неизбежного для любого социального движения 1960-х годов) попадания в руки системных политических организаций. Путешествуя по миру (Великобритания, Франция, Танзания) Нома завёл много знакомств в лево-активистских политических кругах [3, Р. 3]. В это же время произошло другое событие — наложенный японским правительством в 1968 году запрет на экономическую активность в ЮАР был снят усилиями бизнес-лоббистов, и замороженный почти на год поток японских инвестиций в страну апартеида продолжился вновь, что спровоцировало недовольство правозащитных кругов по всему миру.

Незадолго до своей смерти Нома успел познакомить японского читателя и с другими сюжетами национально-освободительной борьбы на африканском континенте (например, войной за независимость Анголы), а также с биографиями политических деятелей Мозамбика, Ганы и Гвинеи-Бисау. Когда Нома умер в 1975 году, его знакомые и коллеги решили продолжить его начинания. Организации アフリカ行動委員会 [афурика-ко:до:-инкай] (Токио, 1969) こむら

どアフリカ委員会 [комурадо-афурика-иинкай] (Осака, 1970) надолго стали центрами протеста и общественной деятельности японских противников апартеида [2, Р. 271]. Видным лидером токийской организации стал **Акира Кусухара** (в 1969 — студент Токийского университета, в дальнейшем — профессор педагогики в университете Кокугакуин) [6, Р. 4]. Участники организации напрямую пропагандировали необходимость переосмысления роли Японии во внутренних делах ЮАР путём критической оценки роли японского капитала в поддержании жизнеспособности режима апартеида. В 1983 году организация получила офис и начала нанимать кадровых сотрудников. Кроме того, японское движение против апартеида той эпохи сохраняло свои связи со стоявшей у её истоков «Организацией солидарности народов Азии и Африки», и в 1979 году при участии японских активистов была проведена конференция в Лусаке (Замбия), на одной из панелей которой обсуждались вопросы борьбы с апартеидом [7, Р. 10].

Несмотря на то, что **осакская** организация была не так успешна в продвижении своих идей, как токийская, из имеющихся данных о её функционировании мы можем сделать одно интересное открытие: движение против апартеида конкретно в этом городе было напрямую связано с организациями по защите прав *бураку* и *дзайнити* [3, Р. 4]. Таким образом, впервые с 1960-х годов, японское движение против апартеида вновь стало связанным с более широкой сетью правозащитных организаций. В ряды партнёров борцов против расовой дискриминации проникло даже популярное тогда движение против ядерной энергии — в данном случае интересы движений совпали в вопросах импорта урана из Намибии, которая в то время входила в состав территории, на которую распространялось южноафриканское законодательство [Ibid.].

Во второй половине 1980-х годов движение против апартеида достигло своего пика. Локальные организации подобной направленности были созданы в Саппоро, Кобе, Хиросима и других городах. Несмотря на то, что количество участников в каждом из этих отделений было максимально небольшим (от 5 до 25 человек), японское движение против апартеида быстро обзавелось широкими связями с правозащитными, профсоюзными и даже религиозными

организациями. Круг друзей организации пополнялся писателями, репортёрами и фотожурналистами (в т. ч. и из популярной газеты «Асахи симбун») [Ibid., P. 7]. Токийский офис Национального африканского конгресса (будущей правящей партии ЮАР), основанный в 1988 году, пользовался прямой поддержкой одной из профсоюзных организаций и располагался прямо в её здании. Пиком движения и его символическим концом стал визит Нельсона Манделы в Токио в 1990 году [Ibid., P. 11]. В 1994 году, с приходом Манделы к власти в республике, историческая миссия движения по праву считалась завершённой, и бывшие активисты ушли в публицистическую и научную деятельность.

Заключение

Итак, в этом кратком обзоре были охвачены основные вехи становления японского движения против апартеида. На основании проведённого анализа можно сделать следующие выводы:

1. Зародившееся в недрах японских социалистических партий движение против апартеида было весьма немногочисленным, но тесно связанным с другими группами антирасистской направленности как внутри Японии, так и по всему миру в целом;
2. Основание движения против апартеида в Японии было спровоцировано той уникальной ролью, которую Япония как экономический партнёр на протяжении многих десятилетий играла для Южно-Африканской Республики.

В завершение стоит отметить, что далеко не все материалы по рассмотренной в докладе проблеме находятся в открытом доступе, поэтому данная тема является крайне перспективной для изучения с позиций глобальной и интеллектуальной истории.

Список литературы

1. *M. Custy, J. J. Van Wyk* (1994) *Seikei bunri and apartheid: an analysis of the Japanese-South African relationship 1985–1991 // Politikon: South African Journal of Political Studies*, Vol. 21, No. 2. P. 64–79.
2. *K. Makino* (2019) *Afro-Asian Solidarity and the Anti-Apartheid Movement in Japan / A. Konieczna and R. Skinner (eds.) A Global History of Anti-Apartheid. Palgrave Macmillan, St Antony's Series — P. 265–291.*

3. *K. Makino* (2014) *The Anti-Apartheid Movement in Japan: An Overview* // Institute of Developing Economies: Discussion Paper, No. 440. P. 1–18.
4. *S. Cornelissen* (2018) *Industrial Entanglements and Their Political Outflows in the Japan-South Africa Relationship in the Mid-Twentieth Century* // Kansai University Institutional Repository, Vol. 67, No. 4. P. 501–515 [e-resource] URL: <http://hdl.handle.net/10112/16855> (дата обращения: 05.03.2022).
5. *K. Kitagawa* (2003) *Japanese Perspectives on Independence of African Countries in the Late 1950s and the Early 1960s: A Preliminary Investigation* // *Agora: Journal of International Center for Regional Studies*, No. 1. P. 31–45.
6. Newly released archives stir memories of Japan's anti-apartheid campaign (by Keiji Hirano) / *The Japan Times*, March 29, 2017. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2017/03/29/national/social-issues/newly-released-archives-stir-memories-japans-anti-apartheid-campaign/>
7. AAPSO (Afro-Asian People's Solidarity Organization) 2014. *Japanese AALA and AAPSO Related Chronology*, AAPSO, Materials and Documents for Debriefing Session of 9th Conference, December 17, 2014. (アジア・アフリカ人民連帯機構「日本 AALA とアジア・アフリカ人民連帯機構 (AAPSO) : 関連年表」アジア・アフリカ人民連帯機構 (AAPSO) 第9回大会, 2014年12月17日水).

В. А. Чуканова

Cargo.trash@gmail.com

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
Студент бакалавриата

ФОРМАЛИЗАЦИЯ ЭКЗАМЕНАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ КЭЦЗЮЙ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА ИМПЕРИИ МИН

Аннотация: доклад посвящён проблеме упадка экзаменационной системы кэцзюй и его связи с общим кризисом империи Мин. В нём рассматривается сама система, её влияние на мировоззрение чиновничества, а также проблемы её расхождения с реальными навыками чиновника.

Ключевые слова: кэцзюй, династия Мин, восьмичленное сочинение.

Keywords: keju, Ming dynasty, eight-legged essay.

Империя Мин существовала на территории Китая в 1368–1644 годах. Она пришла на смену монгольской династии Юань, правившей в 1279–1368 годах. Для управления государством правители Мин активно привлекали бюрократический аппарат. Он состоял из учёных чиновников-шэньши. Продвигаясь по выверенной системе рангов, они добивались до поста имперского министра. Причём назначение на должности происходило не исходя из знатности рода; учитывались в основном результаты экзаменационной системы кэцзюй. Она считалась более объективной, чем традиционная практика выдвижения чиновников чацзюй, но имела и свои недостатки, например, проверку знаний конфуцианского канона (Пятикнижия и Четверокнижия), слабо применимых к реальной работе чиновника.

Цель доклада — обоснование тезиса об упадке экзаменационной системы кэцзюй и связи этого процесса с общим кризисом империи Мин, настигшим её в начале-середине XVII века. Чтобы её достичь, стоит начать с рассмотрения кэцзюй как явления с использованием

компаративистского метода: сопоставление с экзаменационными системами, существовавшими при династиях Тан и Сун. Монгольская империя Юань (1279–1368) не берётся в рассмотрение: хотя там тоже существовала кэцзюй, но юаньский вариант имел мало общего с системами домонгольских династий, в особенности с введённой при Юань практикой регионального квотирования (согласно этому порядку, Север и Юг поставляли 40% и 60% чиновников соответственно). Также потребуется посмотреть, как к кэцзюй относились её современники. Стоит обратить внимание на связь экзаменов и перемен в империи. Это требуется, чтобы понять, происходила ли подстройка кэцзюй к изменяющимся политико-экономическим условиям.

Экзамены кэцзюй пришли на смену системе выдвижения чиновников чацзюй ещё при династии Тан, чтобы ограничить власть родовой аристократии. В ней кандидата в чиновники выдвигали по его природным способностям [2, С. 173]. Это порождало необъективность и несоответствие моральных качеств требованиям административной работы. Для создания максимально объективной системы отбора и ввели экзамены. На протяжении эпох Тан и Сун эта система вместе с выдвижением чиновников привела к практике представления свитка (свитки с сочинением предоставлялись литераторам или известным чиновникам, дабы те проверили сочинение). К эпохе Мин от чацзюй и представления свитка полностью отказались, и назначения чиновников происходили лишь по результатам трёхступенчатых экзаменов (на уровне уезда, провинции и столицы).

Средний возраст сдающих определить сложно. Всё зависело от уровня подготовки, но чаще встречается информация о кандидатах старше 30 лет, что при той продолжительности жизни свидетельствует о достаточно долгой подготовке к экзамену. Были и счастливчики, сдававшие его до 30 лет, но их насчитывались единицы. Это связано как с интеллектуальными различиями и редкими самородками, так и с имущественным положением. В принципе, похожая картина существовала при Тан и Сун. Поэт эпохи Тан Бо Цзюйи писал, что «был самым младшим из всех семнадцати людей, успешно сдавших экзамены» [2, С. 186]. На момент сдачи ему было 28 лет.

Уже упоминалась форма экзаменационного сочинения. К эпохе Мин окончательно перешли к форме восьмичленного сочинения багувэнь, что было закреплено указом Чжу Юаньчжана. Оно включало восемь обязательных разделов: тема, её разъяснение, основные положения сочинения, подход к изложению, начало, середина и конец изложения с заключением [6, С. 199]. Все части содержали регламентированное число предложений и иероглифов. В качестве задания давалась фраза из Пятикнижия и Четверокнижия, которую требовалось обосновать, используя дословные выдержки из книг. Напомню, что в Пятикнижие включались Книга перемен, Книга песен, Книга преданий, Книга церемоний, Вёсны и Осени; Четверокнижие состояло из конфуцианских канонов «Лунь-Юй», «Мэн-Цзы», «Да Сюэ» и «Чжун Юн». Чтобы окончательно усложнить задачу экзаменуемому, сочинение требовалось написать в устаревшем художественном стиле, не применяемом нигде более. При династии Тан правила были мягче из-за применения поэтического сочинения [1, С. 155].

В общем и целом, здесь вырисовывается несколько проблем. Во-первых, под «классическими» в большинстве случаев понимаются знания, важные для воспроизводства и поддержания традиций, а также формирования вэньжэня как человека культуры, носителя образцовой традиции. Только в повседневной деятельности чиновника знание И-цзин слабо практически применимо с правилами учёта налогов. Во-вторых, зубуривание архаических образцов происходило не за один день. Если мы обратимся к практике подготовки чиновничества, то увидим, что детей начинали учить с ранних лет. Это в целом сходится с картиной эпохи Тан, когда в чиновники шли в основном выходцы из чиновничьих семей [7, С. 140].

Далее стоит перейти к отношению современников к кэцзюй и в принципе карьере имперского чиновника. Оно было очень неоднозначным, в том числе по описанным выше причинам: сложности подготовки, длительности сдачи экзаменов. Особенно же острыми стали противоречия после периода правления Цзяцзин (1522–1567). Философ Лю Цзунчжоу писал о нём так: «Император всё более подозревает сановников и относится к ним, как к рабам... Министры не советуются более с образованными людьми и народом, действу-

ют жестоко и произвольно, образованные люди и народ не подают советов министрам и лишь рабски подчиняются им. Так растёт их разобщение»[3, С. 73].

В самом деле, у молодых людей были все основания сомневаться в собственном будущем. Представим себя на месте типичного чиновника поздней минской эпохи. Он с детства готовился к карьере чиновника: учил вэньянь, заучивал Четырёх- и Пятикнижие, тренировался в написании багувэнь. Вот он поочерёдно сдал уездные, провинциальные и столичные экзамены, стал министром. Однако оказывается, что на посту у него связаны руки. Он не может получить аудиенцию у императора, поскольку тот занимается своими делами и передал большую часть своих функций евнухам. К примеру, императоры Хоучжао (1505–1521), Хоуцун (1521–1566) и Ицзюнь (1572–1620) вообще ни разу не принимали своих сановников[4, С. 394]. Окружение императора — его семья и гарем — полностью устраивает такая ситуация, поскольку никто не мешает им использовать страну в своих интересах. Евнухи же не горят желанием делиться властью и подпускать к императору чиновников, которые могут открыть ему глаза на происходящее в стране. Придворная борьба двух последних к тому моменту была в самом разгаре. Все назначения на должности происходят с учётом мнения императорских фаворитов, а не только (и не столько) мнения академии Ханьлинь[5, С. 124]. Напомню, что академия на тот момент была центром подготовки государственной интеллектуальной элиты. Там определялись темы экзаменационных сочинений, ее члены организовывали и проводили экзамены кэцзюй, обучали членов императорской семьи и контролировали деятельность учебных заведений.

Она стала нормативно-конфуцианской академией, освящавшей роль традиции в Китае. В общем и целом, положение для чиновника было незавидным, даже разочаровывающим. Затрачиваемое им время для подготовки к экзамену не окупало себя. В силу этого большинство кандидатов в чиновники стали отказываться от этой дороги и идти в академии вроде Дуньлинь.

Политические перемены в империи вообще не сказывались на кэцзюй. Тому есть несколько причин. Прежде всего, падало влияние

самих чиновников в ходе придворной борьбы: евнухи оттесняли их, выслуживаясь перед императором за счёт своего опыта и личной преданности. Зачем отменять экзамены, если можно расправиться уже с прошедшими их чиновниками? Свою роль сыграла и мальтузианская ловушка, характерная для традиционных обществ: население росло, кандидатов в чиновники становилось больше, однако число должностей не менялось. Так естественным образом снижалось и число чиновников, и шанс, что туда попадёт возможный реформатор, способный обрушить систему.

Таким образом, кэцзюй как система сохранялась в качестве нормативной традиции, в то время как чиновничество, постепенно теряя реальную власть, ничего не могло с этим сделать. На прохождение кэцзюй тратились силы и нервы возможных противников, так что и евнухам она была на руку. Всё это попадало в своеобразную ловушку традиционализма.

В целом, можно обозначить следующие основные моменты. Экзаменационная система кэцзюй в эпоху империи Мин стала единственным формальным методом рекрутирования чиновников на государственную службу. Экзамены проходили в форме восьмичленного сочинения багувэнь, писавшегося по строгому образцу, где проверялось знание классических образцов китайской культуры — Пяти- и Четверокнижия. Однако это довольно слабо помогало молодому чиновнику как в его профессиональной деятельности, так и в придворной борьбе. Да, знания воспроизводились и передавались дальше, однако практической ценности в этом было мало. Чжу Юаньчжан пытался сломать этот порочный круг введением в кэцзюй проверки практических навыков, например, стрельбы из лука, но после его смерти всё вернулось на круги своя.

Отношение современников к кэцзюй также было неоднозначным. Если вначале система казалась молодым людям интересной и заслуживающей доверия, то позже их настигало разочарование. У них не оставалось иной дороги, кроме чиновнической, где их ждала безысходность.

К тому же, кэцзюй не попевала за политическими переменами в империи. Да и не должна была. Целью её оставалось воспроизводство культуры и передача классических образцов общественно-

политической жизни из поколения в поколение. А классика должна оставаться неизменной как в период кризисов, так и в упадке. И здесь она вела именно к упадку: система не подстраивалась под изменения; чиновники, воспитанные по её правилам, оказывались беззащитными перед вызовами реальной жизни; система становилась догматичной, что не объясняется только соперничеством за власть придворных группировок. Это вело к проигрышу в придворной борьбе и утере рычага давления на императора, утрате контроля над страной, и в конечном итоге способствовало системному кризису и гибели империи.

Список литературы

1. Титаренко М. Л. и др. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 4: Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М., 2006. 935 с.
2. Юань Синпэй и др. История китайской цивилизации: в 4 т. (пер. с кит. под ред. И. Ф. Поповой). Т. 3: от династии Суй и Тан до середины правления династии Мин (581–1525). М., 2021. 735 с.
3. Юань Синпэй и др. История китайской цивилизации: в 4 т. (пер. с кит. под ред. И. Ф. Поповой). Т. 4: Конец правления династии Мин и династия Цин (1525–1911). М., 2021. 695 с.
4. С. Л. Тихвинский и др. История Китая с древнейших времён до начала XXI века: в 10 т. Т. 5: Династии Юань и Мин (1279–1644). М., 2016. 678 с.
5. Малявин В. В. Китайская цивилизация. М., 2000. 632 с.
6. Сидихменов В. Я. Маньчжурские правители Китая. М., 2004. 448 с.
7. Рыбаков В. М. Танская бюрократия. Часть 1: Генезис и структура. СПб., 2009. 512 с.

В. В. Шалом

vvshalom@edu.hse.ru

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Студент бакалавриата

**ТРАНЗИТ ОТ СИСТЕМЫ АПАРТХЕЙДА
К ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЮЖНОЙ АФРИКЕ
В КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОЙ ЮАР
(ПО ДАННЫМ ПРОЕКТА «АРХИВЫ АПАРТХЕЙДА»)**

Аннотация: В статье анализируется коллективная память жителей постапарtheidной Южной Африки о событиях апарtheidа и его последствиях на материалах проекта «Архивы апарtheidа», открывающие возможности для понимания сложностей транзита к нерасовому принципу организации общества.

Ключевые слова: ЮАР, апарtheid, расизм, коллективная память, проект «Архивы апарtheidа».

Keywords: South Africa, apartheid, racism, collective memory, Apartheid Archive Project.

Цель данного исследования — проанализировать взгляды южноафриканцев, участвовавших в проекте «Архивы апарtheidа», на Южную Африку во время режима апарtheidа и после его окончания. Для ее реализации будет рассмотрено проведение правительством ЮАР политики примирения, изучен опыт расовой дискриминации в воспоминаниях респондентов проекта «Архивы апарtheidа», а также будут определены возможности Проекта для понимания восприятия обществом перехода от апарtheidа к демократии в Южной Африке.

Опыт Южной Африки является ярким свидетельством переживания и преодоления наследия своего прошлого. Во второй половине XX в. более сорока лет проводилась политика апарtheidа: принимались многочисленные законы, сегрегировавшие население

по расовому признаку и ограничивавшие в правах небелое население страны [1, С. 111–117]. В 1973 г. ООН признала апартхейд преступлением против человечности [3], однако переломным годом для всех жителей Южно-Африканской Республики стал 1994. На смену Национальной партии (НП) пришло правительство Африканского национального конгресса (АНК) во главе с Нельсоном Манделой. Оно приступило к реализации политики памяти, направленной на примирение и становление единого, целостного общества. На законодательном уровне Временной конституцией предусматривалась возможность установления связи между прошлым, глубоко разделенного конфликтами и страданиями общества, и будущим, основанным на признании прав человека, демократии и мирном сосуществовании всех южноафриканцев [5].

Одним из наиболее значимых шагов по установлению национального единства стало образование Комиссии правды и примирения (КПП) в 1995 г. По замыслу Комиссии, примирение южноафриканского населения могло быть достигнуто, если раскрывалась и становилась общественно доступной правда о прошлых событиях. Исцеление должно было произойти путем раскаяния, исповеди и прощения. Проводились публичные слушания, на которых рассматривались дела о грубых нарушениях прав человека, совершенные по политическим мотивам и произошедшие в период с 1960 по 1994 г. [9, Р. 48–94].

Несмотря на деятельность, развернувшуюся по всей стране и привлекающую внимание международного сообщества, КПП оказалась противоречивым процессом. Она рассматривала преимущественно наиболее громкие дела, а также представила южноафриканскому обществу фрагментарный взгляд на прошлое, объявив, что государство НП было ответственно за подавляющую часть грубых нарушений прав человека при политике апартхеида, а белые граждане в этот период заняли дегуманизирующую позицию по отношению к черному населению [2, С. 200–203]. Проведенный в 1998 г. после окончания работы КПП опрос показал, что хоть Комиссия и была эффективным инструментом по нахождению истины, ей не удалось добиться примирения нации. Большинство белых сходились во мнении, что для построения единства необходимо

было сосредоточиться на будущем, не обращаясь к прошлому, с чем не были согласны африканцы [10, Р. 308–315].

В начале 2000-х гг. появилась возможность общественного диалога и рефлексии событий апартхейда в жизни ЮАР благодаря созданию в 2008 г. проекта «Архивы апартхейда» психологами из Университета Витватерсранда. Цель проекта — сбор личных историй южноафриканцев о самых ранних или наиболее значимых переживаниях расизма в их повседневной жизни во время апартхейда, независимо от их расовой, гендерной, социальной и пр. принадлежности. Единственным критерием стал возраст, который должен был превышать двадцать лет. Коллекция архива находится в открытом доступе и состоит из разнообразных материалов: нарративы респондентов, расшифрованные записи интервью, информация о конференциях, цифровые изображения фотовыставки, посвященной Южной Африке спустя пятнадцать лет после официальной ликвидации апартхейда [6]. В статье же исследуются письменные источники, в которых отражены взгляды южноафриканцев на апартхейд и его последствия.

Обращаясь к воспоминаниям респондентов, удается определить, что во время апартхейда даже откровенная расовая дискриминация не обращала на себя много внимания. Она была настолько распространена, что казалась естественной и привычной. Постоянные столкновения с расизмом укрепили представление, что апартхейд по своей природе был всеобъемлющим и всепроникающим [6, N44].

Несмотря на вездесущность расизма в жизни участников Проекта, им удается вспомнить наиболее ранний или определить наиболее значимый опыт дискриминации. Так, например, респондентка африканского происхождения признавалась, что испытала унижение и стыд, когда молодая белая продавщица отвела ее в туалет для уборщиц, чтобы примерить платье. Это событие стало одним из тех, которое укрепило в ее сознание понимание несправедливости апартхейда [6, N41].

Вследствие того, что в повествованиях участники указывали личную информацию, представляется возможным разграничить истории в соответствии с их расовой, половой принадлежностью. Для одной белой респондентки описать событие из своей жизни, связанное

с расизмом, оказалось сложнее, чем она представляла себе. По ее мнению, черный ребенок, выросший в условиях режима апартхеида, пережил более негативный и болезненный опыт дискриминации, чем белый, поэтому она решила записать преимущественно примеры институционального расизма, а не отдельные его проявления [6, SN36].

Среди историй обращают на себя внимание повествования женщин, которые описывают свой опыт материнства во время апартхеида. Для того, чтобы обеспечить себя и семью некоторым из респонденток пришлось переехать в другой город и оставить детей на воспитание своим родителям. Одна женщина признавалась, что разрыв с детьми ей причинял боль. Работая домашней прислугой, она могла видеть свою семью раз в три месяца, у нее не было постоянной возможности заботиться о собственных детях, поэтому они выросли с ее матерью [6, SN6].

Как уже было отмечено ранее, правительство Нельсона Манделы прилагало усилия к тому, чтобы справиться с наследием прошлого и сформировать единую нацию. Однако в действительности принятые меры оказались недостаточными. К тому же дальнейший переход власти АНК в 1997 г. к Табо Мбеки и вовсе обозначил переход от политики национального примирения к выполнению стратегической цели Национально-демократической революции — построению единого, нерасового, несексистского демократического общества через освобождение всех черных. Южная Африка, по мнению Мбеки, должна была стать африканской нацией, базировавшейся на единении различных африканских идентичностей. Не-африканцы могли стать членами этой нации, только если они отвергали свою собственную идентичность и принимали африканскую [4, С. 148].

В начале 2000-х гг. в СМИ неоднократно появлялись новости о преступных деяниях, где расовый вопрос имел первостепенное значение. Например, в феврале 2004 г. были арестованы белый фермер из Лимпопо с тремя соучастниками после того, как они напали на уволенного с фермы черного рабочего и бросили его в вольер ко львам [8]. В опросах этого же периода 68% африканцев отмечали, что им тяжело понять обычаи и стиль жизни белых, а только 36% считали, что белые не являются расистами [7, Р. 1–5]. И это не единственные примеры, демонстрирующие разобщенность жителей ЮАР.

Респонденты также указывали, что они сталкивались с расизмом чаще уже после 1994 г. Отдых в баре с друзьями для цветного мужчины обернулся расистскими оскорблениями в его адрес. «Это место становится полным кафров!» — с отвращением высказался один из белых посетителей бара [6, N1].

Из-за проявления дискриминации в постапартхейдной стране один респондент уже не надеялся, что расизм когда-нибудь удастся побороть, ведь даже спустя десятилетие все еще слышались шутки о белых и кафрах. Хотя он и предположил, что улучшения смогут наступить тогда, когда общество сможет осознать свои проблемы [6, SN20].

Таким образом, проект «Архивы апартхейда» не только расширяет границы понимания апартхейда и его влияния на южноафриканское общество, но и противостоит фрагментарному взгляду на прошлое, которое было сформировано государством. Предпринимаемые правительством АНК меры в области политики памяти оказались неэффективными в реализации задуманного примирения нации. Как показывают повествования респондентов, различия в расовой принадлежности жителей ЮАР были выражены не только в их опыте расизма во второй половине XX, но и в их представлениях о взаимодействии южноафриканцев уже в постапартхейдной стране. Более того, материалы Проекта также позволяют прийти к заключению, что, в то время как пренебрежение повседневным опытом расизма времен проведения политики апартхейда привело к увековечиванию его продолжающихся последствий и к большей разобщенности общества, обращение к травматическим событиям может послужить фундаментом для построения доверительных отношений и для устранения призмы расы, через которую южноафриканцы продолжают смотреть на жизнь.

Список литературы

1. Городнов, В. П. Апартхейд — тупиковый исторический эксперимент [Текст] / В. П. Городнов // *Rac Africana: континент и диаспора в поисках себя: сборник научных статей.* — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2009. — С. 101–140.

2. Курбак, М. С. «Примирить прошлое с будущим»: Комиссия правды и примирения в ЮАР [Текст] / М. С. Курбак // Миролюбие и миротворчество в Африке: к 90-летию академика Аполлона Борисовича Давидсона: сборник статей. — М.: Весь Мир, 2019. — С. 196–207.
3. Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказания за него // Организация Объединенных Наций. URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apartheid1973.shtml] (дата обращения: 1.04.2022).
4. Филатова, И. И., Давидсон, А. Б. Какого цвета «южноафриканское чудо»? Национально-демократическая революция и национальные отношения в ЮАР в конце XX — начале XXI в. [Текст] / И. И. Филатова, А. Б. Давидсон // *Raх Africana: континент и диаспора в поисках себя: сборник научных статей.* — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2009. — С. 141–215.
5. Constitution of the Republic of South Africa. Act 200 of 1993 // South African Government. URL: [<https://www.gov.za/documents/constitution/constitution-republic-south-africa-act-200-1993#Fundamental%20Rights>] (дата обращения: 1.04.2022).
6. Fonds AG3275 — Apartheid Archives Project records // Wits University Research Archive. URL: [<http://historicalpapers-atom.wits.ac.za/apartheid-archives-project-records>] (дата обращения: 1.04.2022).
7. Gibson, J. Truth — yes, reconciliation — maybe: South Africans judge the truth and reconciliation process [Text] / J. Gibson, H. MacDonald // Research paper for the Institute for justice and reconciliation, 2001. — 6 P.
8. South Africans are reeling over Lion's den Homicide Case // The New York Times. URL: [<https://www.nytimes.com/2004/02/13/world/south-africans-are-reeling-over-lion-s-den-homicide-case.html>] (дата обращения: 1.04.2022).
9. Truth and Reconciliation Commission of South Africa Report [Text] // Reports in 7 vol. — 1998. — Vol. 1. — 509 p.
10. Vora, J. A., Vora, E. The Effectiveness of South Africa's Truth and Reconciliation Commission: Perceptions of Xhosa, Afrikaner, and English South Africans [Text] / J. A. Vora, E. Vora // *Journal of Black Studies*, 2004. — Vol. 34, No. 3. — P. 301–322.

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЯ И ЯЗЫКИ»

А. А. Ахунова

adelinaakhunova9@gmail.com

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Студент бакалавриата

ЖЕНСКОЕ СОЗНАНИЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КИТАЙСКИХ ПИСАТЕЛЬНИЦ ПОСЛЕ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности женской китайской литературы и женского сознания после «культурной революции». Кроме того, демонстрируются меняющиеся семейные отношения и изменения в восприятии женщин себя и своей роли в обществе

Ключевые слова: женская китайская литература, женское сознание, «культурная революция», роль женщины.

Keywords: Chinese women's literature, women's consciousness, «cultural revolution», women's role.

Женская проза занимает важное место в китайской литературе на протяжении всей истории ее развития. Многочисленные исследования китайской литературы показывают, что до Культурной революции, серии идейно-политических кампаний в 1966–1976 годах, в женской прозе были свои особенности. Так, Чэнь Шуньсинь, сравнивая тексты женщин-писательниц с текстами писателей-мужчин пришел к выводу о том, что в вопросах позиции рассказчика, «мужское» можно суммировать как «авторитетное, коллективное и, следовательно, воспринимаемое многими», в то время как «женское» можно охарактеризовать как «индивидуально-эмоциональное, маргинальное» [2, С. 113]. Культурная революция, провозгласившая равенство между мужчинами и женщинами в Китае, запретила женщинам выражать в литературе гендерно-специфические мысли и переживания. Как отмечали Мэн Юэ и Дай Цзиньхуа, традиция «гендерной позиции [в женском письме] прекратилась, и почти никто не осмеливался исследовать ее, не говоря уже о том, чтобы раз-

вивать и углублять» [4, С. 263]. Однако после Культурной революции на литературную сцену вышло беспрецедентное число женщин-писательниц, и многие исследователи, как внутри Китая, так и за его пределами, проводили обширные изыскания именно в области женских произведений китайской литературы, которые отличались особым стилем, точкой зрения, способами выражения мыслей и поднимаемыми вопросами. Таким образом, целью данного исследования является изучение особенностей женской китайской литературы и женского сознания после Культурной революции, демонстрация меняющихся семейных отношений и отношения женщин к себе и своей роли в обществе. Для выполнения этой цели были поставлены следующие задачи:

1) показать меняющийся образ женщины в контексте Культурной революции;

2) раскрыть некоторые особенности женского образа в литературных произведениях китайских писательниц;

3) показать изменения в отношении женщин к своей материнской роли и к самой себе, связанных с изменениями в ее сознании и др.

Были проанализированы произведения женщин-писательниц, которые помогают глубже раскрыть женскую идентичность; продемонстрирован ряд особенностей, который ярко характеризует женскую литературу, раскрывает ее содержание и уникальность.

Стоит отметить, что после социалистической революции Китай претерпел множество изменений, особенно с точки зрения эмансипации женщин. Типичный образ новой социалистической женщины — это розовощекая, волевая, энергичная женщина, которая всецело посвящает себя революционному, общественному делу. Она «новая», потому что в идеале она «социалистка». С гендерной точки зрения новая социалистическая женщина представляет собой «вирилизированный» образ, лишенный гендерной характеристики, несмотря на ее женскую внешность. Это повлекло за собой драматические изменения в институте брака и семьи. Общее направление изменений — это ослабление института брака во второй половине XX в. Если в прошлом женщинам приходилось оставаться в семье из-за экономических потребностей и наличия патриархальной

власти, то теперь, имея доступ к работе и лучшему образованию, многие женщины в Китае стремятся к личной духовной независимости.

В прошлом у женщины должны были быть дети, в идеале сыновья, чтобы гарантировать ее выживание. В этом контексте материнская любовь содержала прагматическую личную потребность, а конфуцианский кодекс сыновней почитательности подтверждал для матери прагматическую пользу рождения и воспитания детей. Это важная мысль, ибо как только прагматическая потребность в материнстве для выживания уходит из жизни, моральные и эмоциональные привычные нормы, касающиеся материнства, будут поставлены под сомнение.

В рассказе «В ожидании заката» (1982) Цзян Цзидан (1954 г. р.) [3, С. 59] развенчивает миф о сущности матери. В этом экспериментальном тексте две женщины поочередно рассказывают о своей жизни. Одна из рассказчиц от первого лица вспоминает начало своей жизни как девушки, для которой главное — это семейные отношения и материнский опыт. Жонглируя первой героиней, рассказчица от третьего лица периодически воспроизводит фрагменты разочаровывающего романа неназванной молодой женщины. В этой истории ее возлюбленный — женатый мужчина, «избалованный» женой. Муж же рассказчицы от первого лица — это мужчина, который ценит своего сына больше, чем жену, которую он оставил без ухода после родов. Обе героини осознают гендерный конфликт, но рассказчица от первого лица сосредотачивается именно на разоблачении мифа об образе матери. Ее собственная мать говорила ей только о том, что, став матерью женщина может стать полноценной, но рассказчица противоречит этой истине собственным опытом. Голосом рассказчицы от первого лица Цзян Цзидан описывает процесс рождения ребенка. Она детально описывает беременность, которая предстает в ее рассказе как что-то весьма неприятное. Рассказ отвергает материнство как естественный процесс для женщин, он описывает беременность как ужасное заболевание женского организма. В начале повествования женщина-рассказчица от первого лица, чувствуя себя плохо, идет к врачу только для того, чтобы ей сказали, что она не больна, а беременна. Помимо опухших ног

и деформированного тела, самым мучительным аспектом является рвота на ранней стадии беременности. Рассказчица извергает почти все, что она ест, и всегда находится в таком состоянии истощения, что ей остаётся только лежать в постели. Однако у нее нет желания быть матерью, имеющей власть и обязательство перед другой жизнью. Вопреки традиционному сыновнему кодексу, который рассматривает рождение как великую услугу, за которую ребенок обязан пожизненным сыновним долгом перед матерью, рассказчица считает это, скорее, навязыванием, за которое он ни в коем случае не должен быть благодарным. Она не может видеть смысл в рождении ребенка в свете ее напряженных отношений с собственной матерью. Критическое отношение к матери заставляет ее, в свою очередь, не хотеть заводить детей. Ее отвращение к материнской роли и физическим пыткам во время беременности ведет к тому, что она хочет извергнуть плод. Каждый раз после рвоты она пытается рассмотреть ее в плевательнице, надеясь найти волосы, ногти или другие признаки плода. Идеалистичное единение матери и ребенка здесь ни в коем случае не является блаженным симбиозом, напротив, читатель видит безжалостную борьбу жизни и смерти. Рассказчица говорит о том, что плод высасывает из нее жизнь, из-за него она становится слабее. Она использует натуралистичные описания, говоря о том, что хотела бы, чтобы мышцы живота задушили ребенка. Для беременной матери плод — чудовище, пожирающее ее тело; ее единственный способ защитить свое тело — избавиться от плода.

Стоит отметить, что семья в целом, по мнению Н. К. Хузиятовой [1, С. 220], становится пространством борьбы между «Я» и «Другими» и, как следствие, сценой, на которой разыгрываются проблемные отношения.

Например, семья в произведениях такой писательницы как Цань Сюэ (1953 г. р.) — нервная, саморазрушающаяся структура, со странными, будто вывернутыми наизнанку взаимоотношениями людей. В описанных писательницами семьях нет безоговорочно положительных, сильных героев. Семья точно впитывает в себя полную вражды и взаимной ненависти атмосферу времен Культурной революции. Грубое насилие над личностью в обществе приводит к тому,

что люди выливают боль и раздражение на своих близких, под натиском извне семья деформируется.

Главная связь в процессе продолжения рода — связь между отцом и матерью, ее искаженность, в свою очередь, приводит к сложным проблемам и удручающим уродствам в отношениях отцов и детей, к тяжелым психическим травмам у младшего поколения. Повторяющийся образ матери в рассказах писательниц того времени особенно силен и пронзителен. Слово «мать» вызывает у китайского читателя не только мысль о родине, но и о коммунистической партии и ее «Великом кормчём» Мао Цзэдуне (1893–1976). В рассказах мать, являющаяся самой авторитетной фигурой, безумна, обладает ужасным характером и обожает приказывать своим детям. Мать является основным противником для своих детей — противником, который старается разрушить их ощущение «Я» и не дать им найти свою сущность.

Проблематичность отношений между «Я» и «Другими» слишком явно проявляется в равнодушии между теми, кто должен быть самыми близкими членами семьи — мужем и женой. Несмотря на свое физическое присутствие в отношениях, муж и жена могут на деле не разделять жизнь друг друга. Например, в рассказе «Хижина на горе» (1985) Цань Сюэ не просто демонстрирует недостатки нормальной семьи, но отрицает саму возможность существования гармоничных взаимоотношений. Причина этого процесса — изменения в самих женщинах, в их сознании, которое после Культурной революции переломилось коренным образом.

Кроме того, в произведениях, написанных женщинами после Культурной революции, нет свойственных дамским романам воспеваний сентиментальной любви и гармонии семьи или описаний тонких женских переживаний, напротив, читатель сталкивается с «семьей наоборот», семьей не созидающей, а разрушающей саму себя, и «женщиной наоборот», то есть женщиной, естество которой методично вытравливается как ею самой, так и окружающей ее жестокой действительностью.

Проблемы женской идентичности, представленные в женской поэзии и прозе, редко связаны с трудностями в познании своего пола: чаще им трудно научиться реагировать на социальные правила,

определяющие, что именно значит быть женщиной. Героиня рассказа Чжан Синьсинь (1955 г. р.) «На одном горизонте» (1984) разочарована из-за того, что не может вступить в близкие отношения, потому что социальные правила, отраженные в требованиях мужчины к ней, противоречивы. Мужчина ценит ее стремительный дух (идентифицированный как мужской), но все же желает, чтобы она была «настоящей женщиной»; тем не менее, она не может сочетать в себе две грани, потому что они противодействуют друг другу.

Однако с середины 1980-х гг. героини романтических рассказов китайских писательниц стали демонстративно разглядывать свое тело в зеркале, наслаждаясь этим процессом. Зеркало может иметь особое значение в рассказах, поскольку героиня часто начинает свое любовное «путешествие» с восхищения собственным телом, полностью обнаженным или полубнаженным.

Таким образом, можно увидеть изменения, происходящие с чувствами и переживаниями женщин, продемонстрировали как историческая эпоха повлияла на их отношение к себе, к своему телу и к своей социальной роли. Вирилизированный во время Культурной революции образ женщин, претерпел серьезные изменения после этой главы в истории Китая. Женское сознание, которое в некотором роде было «изранено» историческими событиями, приобрело новые свойства. Женщина невольно пересмотрела свои привычные гендерные роли, которые она открыла для себя заново с учётом нового приобретенного опыта. Кроме того, женщина пересмотрела и отношение к себе. Можно сказать, что она заново открыла себя именно для себя.

Таким образом, можно сказать, что Культурная революция внесла значительные корректировки в сознание женщин, а это в свою очередь привело к раскрытию новых женских образов в китайской литературе.

Список литературы

1. Хузиятова Н. К. Модернистские тенденции в китайской прозе 1980-х годов как негативистское дополнение к мейнстриму, Проблемы конф. (Санкт-Петербург, 24–28 июня 2008 г.). — СПб., 2008, 220 с.

2. Chen Shunxin. Gender and narrative in contemporary Chinese literature, Beijing Daxue Press, 1995. 113 p.
3. Jiang Zidan. Selected stories by Jiang Zidan, Sichuan Renmin Press, 1998. 59 p.
4. Meng Yue & Dai Jinhua. Floating out of the horizon of history, Henan Renmin Press, 1989. 263 p.

А. В. Панюкова

anastasia.panyukova05@gmail.com

Санкт-Петербургский государственный университет

Студент бакалавриата

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ МАЛАЙЗИИ

Аннотация: В статье исследуется этнолингвистическая ситуация в современной Федерации Малайзии. Были представлены общие сведения о языковой ситуации в Малайзии, о малайзийском языке, о местных языках и диалектах в государстве, а также об иностранных языках.

Ключевые слова: языковая ситуация, Федерация Малайзия, современное общество, многоязычие.

Keywords: Language situation, Malaysia, Modern society, Multilingualism.

В статье исследованы особенности языковой ситуации в современной Малайзии. Целью работы было изучить и представить общие сведения об этнолингвистической ситуации в Малайзии, о малайзийском языке, о местных языках и диалектах, а также об иностранных языках, их статусе и роли в разных сферах жизни малайзийского общества.

Федерация Малайзия принадлежит к странам со сложной языковой ситуацией. Малайзийское общество состоит из нескольких групп, которые отличаются друг от друга по языку, происхождению, культурно-бытовым и социальным признакам и почти не поддаются ассимиляции. Самая большая группа населения состоит из трех основных этносов: *малайцев*, *китайцев* и *индийцев*. Коренных жителей Малаккского полуострова обычно разделяют на три основные группы: *негрито (семанги)*, *сенои* и *протомалайцы*, а к аборигенам Восточной Малайзии относят *ибанов*, *дусунов*, *бидайю*, *меланау* и др. По данным Официального Портала Департамента Статистики Малайзии, *коренные жители* составляют 69,6% населения страны,

этнические *китайцы* — 22,6%, *индийцы* — 6,8%, люди *других национальностей* — 1% [5]. Несомненно, такая полиэтничность сопровождается лингвистическим многообразием: в государстве говорят приблизительно на 140 языках и диалектах.

Что касается малайского языка, то его широкое распространение объясняется рядом исторических причин. А. С. Теселкин в своем труде «Малайский язык в роли государственного в Индонезии, Малайзии, Сингапуре и Брунее» пишет, что, по мнению большинства исследователей, малайский язык служил средством общения между различными народами Малайского архипелага уже в первые века нашей эры. Также с 7 века в течение нескольких веков официальные документы Шривиджайи, территория которой включала большую часть острова Суматра, юг Малаккского полуострова и ряд других районов Малайского архипелага, составлялись на малайском языке. В формировании малайского литературного языка большую роль играли своеобразные центры, главным образом при дворах феодальных правителей на территории современной Малайзии, а также Индонезии. Одним из таких центров в 19 веке был Султанат Джохор, включавший также острова Риау-Линга. Позднее в связи с тем, что острова Риау-Линга были включены в состав Нидерландской Индии, образовалось два центра литературного языка. Именно малайский литературный язык и послужил базой для формирования государственного языка Малайзии [6, С. 3–7]. Статья 152 Части XII Конституции Федерации Малайзии от 27 августа 1957 года разъясняет, что государственным языком является малайский язык¹ в том написании, которое Парламент может предусмотреть законом [2]. В современной Малайзии малайзийский язык является обязательным предметом в школах, и для получения аттестата о среднем образовании необходимо сдать по нему экзамен. Он также необходим для поступления в государственные бывших советские и высшие учебные заведения, в некоторых из которых обучение полностью переведено на малайзийский. Более того,

¹ В 1969–1986 гг. и с 2007 г. за малайским языком было официально закреплено название «малайзийский». Источник: Большая российская энциклопедия — URL: [https://bigenc.ru/linguistics/text/2168550] (дата обращения: 25.05.2021).

он активно используется в СМИ, и на малайзийском языке имеется богатая современная литература. Кроме того, чтобы лица немалайской национальности имели возможность овладеть им, в журналах и газетах печатаются переводы произведений на малайзийском языке. Таким образом, он обслуживает сферу производства, образования, государственно-административного управления, средств массовой коммуникации, литературы и искусства. Однако стоит отметить, что малайзийский язык является родным лишь для 40% населения, главным образом для этнических малайцев, которые владеют общеразговорным языком и местными диалектами.

Население Малайзии распадается на определенный ряд территориально-диалектных групп. Диалекты находятся в разной степени близости друг к другу, а их точное количество неизвестно. Наиболее распространенной является точка зрения о том, что каждый из 11 штатов Западной Малайзии имеет свой диалект. В стране также говорят на большом количестве местных языков. Среди аборигенов Западной Малайзии обычно выделяют три или четыре группы, различающиеся не только по своему антропологическому типу, уровню экономического развития, образу жизни, но и по языку. *Сенои* — этническая группа, составляющая более половины всех аборигенов Малаккского полуострова. Она объединяет два больших племени — *темиар* и *семаи*, имеющих собственные языки. Два языка — темиар и семаи — выступают в роли лингва франка среди коренных жителей. *Семанги* — самая малочисленная группа аборигенов, подразделяющаяся на ряд племен, при этом не исключено, что племенное деление совпадает с диалектным. Семанги и сенои представляют собой самостоятельные языковые группы, так как их языки по своему лексическому составу и грамматической структуре значительно отличаются от малайзийского. Третья группа аборигенов — *протомалайцы* — также делится на более мелкие этнические единства — *джакунов*, *темуанов*, *беландас* и др., говорящих на малайском языке в его архаичной форме [3, С. 295–296].

Восточная Малайзия отличается от Западной большей этнолингвистической пестротой. Здесь проживают аборигены (*ибаны*, *дусуны*, *бидайю*, *меланану* и др.), малайцы, филиппинцы, а также

китайцы, представленные теми же диалектными группами, что и в Западной Малайзии. Население Сабаха состоит из 32 этнических групп, язык крупнейшей национальной общины — *кадазанов* и *дусунов* — насчитывает около 300 тысяч носителей. Население Саравака состоит из 27 этнических групп, и на языке основной этнической группы — *ибанов* — говорит около 700 тысяч человек. Общей чертой местных языков и диалектов малайзийского языка является то, что они используются их носителями в основном в бытовом общении.

Китайская община Малайзии распадается на девять крупных диалектных групп, из них шесть диалектов — *фуцзянский*, *хакка*, *кантонский*, *чаочжоу*, *хайцаньский* и *гуанси* — объединяют более 90% всего китайского населения. В обособленную группу выделяются *китайцы-баба*, проживающие в штатах Пинанг и Малакка. Это потомки ранних китайских переселенцев, которые в значительной мере ассимилировались благодаря вступлению в брак с малайцами. Они говорят не на своём родном языке, а на креолизованном «пиджине» — смешанном китайско-малайзийском наречии. Китайская общность Малайзии наиболее замкнутая.

Индийцы, проживающие в основном на западном побережье Малаккского полуострова, составляют третью по численности группу населения Малайзии. Индийская общность носит обособленный характер, живет в основном в сельской местности и отличается большим языковым разнообразием. 90% её населения составляют выходцы из Южной Индии говорящие на таких языках, как *тамилский*, *малаям* и *телугу*, однако в государстве проживают и выходцы из Северной Индии, говорящие на *панджаби*, *раджастхани*, *бенгали* [3, С. 296].

В Полуостровной Малайзии есть и другие, малые этнолингвистические группы, такие как тайцы, арабы и португальцы, говорящие на *тайском*, *арабском* и *португальском* языках соответственно. Арабский язык очень престижен среди мусульман. Его изучение является частью обучения в исламских религиозных учреждениях Малайзии [7, С. 697].

Среди европейских языков на первом месте по числу носителей стоит *английский* язык, который считается атрибутом высокого со-

циального положения и продвижения по службе. А. К. Оглоблин в своей статье, посвященной языковой ситуации в Малайзии, пишет, что в государстве создалась межэтническая англоязычная среда, включающая бизнесменов, чиновников и квалифицированных специалистов, хотя многие из них в частной жизни пользуются родным языком либо родным и английским попеременно [4, С. 104].

Таким образом, для Малайзии характерно широкое распространение дву- и трехязычия, особенно для городского населения. Особенностью полиглоссии является то, что немалайское население трехязычно, так как использует родной язык наряду с английским и малайзийским, а малайское — двуязычно: говорит на родном и на английском языке. Сельское население всех национальностей чаще всего одноязычно. Среди немалайцев также может быть распространено двуязычие, поскольку кроме родного языка они могут владеть либо английским, либо малайзийским языком.

Языковая ситуация в Малайзии характеризуется наличием двух функционально доминирующих языков, малайзийского и английского. Тем не менее в настоящее время сложно с уверенностью сказать, каков будет выбор полиэтнического народа Малайзии: опора на английский язык как средство международного общения, язык образования, науки и техники или развитие малайзийского с сохранением языковых традиций многочисленных этнических групп государства.

Перспектива исследования состоит в изучении языковой политики в современной Федерации Малайзии, поскольку рассмотрение совокупности идеологических принципов и практических мер по решению языковых проблем в обществе и государстве позволит более детально исследовать этнолингвистическую ситуацию в Малайзии.

Список литературы

1. Большая российская энциклопедия — URL: [<https://bigenc.ru/linguistics/text/2168550>] (дата обращения: 25.05.2021).
2. КОНСТИТУЦИЯ ФЕДЕРАЦИИ МАЛАЙЗИИ от 27 августа 1957 года — URL: [<https://worldconstitutions.ru/?p=655>] (дата обращения: 25.05.2021).

3. Малайзия. Справочник М., Главная редакция М18 восточной литературы издательства «Наука», 1987. — 368 с.
4. Оглоблин А. К. Языковая проблема в системе образования Малайзии // Австралия, Океания и Индонезия в пространстве времени и истории. СПб., 2010. С. 101–113.
5. Официальный Портал Департамента Статистики Малайзии — URL: [https://www.dosm.gov.my/v1/index.php?r=column/cthemByCat&cat=155&bul_id=OVByWjg5YkQ3MWFZRTN5bDJiaEVhZz09&menu_id=L0pheU43NWJwRWVSZklWdzQ4TlhUUT09] (дата обращения: 25.05.2021).
6. Теселкин А. С. Малайский язык в роли государственного в Индонезии, Малайзии, Сингапуре и Брунее. — Москва: Восточный университет, 2005. С. 3–7.
7. Adelaar K. Alexander. Contact languages in Indonesia and Malaysia other than Malay. Atlas of languages of intercultural communication in the Pacific, Asia and Americas, S. A. Wurm, P. Muhlhausler, and D. T. Tryon (eds.). — Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1996. P. 697.

Ю. А. Чернова

ChernovaJA@mgpu.ru

Московский городской педагогический университет

Студент бакалавриата

КИТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ ПОРЯДКОВЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: В статье анализируются основные способы выражения порядковости в древнекитайском периоде, а также очерёдность их возникновения и интенсивность употребления в древнекитайском периоде.

Ключевые слова: китайский язык, порядковые числительные, префикс порядковых числительных 第.

Keywords: Chinese language, ordinal numerals, prefix of ordinal numerals 第.

В статье рассмотрены три основных способа выражения порядковости данного периода. Если исследовать их в хронологическом аспекте, то первым по времени появления является беспрефиксальный способ, характеризующийся употреблением количественного числительного без каких-либо дополнительных грамматических маркеров в функции порядкового числительного.

Целью исследования является изучение способов выражения порядковости древнекитайского периода. Поставленная цель раскрывается через следующие задачи:

1. Рассмотреть интенсивность употребления префиксального способа выражения порядковости и время его возникновения в древнекитайском периоде.

2. Рассмотреть интенсивность употребления беспрефиксального способа выражения порядковости в древнекитайском периоде.

3. Рассмотреть интенсивность употребления специальных лексических единиц, как способа выражения порядковости древнекитайского периода, а также примерное время их возникновения.

Основными методами исследования являются сравнительно-сопоставительный и описательный, а также метод контекстуального анализа.

Известный китайский лингвист Ван Ли в «Записках по истории китайского языка» пишет, что до появления префиксального способа количественные и порядковые числительные ничем не отличались друг от друга [2, С. 252]. Следовательно, понять, какова функция того или иного числительного, можно было только по контексту. Также исследователь в своём труде подмечает, что некоторые случаи употребления данного способа сохранились до наших дней. Например, к ним относятся двенадцать месяцев года.

Другой китайский языковед, У Чжэнчжи, занимавшийся изучением способов выражения числа в вэньяне, пишет о том, что использование количественных числительных для обозначения порядка было относительно частым явлением древнекитайского периода. Кроме того, лингвист приходит к выводу о низкой интенсивности использования префиксального способа выражения числовой порядковости, отмечая, что случаи употребления префикса 第 *dì* с числительным встречались весьма редко [5].

Префиксальный способ выражения порядковости и использование специальных лексических единиц появились позднее. Поскольку элементы, выделяемые в категорию специальных лексических единиц, разнятся по времени появления, то вторым будет рассмотрен префиксальный способ.

Любопытно, что с определением хронологических рамок возникновения префиксального способа тоже есть определённые сложности. Они связаны с существованием в китаеведении как минимум трех позиций по поводу периода возникновения префикса 第 *dì* и процесса его грамматикализации. **Первая** заключается в том, что данные процессы происходили ещё в доциньскую эпоху. Однако Ван Ли отвергает данную позицию, полагая, что аргумент, заключающийся в частом использовании в заголовках доциньских источников 某某第一 *mǒumǒudi'yó*, что может быть переведено, как 'глава первая', 某某第二 *mǒumǒudi'èr* и 'глава вторая' соответственно, является несостоятельным. Учёный считает, что они могли быть добавлены

следующими поколениями и поэтому такого рода заголовки не могут служить в качестве доказательства [3, С. 25].

Не согласен с данной позицией и Ли Цзяньпин, автор статьи «Период возникновения префикса порядковых числительных 第 *dì* и процесс его грамматикализации — обсуждение эпохи и причин лексикализации 第一 *dìyóu*». Исследователь пишет, что в динчжоуской версии «Лунь юя», открытой в 1973 году, не содержится ни названий глав, ни тем более их нумерации. Поэтому Ли Цзяньпин приходит к выводу о ненадёжности примеров из доциньских литературных памятников [1].

Известный китайский лингвист Пань Юнчжун сначала разделял данную позицию, и в своей книге «Основы истории китайской грамматики» писал о том, что префикс 第 *dì* имеет очень древнее происхождение, чему свидетельствуют такие примеры заглавий из «Лунь Юя», как 学而第一 *xué'érdìyóu*, что может быть переведено как ‘Глава первая — учиться и...’, 为政第二 *wéizhèngdì'èr* ‘Глава вторая — осуществлять правление’ и др. Однако позже исследователь пересмотрел своё мнение по данному вопросу и принял точку зрения Ван Ли. И в «Очерке истории грамматики» он уже пишет о том, что древние книги, такие как «Лунь юя», «Мо-цзы» и «Ляошичунью» хоть и содержат в своих оглавлениях сочетание 第 *dì* с числительным, однако не могут использоваться в качестве доказательства возникновения префикса 第 *dì* и прохождения им процесса грамматикализации в доциньский период, так как не может быть установлено были ли заголовки с префиксом 第 *dì* изначально или это было добавлено более поздними поколениями [1, С. 53].

Вторая позиция заключается в том, что данные явления происходили в эпоху Хань. Исследователь Сян Си полагает, что с наступлением ханьской эпохи возник и оформляющий порядковые числительные префикс 第 *dì*, что ознаменовало появление в китайском языке фиксированной формы порядковых числительных. Сян Си считает, что самые ранние достоверные примеры употребления 第 *dì* содержатся в «Исторических записках» и «Ханьшу» [6, С. 41].

Так, Ван Ли в «Записках по истории китайского языка» пишет, что уже во времена династии Хань иероглиф 第 *dì* стал использо-

ваться в качестве префикса порядковых числительных. При этом на раннем этапе его использования в качестве префикса за его сочетанием с числительным не следовало существительное. Присоединение последнего стало возможно после династии Хань [2, С. 252].

Однако Чжан Яньчэн высказывает предположение о том, что присоединение существительного к конструкции «第 *dì* + числительное» произошло еще раньше, утверждая, что это мог быть период Западная Хань. Также он подмечает, что в указанном периоде конструкция «第 *dì* + числительное» часто использовалась в качестве сказуемого, а случаи ее употребления в качестве определения были немногочисленны [7].

Третья позиция заключается в том, что данные явления происходили в эпоху Цзинь. Примечательно, что в своей книге, вышедшей более чем через 30 лет после «Записок по истории китайского языка», профессор Ван Ли высказывает принципиально новую позицию, а именно, что в действительности иероглиф 第 *dì* стал использоваться в качестве префикса порядковых числительных приблизительно после династии Цзинь или раньше [3, С. 25].

Беря во внимание все существующие позиции, Ли Цзяньпин приходит к выводу, что префикс 第 *dì* появился во времена династии Цинь, постепенно претерпел процесс грамматикализации во времена Западной Хань, принял свою законченную форму к началу Восточной Хань и получил широкое распространение в литературных памятниках Восточной Хань [1, С. 54].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что самое раннее в доциньскую эпоху и самое позднее в эпоху после династии Цзинь интенсивность употребления конструкции «第 *dì* + числительное» увеличивается, а роль префиксального способа, как основного способа образования порядковых числительных начинает заметно возрастать.

Теперь перейдем к третьему способу — использованию специальных лексических единиц. По мнению Ван Миня, способ выражения порядковости, характеризующийся присоединением префикса 第 *dì* к числительному уже существовал в древнекитайском

периоде, однако случаи, в которых он использовался, встречались нечасто. Учёный считает, что передача значения «первый» осуществлялась с помощью лексических единиц 太上 *tàishàng* и 上 *shàng*, а для того, чтобы сказать ‘второй’, ‘третий’ и т. д. применялись 其次 *qí cì*, 次之 *cì zhī*, 次 *cì* [4].

По этому поводу Ван Ли пишет: «兄弟排行也是序数 *xiōngdì páiháng yěshì xùshù* ‘Порядковыми числительным являются и лексические единицы, используемые для ранжирования братьев по старшинству’». Однако, по нашему мнению, приводимые лингвистом примеры не могут быть отнесены к порядковым числительным, ведь по своей природе они специальные лексические единицы с функциями выражения порядковости. Например, в древнекитайском периоде активно использовались 伯 *bó*, 仲 *zhòng*, 叔 *shū*, 季 *jì*. При этом 伯 *bó* обозначал старшего из братьев, 仲 *zhòng* — второго по старшинству, 叔 *shū* — третьего, а 季 *jì* — четвертого. Но одновременно с лексемой 伯 *bó* существовала и активно использовалась лексема 孟 *mèng*, которая также могла обозначать старшего из детей, а 季 *jì* могла использоваться и в значении третий по старшинству [3, С. 26]. После династии Тан система ранжирования родственников ещё более усложнилась. Существовала необходимость ранжирования не только родных, но и двоюродных братьев и поэтому был осуществлён переход к обозначению родственников с помощью порядковых числительных, что, на наш взгляд, способствовало распространению и более частому употреблению префиксального способа обозначения порядковости.

Таким образом, в древнекитайском языке существовало несколько способов выражения порядковости. Это и присоединение префикса 第 *dì* к числительному, и использование специальных лексических единиц, и беспрефиксальный способ, при котором используется числительное без каких-либо маркеров. Второй и третий способы были более распространены, чем первый. Однако первый из них — префиксальный — сохранился до наших дней и вышел на первый план, в то время как беспрефиксальный, и способ использования специальных лексических единиц нашли применение в ограниченных сферах.

Список литературы

1. 李建平. 序数词“第”产生的时代及其语法化历程 — 兼论“第一”词汇化的时代与动因 [Ли Цзяньпин. Период возникновения префикса порядковых числительных “第” и процесс его грамматикализации — обсуждение эпохи и причин лексикализации “第一”] // 古汉语研究 [Исследования древнекитайского языка]. — 2014. — № 4. — С. 53–57.
2. 王力. 汉语史稿 [Ван Ли. Записки по истории китайского языка]. — 北京：中华书局 [Пекин: издательство «Чжунхуа»], 2013. — 654 с.
3. 王力. 汉语语法史 [Ван Ли. История китайской грамматики]. — 北京：中华书局 [Пекин: издательство «Чжунхуа»], 2014. — 430 с.
4. 王敏. 古汉语数词及数量表示法探津 [Ван Минь. Исследование числительных и способов выражения количества в древнекитайском языке] // 内蒙古电大学刊 [Журнал телевизионного университета Внутренней Монголии]. — 2000. — Вып. 39. — № 5. — С. 8–9.
5. 吴正芝. 数字表示法在文言文中的应用 [У Чжэнчи. Практическое применение способов выражения числа в вэньяне] // 读写算 [Чтение, письмо и арифметика]. — 2009. — № 1. — С. 39–42.
6. 向熹. 简明汉语史 [Сян Си. Краткая история китайского языка]. — 北京：高等教育出版社 [Пекин: издательство «Высшее образование»], 1998. — 550 с.
7. 张延成. 中古汉语表序法 [Чжан Яньчэн. Способы выражения порядка в среднекитайском языке] // 长江学术 [Научный журнал «Янцзы»]. — 2009. — № 4. — С. 102–111.

Ш. Х. у. Чориев

shahchoriev22@gmail.com

Санкт-Петербургский государственный университет

Студент бакалавриата

ТРАДИЦИЯ НАЗИРА И ЕЁ ОСВЕЩЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ НАУКЕ

Аннотация: В статье анализируется сущность такого литературного явления, как *назира-нависи*. Целью статьи является анализ развития трактовки *назира-нависи* в литературоведческой науке и выявление причин изменения этой трактовки.

Ключевые слова: *назира*, творческое подражание, *назира-нависи*, метод творческого варьирования, трактовка *назира*, развитие *назира*.

Keywords: *nazira*, creative emulation, *nazira-navisi*, creative variation method, interpretation of *nazira*, evolution of *nazira*.

В персидской литературе XIV–XIX вв. особенно важную роль играл метод создания *назира* — ответа на произведение известного поэта в виде творческого подражания, с сохранением сюжета и образа главных героев, ритмики, стиля и рифмы. При этом, перерабатывая исходный текст, автор подражания обязательно привносил в него собственные оригинальные черты. Главной же целью *назира* является творческое соперничество.

Создание новых текстов с применением метода творческого варьирования берет начало в арабской литературе, откуда этот метод перешёл в персидскую литературу, где развился и нашел широкое применение в разных жанрах, в основном затрагивая произведения религиозной, романтической, мистической и дидактической тематики. Из персидской литературы метод *назира-нависи* был заимствован тюркской литературой.

Термин *назира* дословно означает «подобие». Его чаще всего используют для обозначения явления творческого подражания

в литературах мусульманских народов. Также встречаются такие его обозначения как «ответ» и «творческое подражание». Шотландский востоковед Э. Гибб использует термин «parallel», что можно было бы перевести как «аналогия» [5, С. 99–100].

Поэт, писавший в форме *назира*, подражал своему предшественнику, но не терял своей индивидуальности. Создавая свой труд, автор руководствовался собственными взглядами на мир, а также идеями и атмосферой той эпохи, в которую он жил. Поэты же, жившие в иных странах, чем автор изначального текста, пытались подстроить труд под собственные этнокультурные и лингвистические реалии.

Наиболее ярким и хорошо изученным примером создания подражаний-*назира* является «Хамса» («Пятерица») Низами Ганджави (1141–1209), ответные подражания которому писали многие авторы, в том числе на персидском языке — Амир Хусрав Дихлави (XIII в.) и ‘Абд ар-Рахман Джами (XV в.), и на тюркских языках — Алишер Навои (XV в.) и Мухаммед Физули (XVI в.). При этом мы перечислили только наиболее известных авторов. Примечательно, что свои пять поэм Низами Ганджави не подразумевал как единое собрание, написав каждую из них в разное время, но довольно быстро они стали восприниматься как цикл, и «ответы» писались как на отдельные его *маснави*, так и на всю «Пятерицу».

В данной статье мы бы хотели обратиться к тому, какую оценку давала этому явлению литературоведческая наука в разное время.

Если взглянуть на более ранние времена, известный панегирист Испании Ибн Даррадж ал-Касталли (958–1030), который жил в X–XI вв. сочинил по заказу правителя ал-Мансура касыду в «подражание» известному произведению выдающегося поэта аббасидского периода Абу Нуваса (756/758–815). В средневековой литературе довольно частой практикой было создание «подражаний» по просьбам правителей, визиров и чиновников [2, С. 232], [3, С. 105].

Еще одним интересным вариантом трактовки данного метода творческого варьирования являются комментарии к *назира-нависи* ‘Абд ар-Рахмана Джами, Алишера Навои и других видных поэтов XV в. Они писали, что *назира-нависи* является отличным способом для тренировки поэтического мастерства. Поэт, проявивший свои

способности в искусстве «ответа», считался достойным признания. Уже в том же XV в. сочинение «ответов» на произведения поэтов прошлого считалось доказательством поэтической зрелости и понималось как поэтическое состязание [1, С. 119].

Таким образом, ни в ранние времена, ни в средние века персидской и восточной поэзии к подражаниям не относились отрицательно. Напротив, поэт, справлявшийся со своей задачей, принимал заслуженное признание и похвалу окружающих.

К числу тех, кто отрицательно относились к *назира-нависи* А. Афсахзод относит Малек аш-Шуара Бахара и Али Асгар Хикмата, которые, не вникнув в суть *назира-нависи* и газелей Джами, критиковали его за неоригинальность и отсутствие свежих мыслей. Бахар ссылается на «безымянных» знатоков поэзии и литературы, в своей характеристике к газелям Джами [1, С. 118–119]. Афсахзод приводит достаточно доводов, чтобы опровергнуть эти утверждения. К тому же он, чтобы не быть голословным приводит полный список литературы, подтверждающий его слова [1, С. 119]. Мы можем лишь предположить, что негативное отношение к «ответам» могло быть вызвано неправильным толкованием сущности *назира* и заведомым пренебрежительным отношением в принципе к «подражаниям». Возможно, это объяснялось суждением о том, что автора оригинала нельзя превзойти, а все попытки написать «ответ» на исходный текст есть лишь повторение того, что уже сказано.

В XV в. были распространены два вида творческого подражания: *назира-нависи* — поэтическое состязание и *таклид* — эпигонство. И если в результате *назира-нависи* появлялись значительные литературные произведения, то эпигонство порождало в поэзии застой. Как отмечает, Абдулгани Мирзоев — наряду с составлением *назира* в литературе также продолжалась традиция *таклид*. По внешним признакам *таклид*, казалось, был подобен *назира*, однако своей сущностью и многими свойствами представлял собой явление, совершенно противоположное *назира* [1, С. 126]. Можно предположить, что негативное отношение к *назира-нависи* было вызвано не слишком глубоким знанием сущности данного метода творческого варьирования. К тому же, наряду с остальными недугами литературы XV в., появлялись слабые поэты-эпигоны, «конвейерами» выпускающие

бессодержательные стихи, которые заботились, скорее, об объёме своей «продукции», нежели о содержательной и художественной стороне. Количество бейтов у этих деятелей доходило до нереальных цифр, что явно исключает наличия в них хоть какого-нибудь смысла. На таких эпигонов и плагиатчиков жаловались известные поэты того времени, например, Катиби [1, С. 127].

В конце XIX в. известный шотландский востоковед Элиас Джон Уилкинсон Гибб (1857–1901) в своей работе под названием «История турецкой поэзии» оценивал *назира-нависи* не как подражание, а как поэтическое состязание. Он рассматривал «подражателя» не как бездумного копииста предшественника, а как его соперника [1, С. 120] [5, С. 99–100]. Это утверждение Гибба, хотя и не ссылаясь на него, в XX в. развивали знаменитые советские, таджикские и иранские востоковеды: Евгений Эдуардович Бертельс, Алексей Аркадьевич Стариков, Абдулгани Мухаммадович Мирзоев, Аълохон Афсахзод, Джалалуддин Хумаи [1, С. 120].

Среди вышеперечисленных литературоведов, в частности, А. Афсахзод рассматривает *назира* как метод творческого варьирования, основывающийся на творческом соперничестве. Он заостряет внимание на том, что одной из основных проблем в непонимании и отрицательном отношении к *назира* может быть неустановленная чёткая дефиниция между разными терминами для обозначения «подражаний» [1, С. 124]. В своей работе он предпринял попытку, обозначить эти дефиниции, но ввиду нехватки материала и недостаточной изученности вопроса, эту попытку нельзя назвать в полной мере удовлетворительной. Впрочем, вопрос о чётких дефинициях терминов для обозначения «подражаний» до сих пор является открытым.

Однако в последующие десятилетия появились новые работы про *назира-нависи*. Кратко остановимся на работах Натальи Юрьевны Чалисовой и Александра Борисовича Куделина.

Н. Ю. Чалисова, учитывая работы своих предшественников (в частности, А. Афсахзода), предлагает еще один вариант рассмотрения традиции *назира-нависи* — «как своеобразный эмпирический способ представления информации об образно-стилистических особенностях оригинала с точки зрения «ответчика», об индивиду-

альной и поэтому узнаваемой в «ответе» творческой манеры автора оригинала» [4, С. 197]. Также она проводит аналогию между стихами-ответами и приведением примеров (*тамсил* — есть, прежде всего, приведение примеров. Это объяснение нового через пример, заключающий в себе ядро соответствующего явления) в традиционных арабских гуманитарных науках. И так она строит суждение о том, что стихи-ответы занимают в литературном самосознании каждой эпохи примерно то же место, что стихи-примеры в трактате по поэтике. Также одной из ключевых мыслей её работы является данное утверждение: «Стихи-*назира* передают из поколения в поколение мнение художественной традиции об индивидуальном вкладе в нее любого прославленного поэта» [4, С. 197]

А. Б. Куделин указывает на то, что отношение к «подражаниям» как к соперничеству между предшественником и преемником, обусловлено средневековой литературной практикой, и отмечает, что данный взгляд не полностью отражает всю суть соперничества. Приведя пару примеров, он отмечает, что «подражатель» вступает в соперничество не только с предшественником, но и с самим собой [2, С. 235] [3, С. 107].

А. Б. Куделин рассматривает *назира* через призму современного литературоведения, и указывает на то, что широко используемое ныне понятие «творческое подражание» тоже не проливает свет в суть дела, так как в случае его использования получается некорректное уравнивание автора «оригинала» и автора «подражания». Между тем, он указывает, что такое уравнивание было обычным делом для средневековой литературы. К тому же, он говорит, что в данном случае, мы имеем дело «со специфическими представлениями об авторской оригинальности во всей мировой средневековой литературе» [2, С. 236–237] [3, 108].

А. Б. Куделин далее рассматривает основные системы средневековой литературы аисторизма и понятия «абсолютизма». Он приходит к выводу, что *назира* нельзя квалифицировать как «подражание», а авторов *назира* называть «подражателями», «копиистами» и — тем более — «эпигонами». Варьирование «образцов» в «подражаниях» последователей приобретало, таким образом, особый смысл, а индивидуальное и коллективное диалектически связывались между

собой в цепи бесконечных взаимопревращений на пути безграничного совершенствования [2, С. 238–239] [3, С. 109].

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Эволюция и изменение взглядов относительно трактовки *назира*, несомненно, присутствует. Но они не были значительны до конца XIX в., поскольку, все учёные и поэты средневековья, которые так или иначе высказывались о *назира* сходились во мнениях. Более заметное изменение в трактовке начинается уже в XX в., когда литературоведы начали рассматривать данное явление через современные взгляды общества и литературоведческой науки. Довольно новыми и интересными являются трактовки более современных для нас учёных, так как здесь тоже наблюдается рассмотрение *назира* через новую, современную для нас призму. Эволюция взглядов на *назира* в современном литературоведении развивается в положительную сторону, в связи с тем, что он открывает для нас новые грани данного метода творческого варьирования, не только самого по себе, но и очень полезного для отслеживания характера взаимоотношений поэта автора «оригинала» и автора «ответа».

Список литературы

1. Аълохон А. Лирика Абд ар-Рахмана Джамии. Проблемы текста и поэтики. М., 1988. 326 с.
2. Куделин. А. Б. Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи. М., 2003. 512 с.
3. Куделин А. Б. Нестилизационные подражания как явление мировой литературы Средних веков // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 101–112.
4. Н. Ю. Чалисова. Традиция «назира-нависи» в контексте общих методологических установок арабо-персидской классической поэтики // Ислам и проблемы междивизиационного взаимодействия. Тезисы докладов и сообщений. М., 1992.
5. Gibb E. A. History of Ottoman poetry. Vol. 1. London, 1900.

С. А. Шевцова

sashevtsova@edu.hse.ru

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург
Студент бакалавриата

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИЛИНГВИЗМА

Аннотация: В докладе анализируются изменения в языковой политике Израиля, начавшие происходить в 80-е гг. XX в. по причине усиливающейся заинтересованности государства в участии в процессе глобализации и значительно увеличившихся масштабов репатриации в Израиль со всего мира.

Ключевые слова: культура Израиля, языковая политика, официальные языки, распространенные языки, мультилингвизм, монолингвизм.

Keywords: culture of Israel, language policy, official languages, common languages, multilingualism, monolingualism.

1. Введение

Целью доклада является выявление особенностей процесса развития многоязычной культуры в Израиле. Для достижения поставленной цели был поставлен ряд задач: описать предпосылки возникновения мультилингвизма в Израиле, выявить языки для исследования, изучить причины формирования статуса этих языков и государственные меры в их отношении. В основу проведенного исследования положен диахронический метод изучения языковой политики Государства Израиль, анализируются элементы и этапы языковой политики, сопоставляются изменения в языковой ситуации и в языковой политике.

В период с 70 г. до н. э. до второй половины XIX в. на территории современного Государства Израиль языковая ситуация характеризо-

валась сосуществованием сразу нескольких языков. К началу нашей эры в еврейских общинах, рассеянных по всему миру, была сформирована модель триглоссии. Так, иврит использовался в религиозных целях и для обучения грамоте; еврейские языки — для общения евреев между собой в быту; для общения же с неевреями использовались языки окружающих народов.

2. Языковая ситуация с начала возрождения иврита до Большой Алии

В конце XIX в. активизировалось продвижение идей по созданию на территории исторической Палестины государства — «плавильного котла» для евреев, — и было необходимо выбрать один язык, который бы объединил прибывавших евреев, поэтому выбор иврита, используемого прежде на протяжении почти двух тысяч лет только в религиозных целях и как письменный язык в качестве официального был компромиссным решением для избежания возможного возникновения конфликтов в том случае, если бы был выбран язык одной из групп населения. Произошла ревитализация языка иврит, и впоследствии на протяжении нескольких десятилетий усиление позиций иврита осуществлялось благодаря намеренному ослаблению положения других языков, используемых на территории Израиля.

3. Языковая политика в условиях мультилингвизма

Для исследования были выбраны следующие языки: иврит, арабский и английский — три языка, унаследованных Государством Израиль после прекращения существования Британского мандата в Палестине; русский — язык стран бывшего СССР; идиш — представитель традиционных еврейских языков Европы; амхарский — семитский язык, распространенный в странах Африки и привезенный в Израиль репатриантами.

3.1. Статус русского языка.

Выходцы из стран бывшего СССР оказывают наибольшее влияние на израильское общество, а их языковая интеграция выражена в меньшей мере, чем у репатриантов из других регионов.

«Маленькая Россия» в Израиле включает в себя не только российские СМИ и культурные учреждения, но и различные уровни образовательной системы [3, С. 66]. В начале 90-х гг. — XX в. было инициировано включение русского языка в школьную программу со статусом второго иностранного после английского. В ходе осуществления «Новой политики языкового образования» в 1998 году была утверждена специальная программа изучения русского языка, согласно которой русский язык теперь разрешается преподавать и как родной, и как иностранный, что позволяет большему числу студентов в университетах посещать занятия по его изучению. В 2007 году был создан Российский культурный центр, одной из основных задач которого является преподавание и популяризация русского языка среди израильтян. Таким образом, русский язык не находится под угрозой исчезновения в израильских кругах.

3.2. Статус английского языка.

В Подмандатной Палестине английский язык считался более престижным, чем иврит и арабский, однако после создания Государства в 1948 году его статус официального языка был отменен, хотя де-факто он сохранился. Ещё в 70–80-е годы XX в. процесс глобализации оказал влияние на положение английского языка в Израиле. Увеличение масштабов использования этого языка обосновывалось тем, что он играл важную роль для доступа к международным бизнес-отношениям, науке, образованию и путешествиям. К тому же, к концу 80-х гг. XX в. число англоговорящих иммигрантов значительно увеличилось, что привело к тому, что примерно 40% израильских учителей английского языка в то время были его носителями [3, С. 145], что было уникальным для неанглоязычной системы образования.

В настоящее время Израиль является уникальным государством, которое приняло наибольшее количество иммигрантов из англоязычных стран, однако английский язык не является доминирующим. Английский считается ценным, и зачастую обязательным. Так, например, изучение этого языка входит в образовательную программу обучения начиная с начальной школы

заканчивая университетом. Прогресс изучения английского проверяется в средней школе на государственном уровне в виде обязательного экзамена.

3.3. Статус идиша.

В период централизованного установления условий монолингвизма иврита идиш почти перестал использоваться в светских кругах Израиля, однако оставалось некоторое сопротивление принятию этого языка. Так, например, в Израиле всегда существовали группы, не заинтересованные в социальной интеграции и мобильности. Наиболее яркую из них представляют ультраортодоксальные евреи, большинство из которых использует идиш в качестве языка обучения и в быту. Тем не менее, даже ультраортодоксальные носители идиша на самом деле являются билингвами, ежедневно обращающимися к ивриту для общения с другими гражданами Израиля.

В конце XX в. отношение к идишу начало меняться, и его уже не считают угрозой распространению ирита. В настоящее время интерес к идишу продолжает расти, особенно среди молодежи. Созданная в 2007 году организация «Идиш-Лэнд» ставит спектакли на идише при муниципалитете в Иерусалимском культурном центре, а на одном из государственных телевизионных каналов по субботам транслируется передача, в эфире которой зрителей знакомят с проблемами, историей и наследием языка идиш [1, С. 182].

3.4. Статус арабского языка.

Арабы также составляют группу, которая придерживается использования языка родной культуры на территории Государства Израиль. Арабский, хотя и был одним из государственных языков в течение семи десятилетий, но в действительности был и остается языком, испытывающим определенную дискриминацию. Так, несколько раз были замечены случаи преднамеренного игнорирования закона о языке: в 80–90 гг. XX в. фразы на арабском удалялись с баннеров и дорожных знаков в еврейских кварталах и на основных дорогах, а появлялись лишь при приближении к арабским населенным пунктам. Однако в 2015 году в израильском докладе для ООН было сообщено о продолжении правительством осуществления

перевода всех правительственных сайтов на арабский язык «с целью облегчения доступа всех граждан к государственным услугам и информации через интернет» [5].

В 2018 году был принят основной закон «Израиль — национальное государство еврейского народа», в 4 статье которого только иврит провозглашается государственным языком [6].

Что касается сферы образования, то если сравнить объем и качество преподавания иврита и арабского в начальном, среднем и высшем образовании, можно отметить, что иврит на обязательной основе преподается арабским учащимся, в то время как арабский для еврейского населения является предметом по выбору. Тем не менее, в 2007 году была создана Академия арабского языка в городе Хайфа, основными задачами которой являются изучение арабского языка, его структуры, грамматики, терминологии и т. д., а также его адаптация к современным нормам. Создание этой Академии стало одним из шагов по направлению к языковой политике мультилингвизма.

Арабскому языку не грозит значительное уменьшение его использования в бытовых ситуациях, однако на государственном уровне предпочтение зачастую отдается английскому или ивриту, а не арабскому.

3.5. Статус амхарского языка.

Эфиопские евреи, прибывающие в Израиль, говорят преимущественно на амхарском языке, однако они активно ассимилируются в ивритоговорящей среде и довольно хорошо интегрированы в израильское общество. Молодежь воспринимает переход на иврит как главный ключ к продвижению в социальном, экономическом и образовательном плане, поэтому изучает иврит в ущерб родным языкам, которые считает непрестижными. Лишь пожилые иммигранты продолжают использовать амхарский в качестве основного языка. Главной причиной неприятия амхарского языка, возможно, является уровень образования родителей-иммигрантов. Не получив официального образования, они не стремятся убедить детей, рожденных или выросших в Израиле, в том, что им следует поддерживать родной язык и культуру.

Тем не менее, амхарский язык занимает определенное место в израильских СМИ. В 2011 году была выработана и принята поправка № 51 к Закону о массовой информации, о производстве в Израиле местными телевизионными каналами передач на амхарском языке для местных жителей эфиопского происхождения. Так, на некоторых радиостанциях и телеканалах транслируются программы на амхарском языке, а также издается газета. Кроме того, амхарский язык преподается в школе в качестве дополнительного предмета [4, С. 70–71].

Таким образом, существует угроза утраты амхарского языка эфиопской общиной в Израиле, однако государство проводит языковую политику, направленную на его укрепление.

3.6. Изменения в положении иврита.

По причине широкого распространения других языков позиции иврита начали ослабевать. Это может происходить по причине того, что сионистская идеология значительно ослабела в последние десятилетия. Что касается «семейной» языковой политики, то в большинстве семей репатриантов дети растут в условиях билингвизма. Иврит является единственным официальным языком Израиля, общим для всей нации, а репатрианты после прибытия в Израиль имеют возможность бесплатно изучать иврит в ульпане, без знания которого интеграция в израильское общество затруднена.

Заключение

Таким образом, в связи с глобализацией и масштабными волнами репатриации в 90-е гг. XX в. направление языковой политики Государства Израиль сместилось от установки на монолингвизм к поддержке мультилингвизма, традиционного для еврейского народа, в котором ивриту отведена роль основы единой израильской национальной и культурной идентификации [2, С. 48].

Список литературы

1. Котик-Фридгут Б. Динамика языковой ситуации и языковой политики в Израиле. Иерусалим: Иерусалимский ун-т, 2006.

2. Хеймец Н., Копелиович Ш., Эпштейн А. Языковая политика и дилеммы идентичности в Израиле. М.: Московская книга, 2002.
3. Muchnik M., Niznik M., Teferra A. Elective Language Study and Policy in Israel. Cham: Palgrave Macmillan, 2016.
4. Spolsky B. Multilingualism in Israel // Annual Review of Applied Linguistics. 1997. Vol. 17. P. 138–150.
5. Международные договоры по правам человека (19 января 2015 года) [Электронный ресурс]. URL: <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=FhOD6sgqgzAhFXD9F%2FeKaFMm83LbFY75RhkIFGrig%2B4g06Y2DU9Uj%2FudbqG4BRVmsRjC4%2BCw8uKZsOkFMxjC5wlgqW6BwB%2FhV31AyHsweV3up5gSGtuFB3Vgz3XuiZqt> (дата обращения: 14.02.2022).
6. Основной законопроект: Израиль — национальное государство еврейского народа. Кнессет, 768. 13 марта 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://knesset.gov.il/laws/ru/yesodru16.pdf> (дата обращения: 17.02.2022).

Е. П. Ядрицева

liza.yadritseva@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный университет

Студент бакалавриата

ОРИЕНТАЛИСТСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ДИНЫ РУБИНОЙ: АРАБСКИЙ МИР И ЕГО РЕЦЕПЦИЯ

Аннотация: В статье анализируются проблемы еврейской самоидентификации, культурная амбивалентность положения государства Израиль и имагологическая репрезентация арабского мира в творчестве Дины Рубиной. На примере произведений постсоветского периода разбирается неоднозначная авторская трактовка концепта «Восток», который распадается на два микроконцепта — «чужой» арабский Восток и «свой» еврейский Восток.

Ключевые слова: Дина Рубина, арабский Восток, сравнительное литературоведение, художественная имагология, еврейская идентичность.

Keywords: Dina Rubina, Arab World, Comparative Literature, Imagology, Jewish Identity.

*“Запад есть Запад,
Восток есть Восток,
и с мест они не сойдут...”*

Р. Киплинг

С момента распада СССР русскоязычный литературный мир стал более рассредоточенным и фрагментированным, поскольку миллионы советских писателей «рассеялись» и застряли в, так называемых, «случайных диаспорах» — в бывших советских республиках¹. Тем

¹ Социологи называют такие государства «beached» или «accidental», подразумеваемая тем самым их «случайное» отделение в ходе политических преобразований. См.: Kertzer, D. I. (1999). On Rational Choice and Beached Diasporas [Review of Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the near Abroad, by D. D. Laitin].

не менее, сегодня многие из них продолжают заниматься международными проектами, описывая в своих произведениях концепции не только русского мира и его культурных смыслов, но и идеи культурной глобализации [8, С. 215]. Этот парадокс постоянно растущей дифференциации писателей и их одновременной интеграции в международное сообщество ставит перед современным литературоведением целый ряд задач и поднимает фундаментальные вопросы для изучения литературы и литературных произведений с точки зрения «идентичности», «принадлежности» отдельной личности к определённой культуре и вытекающей из неё «рецепции» других культур. Ярким примером является творчество Дины Рубиной, уроженки Узбекской ССР, родившейся в 1953 г. и переехавшей в Израиль в 1990 г. Иммиграция сыграла решающую роль в самоидентификации и особом восприятии окружающих народов и национальных групп. Погружение писательницы с «советским менталитетом» в новую культурную среду — в еврейскую и арабскую «ментальности» — обусловило явление культурной гибридизации. И хотя вопросы самоидентификации не являются новыми, их осмысление через имагологический образ в современной социокультурной ситуации является малоизученным и представляется главной задачей этой статьи. Решить эту задачу можно с помощью комплексного сравнительного подхода: не только литературоведческого, но и лингвистического, семиотического и исторического анализа произведений постсоветского периода Дины Рубиной, написанных в иммиграции.

Одним из направлений компаративистики, появившихся не так давно, считается имагология — научная дисциплина, исследующая образы «чужих» (стран, культур, наций) в литературных произведениях. В контексте данной статьи образ «Чужого» подразумевает этнокультурный оценочный стереотип — представление национального сознания, в том числе сознания автора, о «других», сформировавшееся в конкретной социально-исторической среде (в данном случае, в условиях межнационального конфликта и многолетнего

International Studies Review, 1(3), 121–125. Brubaker, Rogers, and Frederick Cooper. “Beyond ‘Identity’” Theory and Society, vol. 29, no. 1, Springer, 2000, pp. 1–47.

опыта сложных арабо-израильских отношений). В творчестве Рубиной это «ориентальный Другой», т. е. арабский Восток. Из этого следует, что имагология не только раскрывает образ «чужого», но и характеризует и сам воспринимающий субъект, отражая его систему ценностей и национальное самосознание [4, С. 31].

Как уже отмечалось, иммиграция сыграла трансформационную роль в определении автором собственной культурной принадлежности (к западному или восточному миру), но она, также, повлияла на авторскую трактовку концепта «Восток»: в произведениях Рубиной «Восток» распадается на два микроконцепта — «чужой» арабский Восток и «свой» еврейский Восток. Однако, однозначная атрибуция обоих микроконцептов является затруднительной.

Во-первых, сохраняется двойственность статуса государства Израиль: с одной стороны, он определяет себя, как «передовая» западной цивилизации в борьбе с окружающим его «диким» исламом, но с другой стороны, географически, этнографически и культурно Израиль — «это, конечно, Восток»¹ [2, С. 30]. Относительно арабского мира Израиль воспринимается Рубиной как Запад, противостоящий варварскому Востоку, но в отношении Запада — евроамериканского характера и образа действий — как самобытное государство с неповторимым восточным элементом: «мы — народ восточный...» [6, С. 15].

Во-вторых, безусловно, арабский компонент не является центральным, но в ряде произведений он служит значимым структурообразующим элементом повествования, превращаясь из экзотического и загадочного «Другого» (традиционно воспринимаемого русскими писателями именно так) в модель «Чужого» [7, С. 77]. В прозе Дины Рубиной еврейская культура перестаёт быть «восточной», и Израиль относительно арабского мира воспринимается писательницей как Запад, противостоящий Востоку.

¹ «...Израиль — это Восток, утверждают те, кто гордится древней историей страны и народа. «Восток» говорят и те, кто с окончанием Шабата в сплошном потоке автомашин спешит в ночной Тель-Авив, на запад, к местам развлечений. Видимо, все-таки Израиль — это европеизированное государство на земле Востока, европеизированный Восток. А может быть, иначе — форма государства западная, а содержание во многом восточное».

Дихотомия «свой-чужой» реализуется через дискурс повседневности, а главным его критерием являются «домашность» и «семейственность» изображаемого места. Рубина пытается освободить Израиль от европоцентричной призмы восприятия, минимизирующей пространство страны до отдельных конфессионально значимых локусов (Вифлеем, Назарет, Иерусалим и т. д.) [1, С. 194], отождествляя с «родным» Израилем только Мавританскую Испанию: «...Нет уж, мне по сердцу наши испанские нравы. Скажешь человеку просто, от души: “ми альма”, “нинья” ... и к тебе — соответственно отношение...» [5, С. 26]. Родной «восточный мир» характеризуется фамильярностью, игнорированием дресс-кода (часто акцентируется обнажённое тело) и другими «дикими» для западного сознания поступками. Арабский мир, по мнению Дины Рубиной, утратил свою непосредственность, и потому воспринимается ею как «Чужой». Иными словами, Рубина переводит обычные нарушения правил приличия в регистр восточной «домашности».

Дифференциация «свой-чужой» увеличивается в антитезе «дом-антидом». В романе «Белая голубка Кордовы» (2009 г.), с эмиграцией Захара Кордовина, прослеживается переход от отрицания чужой восточной поведенческой и архитектурной моделей к их принятию. Виллу Захара Рубина описывает, как невзрачное здание: «*то ли сарай, то ли амбар*», одновременно подчёркивая его исключительность: «*странное для европейского глаза, но здесь [в Израиле] привычное пространство*» [5, С. 45]. Показательным является и описание дома Магды в романе «Русская канарейка. Голос» (2014 г.): «*Леон часто оставался у Калдманов ночевать в забавной келье... И попасть в неё тоже можно было только из кухни, откуда три узкие ступени вели к низкому проёму в натуральную скалу, оставленную Магдой в её первоизданном виде: широкие сланцевые щёлки пористого известняка со склеротичными лиловыми прожилками. Эта естественная пещерка была обнаружена в процессе строительства и довыдолблена в глубь скалы на всякий случай*» [7, С. 137–138]. Дом Магды, как и вилла Захара Кордовина, реализует собой хронотоп восточного дома: «*...Неудобный, чуть ли не вертикальный участок горы, поросшей соснами, тамариском и корявыми оливами, с развалинами старого арабского дома. Своё гнездо Магда вылепила*

на двух длинных — вдоль склона — горных террасах...». Таким образом, дома такого типа — обыденность для Востока, но они не соответствуют европейским стандартам.

Рубина, также, соотносит города, выстраивая противопоставление «город-антигород». Восточное пространство в европоцентристском дискурсе представляло собой «антигород», лишённый привычных для европейца удобств, но у Рубиной все городские неудобства (шум, грязь, теснота и проч.) сводились в регистр «домашности» и уюта: *«Встречая полузабытых людей, Леон говорил себе, что это в порядке вещей: когда без дела болтаешься по городу, да ещё по такому тесному и домашнему городу, как Иерусалим, рано или поздно рискуешь столкнуться нос к носу с собственной физиономией»* [7, С. 247]. Майами, будучи эпизодическим топосом в «Белой голубке Кордовы», демонстрирует геометрически продуманную планировку города, противостоящую «беспорядочному» порядку улочек восточного города.

В повести «Туман» (2007 г.) «Чужой» Восток предстаёт как варварский мир с ещё не отжившими себя средневековыми устоями: *«Средневековье какое-то!», «Средневековье!», «они [арабы] своих баб, как мух, давят, режут и жгут!»*. Такие портретные характеристики арабского мира (стереотипы, которые передаёт автор) сближают современный арабский уклад со средневековой жестокостью. Например, одна из героинь «Тумана» описывает убийство арабской девушки: *«средневековая казнь несчастной старой девы»* [8, С. 596]. Также, важным средством в выстраивании имагологического образа является использование иноязычной лексики, например, названий блюд арабской кухни: «лабанэ», «заатар», «лафа», «фалафель», а также сакральной и религиозной лексики: «шейх», «Ал-ла ирхам-м-ма!».

Таким образом, в постсоветской прозе Дины Рубиной мы можем отчётливо видеть ориенталистские мотивы, раскрывающиеся посредством дихотомии в изображении Востока, разбивающегося на «Свой» и «Чужой». В произведениях Рубиной последовательно конструируется определённый имагологический образ, который во многом оказывается условным и формируется сознанием автора при контакте с другой культурой, находя выражение в стереотипах о другой нации.

В сегодняшнем мультикультурном обществе вопросы стереотипных представлений одного народа о другом крайне актуальны. Внимание к проблеме толерантности, постулирующей терпимость к «чужому», возрастает, поэтому произведения Дины Рубиной в данном отношении являются интересным материалом, насыщенным культурными компонентами.

Список литературы

1. Зиятдинова Д. Д. Концепт Восток в творчестве Дины Рубиной // Ученые записки Казанского ун-та. Т. 157, кн. 2. Гуманитарные науки. 2015. С. 192–199.
2. Каценельсон М. Прогулки по Иерусалиму. Welcome, 2005. 288 с.
3. Кишина Е. В. Семантическая оппозиция «свой — чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // Вестник КемГУ. — 2011. — № 4 (48). — С. 174–179.
4. Папилова Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Rhema. Рема. 2011. № 4.
5. Рубина Д. Белая голубка Кордовы. — М.: Эксмо, 2011. — 544 с.
6. Рубина Д. Вот идёт Мессия! — М.: Эксмо, 2012. — 268 с.
7. Рубина Д. Русская канарейка. Голос. — М.: Эксмо, 2014. — 512 с.
8. Рубина Д. Туман // Рубина Д. Полн. собр. повестей в одном томе. М., 2011. С. 578–609.
9. Хешам Мохаммед М. Арабский Восток на «ментальной карте» Дины Рубиной: имагологический аспект (на примере повести «Туман») // МИРС. 2019. № 1.
10. Platt, Kevin M. F. The Benefits of Distance: Extraterritoriality as Cultural Capital in the Literary Marketplace. Redefining Russian Literary Diaspora, 1920–2020 (edited by Maria Rubins). UCL Press, 2021. P. 214–243.

СЕКЦИЯ «ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА»

М. В. Котов

mvkotov@edu.hse.ru

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Студент бакалавриата

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ПЛОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ПРЕФЕКТУРАХ ЯПОНИИ

Аннотация: В статье рассматривается проблема диспропорции в размещении населения в разрезе префектур Японии. Изучено влияние ряда значимых факторов, а также с помощью корреляционного анализа проведена оценка их значимости.

Ключевые слова: Япония, плотность населения, диспропорция в размещении населения, факторы размещения населения.

Key words: Japan, population density, disproportion in population distribution, factors of population distribution.

Стремительное развитие Японии во второй половине XX в. привело к развитию урбанизации, что в свою очередь вызвало образование агломераций и мегалополисов, притягивающих огромные людские потоки. Сегодня проблема диспропорции в размещении жителей страны не менее актуальна. Чрезвычайно высокая нагрузка на крупнейшие города Японии с одной стороны, а также депопуляция на значительной части ее территории с другой порождает дисбаланс, который является скрытой угрозой социально-экономическому развитию страны.

Изучая динамику средней плотности населения по префектурам Японии с 2006 по 2021 гг., можно оценить общие тренды в его распределении (табл. 1). Становится очевидна следующая тенденция: в префектурах с плотностью населения свыше 1000 чел. на км² плотность на протяжении XXI в. продолжает увеличиваться за исключением Осаки, а в прочих префектурах, кроме Окинавы

и Сига, — уменьшаться. Следовательно — концентрации населения в одних префектурах и депопуляция других продолжает усиливаться. Причём префектур, принадлежащих к первой группе всего 8, что говорит о планомерной концентрации населения на ограниченных территориях.

Таблица 1

Динамика распределения населения Японии по префектурам в 2006–2021 гг. (рассчитано по: uiv.jp)

Префектура	2006	2015	2021
Токио	5693,68	6168,74	6402,35
Осака	4667,83	4639,80	4638,43
Канагава	3617,83	3777,67	3823,21
Сайтама	1860,28	1913,38	1933,96
Айти	1395,76	1446,72	1458,56
Тиба	1172,73	1206,49	1218,49
Фукуока	1017,07	1023,09	1029,82
Хёго	666,22	658,83	650,52
Окинава	596,86	628,45	642,89
Киото	573,48	565,97	558,97
Кагава	543,36	520,20	506,31
Ибараки	490,77	478,42	470,20
Сидзуока	488,42	475,78	467,15
Нара	387,41	369,64	358,85
Нагасаки	364,79	333,29	317,68
Сага	356,61	341,23	332,46
Сига	342,06	351,70	351,87
Хиросима	339,63	335,40	330,17
Мияги	325,44	320,49	316,11
Миэ	323,52	314,47	306,56
Гумма	319,61	310,13	304,78
Тотиги	314,42	308,09	301,67
Исикава	281,25	275,68	270,54
Окаяма	274,25	270,09	265,44
Тояма	262,82	251,04	243,62

Префектура	2006	2015	2021
Эхиме	259,99	244,05	235,17
Кумамото	250,14	241,07	234,60
Ямагути	246,21	229,82	219,56
Вакаяма	222,28	203,95	195,27
Гифу	199,57	191,30	186,30
Яманаси	198,41	186,98	181,39
Фукуи	197,14	187,74	183,00
Токусима	196,61	182,25	173,52
Ниигата	194,56	183,11	174,93
Кагосима	192,46	179,40	172,88
Оита	191,60	183,94	177,24
Тоттори	173,89	163,51	157,79
Нагано	163,09	154,76	151,02
Фукусима	152,72	138,86	132,99
Аомори	151,01	135,63	128,35
Миядзаки	150,04	142,73	138,27
Ямагата	131,25	120,55	114,56
Коти	113,01	102,52	97,35
Симанэ	111,69	103,51	100,05
Акита	99,82	87,92	82,45
Иватэ	91,29	83,77	79,25
Хоккайдо	71,94	68,63	66,62

При распределении населения по территории страны важную роль играет ряд факторов, которые могут быть разделены на две группы: социально-экономические и природные. В прошлом главенствующее значение имели природные факторы, такие как рельеф, климат, наличие водных источников и путей, наличие полезных ископаемых и частота природных катастроф, в т. ч. сейсмическая активность. В настоящее время более значительное влияние оказывают уже социально-экономические [1, С. 12].

При оценке важности тех или иных природных факторов на размещение населения необходимо отметить рельеф и водные источники. Зачастую города возникают на побережьях рек, которые не

только являются источником водных ресурсов, но и играют важную транспортную роль. Однако в Японии нет крупных рек, более того, ни одна из них не пересекает о. Хонсю с запада на восток, что могло бы значительно упростить выход из Японского моря в Тихий океан. Следовательно, значение данного фактора в Японии лимитировано. Вместе с тем, для островного государства скорее характерно расположение городов на прибрежных равнинах, таких как Канто или Кинки. Говоря о климате, речь прежде всего идёт об условиях, позволяющих выращивать рис, который является неотъемлемой частью японской культуры. Именно в связи с этим, северные земли архипелага, а именно регионы Тохоку и Хоккайдо, до определённого момента выпадали из общего культурного ареала Японии, поскольку в силу климатических условий рис там не выращивался. Удивительно, но сегодня в этих районах располагаются крупнейшие центры японского рисоводства.

Япония, будучи небогатой полезными ископаемыми, вынуждена импортировать большую их часть. Хотя их количество было достаточным для обеспечения развития её промышленности на ранних этапах, важность данного фактора на современном этапе ничтожна.

Максимальные показатели плотности населения наблюдаются у восточного побережья о. Хонсю — в сейсмически активном регионе. Подобное обстоятельство несколько противоречит логике, ведь люди должны стараться проживать в более безопасных с этой точки зрения местах. Вероятно, это связано с расположением там крупнейшей равнины Японии — Канто, на которой формировались города, в т. ч. Токио.

В современном мире все большее влияние на размещение населения оказывают социально-экономические факторы [1, С. 12]. Среди них можно выделить:

1. Пространственное развитие экономики;
2. Уровень развития транспортной сети;
3. Уровень доходов населения;
4. Демографические процессы;

Кроме того, на размещение населения играют такие факторы как:

1. Экологическая ситуация;
2. Особенности исторического развития.

Историческое развитие тесно связано с образованием городов, что в свою очередь вновь отсылает к природным факторам. Релевантность остальных факторов оценена посредством корреляционного анализа. Вычисления проводились на основе данных, представленных на сайте e-Stat на 1975, 2000 и 2020 гг. Были рассчитаны коэффициенты корреляции между плотностью населения в разрезе префектур и данными, относящимся к самым различным сферам.

Динамика коэффициента корреляции между количеством производственных предприятий и плотностью населения префектур Японии снизилась с 0,84, в 1975 г. до 0,8 в 2000 г. Следовательно, несмотря на снижение, сильная связь между показателями сохранилась (табл. 2). Промышленные предприятия выполняли функцию «магнита», привлекающего потоки населения в города, поскольку они были способны предоставить рабочие места. Подобное обстоятельство значительно разгоняло урбанизацию, которая влекла концентрацию населения на ограниченных городских территориях за счёт привлечения сельских жителей, плотность населения в родных районах которых, напротив, снижается. Однако на протяжении второй половины XX в. роль вторичного сектора экономики Японии ослабевает, уступая место третичному. Сфера обслуживания играет все более важную роль при распределении населения: для её развития также требуется высокая плотность трудовых ресурсов. При этом срабатывает «эффект мультипликатора»: при повышенной концентрации людей начинает расти и число персонала, вовлеченное в его обслуживание, что в итоге приводит к ещё большему сосредоточению людей на данной территории [1, С. 85]. Коэффициент корреляции между плотностью населения и количеством производственных предприятий сократился до 0,65 в 2020 г. Его значение говорит уже о средней силе связи, а, значит — данный фактор постепенно теряет свою важность.

Для анализа связи между плотностью населения и урбанизацией было рассмотрено количество городов и сельских поселений (табл. 3). Коэффициент корреляции в 1975 г. составил 0,77 для городов и 0,4 для сёл, а в 2020 г. — 0,7 и 0,11 соответственно. Высокая корреляция между плотностью населения и количеством

городов подтверждает влияние урбанизации на размещение населения. При этом связь плотности населения с числом сельских поселений слаба и имеет отрицательное значение. Пример Японии показывает, что в целом, чем больше плотность населения в префектуре, тем большее в ней количество городов и, напротив, меньшее число деревень.

Таблица 2

Оценка связи между числом промышленных предприятий и плотностью населения в пределах префектур (рассчитано по: e-Stat.go.jp)

Год	Коэффициент корреляции между числом промышленных предприятий и плотностью населения
1975	0,84
2000	0,8
2020	0,653

Таблица 3

Оценка связи между числом городов / сёл и плотностью населения в пределах префектур (рассчитано по: e-Stat.go.jp)

Год	Коэффициент корреляции между числом городов и плотностью населения	Коэффициент корреляции между числом деревень и плотностью населения
1975	0,769	-0,376
2000	0,765	-0,4
2020	0,707	-0,112

Для доходов и расходов в разрезе префектур корреляция остается сильной для всех периодов и стремится к 0,8 (табл. 4). Расходы тесно связаны с развитием местной инфраструктуры, производством и общественной жизнью. Широкий круг возможностей и благоприятные условия, несомненно, привлекают людей рабочими местами. Доходы также, несомненно, тесно связаны с численностью населения префектуры, обеспечивающей увеличение поступления налогов.

Таблица 4

**Оценка связи между доходами / расходами и плотностью населения
в пределах префектур (рассчитано по: e-Stat.go.jp)**

Год	Коэффициент корреляции между расходами и плотностью населения	Коэффициент корреляции между доходами и плотностью населения
1975	0,835	0,834
2000	0,785	0,783
2020	0,849	0,849

Незначительным оказывается такой фактор, как доля зеленых территорий. Коэффициент корреляции по модулю не поднимается выше 0,17 (табл. 5). Хотя изначально можно выдвинуть предположение, что на территориях с повышенной плотностью населения, паркам будет уделяться меньшее внимание, рассчитанные показатели корреляции говорят об отсутствии какой-либо связи между плотностью населения и данным экологическим фактором в Японии.

Таблица 5

Оценка связи между площадью природных парков и плотностью населения в пределах префектур (рассчитано по: e-Stat.go.jp)

Год	Коэффициент корреляции между показателем и плотностью населения
1975	-0,17
2000	-0,172
2020	-0,147

На основе полученных результатов можно сделать следующие выводы:

1. С небольшими колебаниями наиболее сильным остаётся фактор, связанный с доходами и расходами в префектурах, поскольку именно с ним связано благополучие людей, уровень их доходов и состояние инфраструктуры.
2. Вторым по значению фактором оказалось число городов. Очевидна значительная роль урбанизации в данном вопросе,

поскольку города концентрируют большое количество людей на весьма ограниченной территории.

3. Несмотря на то, что третичный сектор экономики уже долгое время составляет большую часть ВВП Японии, а вторичный ушёл на второй план, значение такого фактора как число промышленных предприятий продолжает играть большую роль, хотя безусловно в последние 5 лет его значимость снизилась.
4. Роль такого экологического фактора как количество зелёных зон на территории префектуры не является важным для размещения населения.

При всей значимости вышеупомянутого нельзя умалять значение исторического и природного факторов, которые задали общие тренды в городском развитии, фактически определив основные очаги концентрации населения. Тем не менее, нельзя недооценивать проблемы, вызванные этим: отток рабочей силы становится серьёзной преградой на пути экономического развития префектур.

Список литературы

1. Симагин Ю. А. Территориальная организация населения: Учебное пособие. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2004. — 244 с.
2. E-Stat: Portal Site of Official Statistics of Japan: [сайт]. URL: <https://www.e-stat.go.jp/en> (дата обращения: 13.03.2022).
3. Uub.jp: rankingu deta[сайт]. URL: https://uub.jp/rnk/p_j.html (дата обращения: 13.03.2022).

Е. А. Кушлянская

eakushlyanskaya@edu.hse.ru

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Студент бакалавриата

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ

Аннотация: В статье рассмотрена первая государственная демографическая политика Японии, проведен ее качественный и количественный анализ, а также сделан вывод относительно эффективности. Первая государственная программа Японии по увеличению рождаемости началась в 1990-х гг. и стала прорывом не только в рамках социальных политик, но и для становления гендерного равенства. Однако ее результаты не смогли вывести страну из демографического кризиса, наличие которого подтверждается не только основными статистическими показателями, но и общественным мнением.

Ключевые слова: Япония, демографический кризис, старение населения, демографическая политика, экономический спад.

Key words: Japan, demographic crisis, population aging, demographic policy, economic decline.

Современная демографическая политика — это инструмент правительства по контролю за воспроизводством населения [1, С. 137], основными задачами которого являются стабилизация коэффициента рождаемости на уровне 2,1, замедление старения населения, а также улучшение обеспечения пожилых граждан социальными услугами. Именно проблемы старения населения и сокращения населения из-за низкого коэффициента рождаемости являются одними из главных социальных проблем развитых стран. Однако далеко не каждая демографическая политика является эффективной. Цель настоящего исследования — изучение эффективности демографической политики Японии, направленной на преодоление современного демографиче-

ского кризиса. Для достижения цели был выполнен анализ динамики основных статистических показателей 1970–2020 гг.

В рейтинге 18 членов Организации экономического сотрудничества и развития Япония оказалась второй с конца по эффективности и охвату мер по организации гармоничного совмещения работы и семьи, удобства и доступности услуг по уходу за ребенком, а также отпусков [11]. Гендерное неравенство в местах приложения труда не ликвидировано, а, следовательно женщинам, родившим ребенка все еще сложно трудоустроиться после выхода из декретного отпуска. Компании же не активно предоставляют льготы родителям в связи с экономической невыгодностью подобных мер для частного бизнеса. Говоря о демографическом кризисе, стоит заметить, что Япония — это одна из первых стран в мире, столкнувшаяся с проблемой старения населения [4, С. 165]. Еще в 1970-х, доля населения старше 65 лет превысила 7%, что ознаменовало начало процесса старения населения в стране по классификации ООН [4, С. 165]. На 2020 г. доля населения старше 65 достигла уже 28,3%, что почти на 10% выше, чем в остальных развитых странах. Например, в этот же год в ЕС данный показатель составлял 20%, в Великобритании 18%, а в США 16% [7].

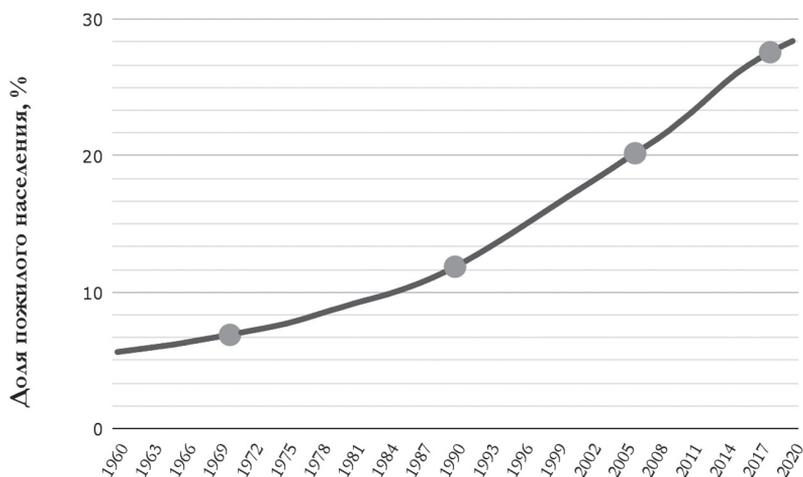

Рис 1. Динамика доли населения старше 65 лет в Японии, 1960–2020 гг. (рассчитано по: The World Bank Open Data)

Низкая рождаемость также способствует усугублению демографического кризиса Японии. Еще в послевоенный период появились предпосылки к нынешней ситуации — коэффициент фертильности снизился до 2,1, то есть показателя необходимого для простого воспроизводства населения. Впрочем, это не вызвало у правительства беспокойства и необходимой демографической и социальной политики проведено не было [3, С. 72]. Тем не менее, в конце 1960-х и начале 1970-х коэффициент фертильности временно стабилизировался на уровне 2,1 [7].

С середины 1970-х гг. падение коэффициента фертильности начало резко прогрессировать. В 1980-х же его резкое снижение до 1,57 вызвало опасения уже у большей части населения Японии [2, С. 1]. Стоит сказать, что согласно японскому традиционному мышлению именно на государстве лежит ответственность за контроль демографической ситуации. Например, даже в 2003 г. в Законе о государственных мерах поощрения рождаемости четко была обозначена ответственность правительства за проведение политики по улучшению демографического кризиса [3, С. 75–76]. Следовательно, по сравнению с Европой, где население противится вмешательству правительства в личную жизнь граждан, в Японии государство должно вести активную демографическую политику. Подобное положение создало сильное давление общества на женщин, прививая им обязанность деторождения. Однако сегодня подобное мышление претерпевает изменения в связи с развитием феминистского движения в Японии [9].

Высокий уровень общественной осведомленности ускорил проведение первой демографической программы Японии (1995–2006) [3, С. 74]. Ее основная задача заключалась в увеличении уровня рождаемости. Она состояла из мер, направленных: 1) на устранения гендерной дискриминации на работе и в обществе, 2) увеличение отпусков по уходу за ребенком, 3) улучшении и повышении доступности услуг по уходу за ребенком, а также 4) финансовой поддержки семей с детьми и выплат по уходу за детьми [11]. Данные направления сохраняются в демографической политике Японии и сегодня.

В отношении стареющего населения также были принят ряд мер по увеличению затрат на здравоохранение, введению обяза-

тельного страхования и снятию нагрузки с правительства по выплате пенсий.

В рамках первой демографической программы в 1972 г. были запущены выплаты на третьего ребенка от рождения до выпуска из средней школы семьям с доходом ниже установленного. В дальнейшем данная практика была распространена сначала на второго ребенка, а затем и на первенца [3, С. 78]. В 1992 г. был принят закон о предоставлении неоплачиваемого отпуска по уходу за ребенком сроком на год. Компенсация отпуска по уходу за ребенком на уровне 40% оплаты труда была введена только в 2000 г. [2, С. 9].

С 2005 г. начали распространяться идеи полового равноправия в семье. Впервые было упомянуто право мужчин на отпуск по уходу за ребенком наравне с матерью, а частным компаниям было также предложено разрабатывать внутреннюю политику по содействию в воспитании детей и предоставлении льгот обоим родителям [3, С. 75].

В 2006 г. была опубликована новая программа мер под названием «Новая политика поощрения рождаемости», поскольку предыдущая была оценена как недостаточно эффективная. Был представлен целый ряд проблем, ситуацию с которыми правительство гарантировало либо «рассмотреть», либо «улучшить» [3, С. 76–77]. Так, в 2010 г. в детские сады разрешили «принимать детей заранее», с целью ликвидации больших очередей [2, С. 7], однако, данная проблема не решена и сегодня.

Современная демографическая политика нацелена на более молодое население с целью убедить людей рожать детей в более раннем возрасте (сейчас средний возраст рождения первенца — 30 лет), поскольку по мере увеличения среднего возраста рождения первого ребенка сокращается срок репродуктивной способности женщин. Правительство пытается создать систему, в которой молодым людям любого социального положения можно будет совмещать воспитание ребенка и работу [8]. Тем не менее, выплаты, которые осуществляет государство все еще малы по сравнению с другими развитыми странами, только усугубляя поляризацию японского общества [2, С. 11].

Что касается политики в отношении пожилого населения, то стоит упомянуть принятый в 1986 г. документ «Основные принципы политики в обществе долголетия». В нем впервые были опубликованы меры по реформированию сферы социального обеспечения. В том же году была введена базовая пенсия, для получения которой все совершеннолетние граждане должны были платить ежемесячные выплаты [4, С. 166]. В 2000-х началось формирование городов, удобных для проживания престарелых граждан, а также было введено обязательное медицинское страхование для лиц от 40 до 64 лет [4, С. 166].

Однако вектор политики в отношении пожилого населения изменился. Во-первых, повышение потребительского налога до 10% в 2017 г. произошло из-за увеличения затрат государства на выплату пенсий до 60% [4, С. 167]. Во-вторых, «Основные принципы политики в отношении стареющего общества», принятые в 2018 г., люди старше 65 лет были исключены из числа пенсионеров, а их желание продолжить трудовую деятельность и получать пенсию позже поддерживалось [4, С. 167–168]. Это говорит о том, что японское правительство было не в силах финансово обеспечивать старшее население необходимыми выплатами.

Несмотря на минусы, стоит заметить, что демографическая политика, принятая в эти годы, была прорывом для Японии. Например, падение рождаемости замедлилось и стабилизировалось на более чем 10 лет на уровне 1,4. Тем не менее, после небольшого промежутка времени он продолжил падение, что объясняется лимитированным во времени эффектом демографической политики [1, С. 94].

Одним из позитивных эффектов демографической политики является устранение консервативных взглядов в Японии на женский труд. В связи со снижением рождаемости и нехваткой рабочей силы из-за высокого темпа старения населения в стране начала более активно подниматься тема устранения дискриминации женщин на рабочих местах и в обществе в целом. Например, была затронута проблема получения права продолжить работу на прежнем рабочем месте после увольнения в связи с рождением ребенка [10].

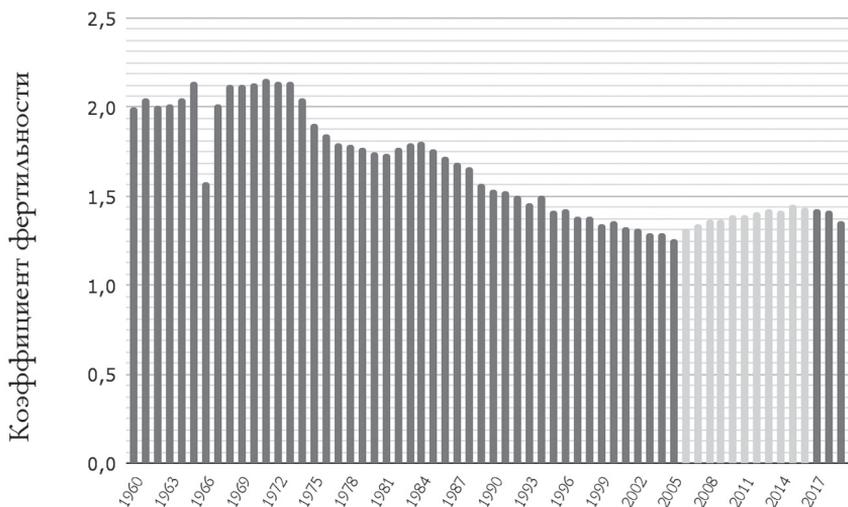

Рис. 2. Коэффициент фертильности в Японии 1960–2020 гг. (рассчитано по The World Bank Open Data)

Прогнозы ООН говорят, что в условиях проводимой демографической политики, население Японии сократится с 128 млн чел в 2010 г. до 87 млн к 2060 г. [11]. Согласно исследованию, которое было проведено Кабинетом Министров Японии в 2021 г., 61,1% японцев считают, что их страна является сложным местом для воспитания детей по причине больших затрат на воспитание ребенка, труднодоступности лечения бесплодия, а также дороговизны жизни [5]. Следовательно, японская демографическая политика недостаточно обширна для обретения эффективности в связи с недостатком финансовых мер и льгот для детей и их родителей. К сожалению, не только культура поддержки совмещения работы и семьи, но и политика по ее развитию до сих пор не развита. Например, только $\frac{1}{8}$ трудоустроенных людей в 2017 г. воспользовалась льготами или отпусками по уходу за детьми.

Несмотря на некоторые позитивные стороны демографической политики, можно утверждать о ее неэффективности. Однако предложенные меры в целом не смогли решить ни одной проблемы полностью.

Японское правительство опубликовало большое количество документов относительно контроля демографической ситуации, однако конкретные меры увидеть в них сложно. Попытки стабилизации ситуации на рынке труда, а также меры по предоставлению услуг старшему населению и поддержке родителей не эффективны [2, С. 27].

Демографическая политика Японии очень амбициозна в плане публикации мер, однако в контексте введения конкретных мер неэффективна, консервативна и ограничена другими тенденциями во внутренней политике. Например, в 2020 г. премьер-министр Абэ на конференции по планированию следующих 5 лет объявил, что цель Японии — достичь коэффициента фертильности в 1,8 в ближайшем будущем [6]. Однако такое заявление в процессе мирового ковидного кризиса, а также при том, что при коэффициенте фертильности 1.36 на 2019 г., было слишком амбициозным.

Список литературы

1. Борисов В. А. Демография: учебник для вузов. — Изд. дом NOTA BENE, 1999.
2. Варламова М. А. Семейная политика в Японии // Демоскоп Weekly. 2014. — № 589–590. — С. 1–30.
3. Стрельцов Д. В. Государственная политика Японии в сфере рождаемости // Ежегодник Япония. 2007. № 36.
4. Тихоцкая И. С. Старение населения: опыт Японии // Главный редактор. М., 2018. — С. 164.
5. Asahi simbun 12.06.2021 [Электронный ресурс] URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/14371544> (дата обращения: 12.03.2022).
6. Asahi simbun 12.06.2021 [Электронный ресурс] URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/13432233> (дата обращения: 12.03.2022).
7. The World Bank Open Data [Электронный ресурс] URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 9.03.2022).
8. Ministry of Health, Labour and Welfare of Japan. Introduction to the revised Child Care and Family Care Leave Law [Электронный ресурс] URL: <https://www.mhlw.go.jp/english/policy/affairs/dl/05.pdf> (дата обращения: 30.03.2022).
9. Ministry of Health, Labour and Welfare of Japan. Outline of the Act on the Partial Amendment to the Act on Promotion of Women's Participation

and Advancement in the Workplace etc. 2019 [Электронный ресурс] URL: <https://www.mhlw.go.jp/english/policy/children/work-family/dl/20191122e.pdf> (дата обращения: 30.03.2022).

10. Ministry of Health, Labour and Welfare of Japan. Overview of Revised Child and Family Care Leaves Act and Equal Employment Opportunities Act. 2019 [Электронный ресурс] URL: <https://www.mhlw.go.jp/english/policy/children/work-family/dl/160802-01e.pdf> (дата обращения: 30.03.2022).

11. UN Expert group meeting on policy responses to low fertility. Government response to low fertility in Japan. 2015 [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/events/pdf/expert/24/Policy_Briefs/PB_Japan.pdf (дата обращения: 12.03.2022).

И. Р. Лученков

lir-529@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
Студент магистратуры

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТОРОВ В КОНТЕКСТЕ МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЛИВИЙСКОГО КРИЗИСА (2015–2021)

Аннотация: Данное исследование посвящено изучению вклада и анализу позиций ведущих субъектов мировой политики в условиях переговорного процесса между главными региональными, политическими и племенными полюсами силы в рамках затяжного конфликта в Ливии и поиска способов реконсолидации страны путём формирования общенационального правительства, учитывающего интересы всего ливийского народа.

Ключевые слова: Ливия, ООН, Северная Африка, международные акторы, миротворческий процесс, выборы.

Keywords: Libya, UN, North Africa, international actors, peacebuilding process, elections.

Целью настоящей работы является исследование проблематики достижения компромиссов и договорённостей между акторами на международной политической арене, касающихся определения пути развития объединённой Ливии в качестве самостоятельного независимого государства. В этой связи теоретической базой являются фундаментальные работы отечественных экспертов Российского совета по международным делам (РСДМ).

Исследовательская методология базируется на историческом структурно-функциональном подходе, лежащем в основе научного анализа результатов ежегодных международных конференций по Ливии и выявлении внешних факторов, повлиявших на формирование Правительства национального согласия (2015), подписание

Схиратского соглашения (2015), работу Форума ливийского политического диалога (2021), передачу мандата Правительству национального единства (2021) и подготовку к президентским и парламентским выборам, неоднократно переносимых на неопределённый срок. В связи с этим были рассмотрены основные инициативы и предложения, внесённые ООН, в частности Миссией Организации Объединённых Наций по поддержке в Ливии (МООНПЛ), Европейским союзом (преимущественно Италией и Францией), Российской Федерацией, США, Турцией и Лигой Арабских государств, в особенности Египтом и Марокко.

Последствия череды военных конфликтов, лаконично именуемой «Гражданской войной в Ливии», оказывают значительное влияние на мировой миграционный и углеводородный кризисы. Поэтому именно вопросы обеспечения энергетической безопасности служат основой заинтересованности ведущих субъектов мировой политики в условиях текущего переговорного процесса.

Зачастую эксперты проводят параллели между ситуацией в Ливии и Сирии, считая, что применение одной и той же модели варианта миротворческой деятельности будет релевантным для обоих кейсов [1]. Безусловно обе страны обескровлены затяжными боевыми действиями, однако, как показывает текущая ситуация, мы можем уверенно выдвигать гипотезу о том, что шанс реэскалации военных действий в Ливии гораздо ниже, а в свою очередь конфликт интересов Дамаска и Идлиба исключает компромисс, к которому пришли Триполи и Тобрук, в обозримом будущем.

Хронологически мы можем выделить два главных временных промежутка в рамках гражданской войны в Ливии: 2011–2014 и 2014–2019 гг. В виду того, что изучение хода боевых действий выходят за рамки исследовательской проблематики, стоит определить, тем не менее, три основные вехи на пути преодоления кризиса:

1. 2011 г. — Создание Миссии Организации Объединённых Наций по поддержке в Ливии (МООНПЛ);
2. 2015 г. — Подписание Схиратского соглашения;
3. 2019 г. — Проведение Берлинской конференции.

Первоначально мандат МООНПЛ был сосредоточен на поддержке ливийских переходных властей по созданию посткаддафистских политических институтов и обеспечению верховенства права. Впоследствии, МООНПЛ взяла на себя ответственность по налаживанию политического диалога, содействующего национальному примирению и защите прав человека. МООНПЛ выступает в качестве беспристрастного арбитра, при чьем посредничестве в 2020 г. было достигнуто историческое соглашение о прекращении огня, минимизирующее реэскалацию конфликта [2].

Переломным моментом в попытке мирного урегулирования ливийского кризиса стало подписание в 2015 г. в марокканском городе Схират мирного соглашения между основными внутриливийскими акторами, предусматривающее совместную подготовку национальных президентских и парламентских выборов, на проведение которых многократно настаивали официальные представители стран «коллективного Запада».

Одной из главных проблем мирного урегулирования ливийского кризиса служит выбор площадки проведения переговоров, которая бы выполняла требования противоборствующих сторон, главным из которого являлась нейтральность. Подобный критерий выполнял Схират, а впоследствии Женева. В данном контексте важно отметить принципиально нейтральную позицию, в отличие от Египта, оказывающего поддержку правительству в Тобруке, Марокко остаётся открытой для сближения различных точек зрения и создания соответствующего пространства для проведения ливийцами встреч по обсуждению повестки дня в своей стране во имя национальных интересов Ливии без иностранного вмешательства или какого-либо внешнего диктата [3].

Подобное стечение обстоятельств говорит о наличии определённого идеологизированного паттерна призыва к построению государственно-образующего фундамента в Ливии на «демократических» основах [5], что невозможно в связи с отсутствием единой вертикали власти. Это обстоятельство отсылает на весьма актуальное для этого регионального кейса *противопоставление демократии и порядка* [1], риторику которой зачастую воспроизводят представители противоборствующих ливийских полюсов

силы. На основе этой дихотомии зачастую выстраивается поддержка международных акторов того или иного ливийского политического лагеря.

После заключения Схиратского соглашения создалась ситуация, когда те или иные органы власти продолжали свою работу даже после окончания мандата, определяющего срок их полномочий, что свидетельствует не столько об анархии, сколько о непреднамеренной стихийной децентрализации, доходящей до уровня отдельных муниципалитетов, поддерживаемой внеливийскими игроками косвенно или напрямую [7, С. 44–45]. Фактически территория Ливии превратилась в одну из площадок геополитического противостояния ведущих мировых держав, что свидетельствует о *интернационализации гражданской войны* [1], в ходе которой чаяния ливийского народа уходят на второй план.

Подобное положение дел привело к формированию ситуативных альянсов. Так, в течение длительного времени партнёры по НАТО или ЕС находились по разные стороны конфликта, что также наблюдалось на ежегодных саммитах, проходивших в европейских столицах без участия официальных ливийских представителей вплоть до судьбоносной Берлинской конференции [5]. Наиболее явным примерами служили принципиально полярные точки зрения США и Турции, Франции и Италии, а также арабских стран Персидского залива. Тем не менее, мы можем выделить закономерности в риторике каждого из приведённых акторов:

1. Поддержка деятельности ООН в лице МООНПЛ по стабилизации политической ситуации в Ливии;
2. Выдвижение своей страны в качестве государства-гаранта и взятие на себя ответственности по контролю за потоками нелегальной миграции и укреплению энергетической безопасности;
3. Проведение миротворческой операции и требование на то соответствующей санкции со стороны ООН;
4. Незамедлительное проведение президентских и парламентских выборов.

В свою очередь российская сторона более осторожна в суждениях, отмечая, что ливийское общество не готово к избирательной

кампании, а текущее переходное правительство ещё не выполнило все поставленные перед ним задачи по обеспечению внутренней безопасности, так же отмечая, что характер ливийской общности все ещё остаётся иллюзорным [6, 53–58]. Важно отметить, что зачастую именно инициативы, выдвигаемые Российской Федерацией, служат надёжной теоретической базой по практическому урегулированию ливийского кризиса, о чём красноречиво свидетельствуют конференции в Риме, Вене, Париже, Палермо, Берлине и Женеве последних пяти лет. Тем не менее, мы не можем не отметить личный интерес российской стороны, выраженный в желании к возобновлению работы отечественных компаний по контрактам, подписанным ещё при Муаммаре Каддафи [4].

Именно Берлинская конференция 2019 г. стала переломным моментом в мирном урегулировании ливийского кризиса, сделавшего возможным проведение Форума ливийского политического диалога. Её результатом стало достижение необходимого консенсуса, удовлетворившего все группы интересов: стороны пришли к единодушному мнению касательно невозможности решения конфликта как путём подписания всеобъемлющего мирного договора, так путем прямой военной интервенции, чем и являлось вторжение в 2011 г. контингента НАТО [6, С. 50]. Мы можем небезосновательно считать, что незадолго до проведения Берлинской конференции в кулуарах Саммита и Экономического форума «Россия-Африка» в ходе переговоров между президентами России и Турции уже была затронута тема поиска точек соприкосновения между различными группами интересов в контексте ливийского вопроса [4].

Стороны пришли к выводу о невозможности применения концепции «государства-гаранта» [1], подтвердив, что бремя окончательного урегулирования сложившегося кризиса лежит на самих ливийцах, он не может быть решён за пределами страны, и излишнее иностранное вмешательство лишь в очередной раз наносит урон интересам ливийского народа [3].

В этой связи была выработана единая повестка содействия общенациональному примирению в рамках постепенных экономических и политических преобразований при неукоснительном соблюдении

оружейного эмбарго [7, С. 240–245]. Исходя из изложенных фактов, мы констатируем, что на данный момент и ещё на долгие годы Ливия будет оставаться в состоянии классического *failed state*, несостоявшегося государства, в виду того, что эффективное лишь на бумаге и в заявлениях СМИ общенациональное правительство не способно защищать суверенитет над всеми территориями страны и её государственных границ, оставаясь зависимой от воли ведущих мировых держав [6, С. 55].

Мы можем сделать предположение о противоречивом характере иностранного воздействия внутри ситуации на ливийских территориях, имеющего как позитивные последствия, выраженные в готовности ливийских групп интересов к переговорам, так и негативные — фактическое превращение страны в арену лоббирования геополитических интересов крупных политических акторов, что в свою очередь приводит к нарастанию внутренних социальных конфликтов в Ливии.

Список литературы

1. Картунов А. В. Ливийский цугцванг: шансы на ничью [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. URL: [<https://russiancouncil.ru/amp/analytics-and-comments/analytics/liviyskiy-tsugtsvang-shansy-na-nichyu/>]. (дата обращения: 15.03.2022).
2. Миссия Организации Объединённых наций по поддержке в Ливии // Совет безопасности ООН. Специальные политические миссии [Электронный ресурс] URL: [<https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/repertoire/political-missions-and-offices>] (дата обращения: 15.03.2022).
3. Наджиди А. Аль-Магриб йухазир мин аль-фараг аль-муасасатий фи Либия ва-йубди исти'дадар ли-такриб байна аль-фурака' // Аль-Араб. 2022. 22 декабря. URL: <https://www.alaraby.co.uk/politics/-المغرب-يحدّر-من-الفرّاغ-المؤسّساتي-في-ليبيا> (дата обращения: 23.02.2022).
4. Семенов К. Российская партия на ливийском поле — от Каддафи до Хафтара [Электронный ресурс] URL: [<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskaya-partiya-na-liviyskom-pole-ot-kaddafi-do-khaftara/>] (дата обращения: 15.03.2022).

5. Эльджарх М. Ливийский кризис легитимности: в заложниках Схиратского соглашения [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. URL: [<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/liviyskiy-krizis-legitimnosti-v-zalozhnikakh-skhiratskogo-soglasheniya/>] (дата обращения: 15.03.2022).
6. Chuprygin, A. V., Chuprygina, L. A., Matrosov, V. A. Libya, the United States and Russia in the Never-Ending Game of Checkers. // *Russia in Global Affairs*, 2021. Vol. 19(3). P. 50–63.
7. Lacher W. *Libya's Fragmentation: Structure and Process in Violent Conflict*. London: I. B. Tauris, 2020. 286 P.

Е. С. Мельникова

esmelnikova_2@edu.hse.ru

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург
Студент бакалавриата

СРАВНЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ КНР В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНА И УЗБЕКИСТАНА

Аннотация: Казахстан и Узбекистан являются важными партнерами КНР в различных сферах, поэтому Китай заинтересован в повышении лояльности граждан этих стран по отношению к нему. В современном высокотехнологичном мире одним из инструментов достижения этой цели может стать цифровая дипломатия — продолжение публичной дипломатии страны в онлайн-пространстве. В работе анализируется применение Китаем одного из аспектов цифровой дипломатии — использование социальных сетей китайскими дипведомствами в Казахстане и Узбекистане.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, Китай, Казахстан, Узбекистан.
Key words: digital diplomacy, China, Kazakhstan, Uzbekistan.

Казахстан и Узбекистан являются соседями и партнерами КНР в экономической, энергетической областях, сфере безопасности, а также участвуют в китайской инициативе «Пояс и путь» [5]. Ценность этих стран для внешней политики КНР, а также тесные экономические связи обуславливают стремление Китая создавать в республиках положительный имидж и формировать лояльное отношение граждан Казахстана и Узбекистана к КНР. Одним из инструментов достижения этих целей в современном мире может стать цифровая дипломатия.

Цифровая дипломатия возникла благодаря цифровизации публичной дипломатии и является комплексным понятием, для которого

не существует единого определения. Корнелиу Бйола писал, что «цифровая дипломатия представляет собой использование социальных медиа для дипломатических целей» [7, С. 4]. Ян Мелиссен утверждает, что «цифровая дипломатия — эволюция дипломатии, связавшая влияния инноваций в области коммуникаций и информационных технологий с внешней политикой и дипломатией» [8]. Цифровая дипломатия имеет различные инструменты — сайты диппредствительств, аккаунты в социальных сетях, медиаплощадки и СМИ. Используя данные инструменты, в современных реалиях можно более эффективно достигать цели, которые ранее ставились перед публичной дипломатией.

Согласно Н. А. Цветковой, «изучение цифровой дипломатии способствует объективному пониманию политических процессов и расстановке политических сил в другом государстве» [6. С. 44]. То есть изучая инструменты и методы реализации цифровой дипломатии КНР в Казахстане и Узбекистане, во-первых, можно будет лучше понять, как китайская дипломатия адаптировалась под современные реалии, во-вторых, проследить, какие идеи и нарративы транслируются Китаем в странах центральноазиатского региона, а также объяснить причины их возникновения. Наконец, изучение цифровой дипломатии позволит анализировать роль Китая в политических и экономических процессах, происходящих в этих странах.

В рамках исследования изучался один из инструментов цифровой дипломатии — социальные сети посольств и послов КНР в Казахстане и Узбекистане. Цель исследования — выявить и объяснить то, как китайские диппредствительства КНР в Казахстане и Узбекистане используют социальные сети. В частности, автора интересовали идеи и нарративы, которые наиболее часто встречаются в официальных аккаунтах, и то, как эти идеи транслируются.

Для достижения цели исследования в социальных сетях был проведен поиск аккаунтов диппредствительств КНР. В поисковую строку Instargam*¹, Facebook*, Twitter* и Telegram вводились словосочетания «Посольство КНР/ Китая», «Chinese embassy/ embassy

¹ * Признанные в России экстремистскими социальные сети.

of China», а также названия двух республик на китайском языке. В найденных аккаунтах посредством дискурс-анализа изучались посты с начала 2019 года по март 2022 года. Такие хронологические рамки позволили получить наиболее актуальные данные, и в то же время проследить некую динамику, а также охватить значимые мировые события, например, эпидемию коронавируса и проведение Зимних Олимпийских игр.

Посольство в Казахстане имеет аккаунты в Instagram*, Facebook*, Twitter*, ВКонтакте, а посол активно ведет страницы в Facebook* и Instagram*. Первый нарратив, который очевидно прослеживается в публикациях — внимательное и уважительное отношение к казахскому языку и культуре. Например, часть постов дублируется на казахском языке, а в период эпидемии коронавируса публиковались видео со словами поддержки от различных представителей китайского общества на казахском языке: от студентов-лингвистов до киноактера Джеки Чана. Также в социальных сетях присутствуют поздравления граждан Казахстана с национальными праздниками. Например, в одной такой публикации посол поздравляет казахстанцев с праздником весеннего равноденствия «Наурызом» в национальном казахском костюме. Во-вторых, в постах демонстрируется активное участие китайской стороны в социальной жизни Казахстана, особенно помощь Китая в период эпидемии Covid-19. Наконец, посты описывают в положительном ключе жизнь китайских граждан на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района. В публикациях подчеркивается сохранение их гражданских прав и свобод, опровергается информация западных медиа о правонарушениях. Стоит также отметить, что цифровая дипломатия Китая в Казахстане очень персонифицирована. Это выражается в том, что посол Китая в Казахстане активно ведет социальные сети, а посты с его личных страниц затем размещаются на страницах посольства.

В результате дискурс-анализа публикаций в социальных сетях посольства можно заключить, что Китай старается создать позитивный имидж друга, дух уважения и равенства между двумя нациями. Это объясняется стремлением КНР бороться с антикитайскими настроениями, причиной которых являются экономический

и этнический факторы. Во-первых, тесные связи Казахстана с Китаем, большое количество инфраструктурных и экономических проектов, а также неспособность правительства Казахстана объяснить населению, что это не ведет к китайской экспансии в стране, привели к возникновению страха перед «китайской угрозой» среди казахстанцев [9, С. 131–135], результатом которого стали антикитайские протесты (например, в 2019 году). Второй причиной возникновения социальной напряженности является этнический фактор. 1,4% населения Казахстана представлено уйгурами [4], что является самым большим показателем среди всех стран Центральной Азии, и этот факт делает общество крайне чувствительным к новостям об ущемлении прав уйгуров в Китае. Из-за существующей социальной напряженности цифровая дипломатия в социальных сетях посредством «дружелюбного» дискурса стремится нивелировать негативный образ Китая.

Посольство в Узбекистане имеет только аккаунт в Telegram. В публикуемых постах, во-первых, Китай представляется мировой технологически развитой державой. В публикациях активно освещается развитие технологий и науки в КНР, демонстрируются достижения Китая в различных высокотехнологических отраслях, например, успехи реализации космической программы. Во-вторых, посты рассказывают об улучшении уровня жизни китайских граждан, особенно в отдаленных сельских районах, а также положительно освещают усилия КНР по борьбе с бедностью. Наконец, создается привлекательный культурный образ, который формируется на идеях о древней и богатой истории и культуре. Такой образ подкрепляется новостями об археологических находках на территории Китая, демонстрацией народных танцев и творчества, а также дополняется впечатляющими фото и видео китайской природы. Таким образом, Китай представляется как технологически развитая держава, с богатой историей и культурой, которая активно улучшает уровень жизни своих граждан.

Создание привлекательного по различным аспектам образа Китая можно объяснить стремлением КНР «приблизить» к себе население Узбекистана ввиду важности страны для внешней политики Китая. Узбекистан, которого некоторые исследователи называют драйвером регионализации в Центральной Азии [2, С. 146–149], имеет шансы

стать ведущим игроком в регионе и стремится проводить многоплановую [3, С. 128] и, относительно, независимую внешнюю политику, в отличие от Казахстана, «старшим братом» которого традиционно считается Россия. Из-за отсутствия необходимости нивелировать образ угрозы, а также возможности занять ту самую свободную роль «старшего брата» цифровая дипломатия Китая создает образ сильного, достойного партнера, с которым выгодно взаимодействовать.

Кроме того, стоит отметить существующий положительный тренд развития цифровой дипломатии Китая в Узбекистане. Начиная с марта 2022 года, посольство Китая стало публиковать посты на двух языках — русском и узбекском. Раньше публикации выходили только на русском языке, а так как только около 40% населения Узбекистана в той или иной мере владеют русским языком (по данным на 2012 год) [1, С. 122], то отсутствие узбекского языка в социальных сетях диппредставительств могло существенно подорвать эффективность цифровой дипломатии Китая в стране. Однако дублирование постов на государственном языке, несомненно, будет способствовать более эффективному формированию положительного образа КНР посредством социальных сетей.

Подводя итоги исследования, можно сказать, что содержание в постах аккаунтов дипломатических ведомств Китая в Казахстане и Узбекистане различается — на страницах посольства в Казахстане больший акцент делается на положительный вклад китайской стороны в развитие Казахстана и уважительное отношение к казахскому языку и культуре, в то время как в аккаунте посольства в Узбекистане демонстрируются достижения Китая в различных сферах, успехи в повышении уровня жизни китайских граждан и его богатая история и культура. Данные наблюдения можно объяснить наличием антикитайских настроений в Казахстане, причинами которых становятся экономический и этнический факторы, а также политической активностью Узбекистана, для которого Китай потенциально мог бы стать «старшим братом». Важно отметить, что цифровая дипломатия КНР в Казахстане очень персонифицирована. Что касается аккаунта посольства в Узбекистане, то с недавнего времени посты в нем дублируются на русском и узбекском языках, что, безусловно, будет иметь положительный результат.

Список литературы

1. Арефьев, А. Л. Русский язык на рубеже XX–XXI веков [Текст] / А. Л. Арефьев. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. — 481 С.
2. Малышева, Д. Б. Проблемы регионализации постсоветской Центральной Азии [Текст] / Д. Б. Малышева // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2020. — № 3. — С. 140–155.
3. Махмудов, Р. Б. Внешняя политика современного Узбекистана [Текст] / Р. Б. Махмудов // Россия и новые государства Евразии. — 2021. — № 1 (L). — С. 121–134.
4. Смирнова, Т. Б. Этнические миграции и этнический состав населения государств постсоветской Центральной Азии [Текст] / Т. Б. Смирнова // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. — 2019. — № 2. — С. 209–213.
5. Умаров, Т. На пути к Рах Синца: что несет Центральной Азии экспансия Китая [Электронный ресурс] / Т. Умаров // Московский центр Карнеги, 25.03.2020. Режим доступа: [<https://carnegie.ru/commentary/81265>] (дата обращения: 25.04.2021).
6. Цветкова, Н. А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения [Текст] / Н. А. Цветкова // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. — 2020. — № 2. — С. 37–47.
7. Bjola, K., Holmes, M. Digital Diplomacy: Theory and Practice [Text] / K. Bjola, M. Holmes. — New York: Routledge, 2015. — 252 P.
8. Hocking, B., Melissen, J. Diplomacy in the Digital Age [Electronic resource] / B. Hocking, J. Melissen // Clingendael Report. — 2015. — 58 P. Режим доступа: [https://www.clingendael.org/sites/default/files/pdfs/Digital_Diplomacy_in_the_Digital%20Age_Clingendael_July2015.pdf] (дата обращения: 3.05.2021).
9. Kulintsev, Yu. R., Mukmbaev, A. A., Rakhimov, K. K., and Zuenko I. Yu. Sinophobia in the Post-Soviet Space [Text] / Yu. R. Kulintsev, A. A. Mukmbaev, K. K. Rakhimov, I. Yu. Zuenko // Russia in Global Affairs. — 2020. — Vol. 18. № 3. — P. 128–15.

Д. А. Никитина

dasha_niky@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет

Студент бакалавриата

ЭВОЛЮЦИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

Аннотация: Статья посвящена истории участия Китая в освоении Арктики. Нарастание инвестиций в арктическую инфраструктуру, накопление опыта в арктических исследованиях и углубление сотрудничества с приарктическими странами превратили Китай в важного участника арктических дел.

Ключевые слова: Арктика, Китай, китайские арктические экспедиции.

Keywords: The Arctic, China, Chinese Arctic expeditions.

Цель статьи — проследить, как изменялся вектор арктической политики КНР, определить основные направления арктической политики Китая и выявить способы реализации стратегии КНР в Арктике.

В настоящий момент проблемы Арктики касаются уже не только стран, обладающих континентальным арктическим шельфом, но и отдаленных государств, чьи интересы связаны с Заполярьем. КНР, ставшая «второй экономикой» в мире, намерена реализовывать свои амбиции, с чем не может не считаться все мировое сообщество и, в частности, страны Арктического круга. Сейчас постоянно растет конкуренция между государствами, стремящимися укрепиться на Крайнем Севере. Интерес Китая в Арктике связан с большими запасами минерального сырья, разработка которых могла бы удовлетворить возросшие потребности КНР в энергетических ресурсах в связи с глобализацией китайской экономики. В рамках глобальной инициативы «Один пояс — Один путь»¹ Пекин активно продвигает

¹ «Один пояс — Один путь» (кит. 一带一路) — инициатива, выдвинутая руководством КНР в 2013 г., которая направлена на экономическую интеграцию

концепцию «Ледового шелкового пути» [1, С. 26], кратчайшей транспортной артерии между КНР, Европой и Арктикой, которая позволит более активно осваивать месторождения полезных ископаемых, что обуславливает актуальность данной работы.

На рубеже XX–XXI вв. резко возрос интерес мирового сообщества к Арктическому региону. Главным образом, это связано с экономическими притязаниями в Арктике: значительные залежи энергетических ресурсов, разработка и дальнейшая эксплуатация которых могли бы изменить энергетическую ситуацию во многих странах. Крайний Север открывает новые возможности для логистических проектов, эксплуатации морских маршрутов. Внимание государств направлено на использование Северного морского пути (СМП), пролегающего через Северный Ледовитый океан. Для эффективного исследования Арктики страны выдвигают инициативы, в том числе и связанные с созданием инфраструктуры для снабжения транспортных коридоров, поддержанием безопасности и устойчивого развития региона. Освоение континентального шельфа и превращение Арктики в крупнейший регион мировой нефтедобычи — это главные задачи всех участников борьбы за северный регион. В этой гонке за освоение Арктики принял участие и Китай.

Одним из первых международных соглашений об Арктике был договор о Шпицбергене, который был заключен в 1920 г. и к которому в 1925 г. присоединился Китай. В соответствии со ст. 3 договаривающиеся стороны могут беспрепятственно осуществлять коммерческую, хозяйственную и научно-исследовательскую деятельность на архипелаге на равных условиях [2].

Ввиду своей удаленности от Заполярья и отсутствия надлежащей экономической и научно-технической базы Китай приступил к активному изучению арктического региона только во второй половине XX в. Это также связано с политикой реформ и открытости, когда

в рамках двустороннего и многостороннего партнерства. Инициатива, включающая в себя проекты «Экономический шелковый путь» и «Морской Шелковый путь XXI в.», охватывает большую часть Евразии и призвана объединить развивающиеся и развитые страны для эффективного взаимовыгодного экономического сотрудничества.

Китай стал «идти вовне»¹, сотрудничать с другими странами, в том числе и в сфере арктических исследований. Импульсом для дальнейшего добрососедского сотрудничества в Арктике стали Мурманские инициативы по сотрудничеству в Баренц-регионе, предложенные М. С. Горбачевым в 1987 г.²

Представляется возможным выделить 2 основных этапа в историческом освоении Китаем Арктики:

1) 1980–1990-е гг.: в этот период Китай приступил к активному исследованию Арктики, организовал первые экспедиции научно-исследовательского характера.

2) С 2000-х гг. вплоть до настоящего времени: в этот период КНР выдвигает самостоятельные арктические проекты, создаёт международные центры по изучению Арктики, наращивает технологический и кадровый потенциал, разрабатывает высокотехнологичную арктическую инфраструктуру [10, С. 556–560].

В течение последнего десятилетия прошедшего века КНР смогла превратиться в страну, активно реализующую арктические проекты и научно-исследовательские экспедиции. В 1999 г. она провела первую самостоятельную арктическую экспедицию. За короткий срок Китай сумел разработать собственную арктическую инфраструктуру, ввел в эксплуатацию научно-исследовательское судно «Сюэлун» [7, С. 81–82] и ледокол «Сюэлун-2» [9] и открыл полярную станцию «Хуанхэ» [5, С. 41–42]. За тридцать лет участия в арктических делах удалось провести более десяти научно-исследовательских экспедиций. Эти шаги в освоении Арктики Китаем внесли вклад в изучение морского шельфа, климата, экологии, биоразнообразия арктических широт [11]. Вследствие растущих экономических и геополитических амбиций, КНР, будучи уже крупным игроком в Арктическом регионе, намеревается продолжать наращивать свое присутствие в Заполярье.

¹ «Идти вовне» (кит. 走出去) — девиз новой внешнеэкономической стратегии КНР, которая была ориентирована на экспорт и вывоз капитала. Программа предполагает выход китайских производителей на внешние рынки и инвестиционную активность китайских предприятий за рубежом.

² Баренц-регион (Баренцев/Евроарктический регион) — зона вдоль Баренцева моря, от Нурланна в Норвегии до Кольского полуострова.

С публикацией «Белой книги» по арктической политике КНР в 2018 г. у мирового сообщества появилось представление о ключевых направлениях деятельности Пекина в Арктике. Приоритетными направлениями являются экономическое и логистическое: сотрудничество в области добычи, разработки и поставки углеводородов, так как Китай надеется обеспечить свою энергетическую безопасность; расширение возможностей для судоходства. Главное внимание направлено на эксплуатацию Северного морского пути и возможности использования Северного Ледовитого океана, так как Арктика включена руководством КНР в инициативу «Один пояс—Один путь» [8].

Геополитические и геостратегические интересы тесно связаны с арктической политикой КНР. Став «второй экономикой» в мире, Китай надеется упрочить свои позиции в мировом сообществе и укрепить свой статус среди других арктических стран на мировой арене [1, С. 23–24]. Исходя из этого, Пекин надеется повлиять на расстановку сил в регионе, не допустить развязывания военных действий в Арктике, выступая за мирное сотрудничество и защиту устойчивого развития Крайнего Севера. Свои намерения он подкрепляет идеями об интернационализации Заполярья, так как по мнению китайского руководства, этот регион не принадлежит ни одной из стран, поэтому каждое заинтересованное государство вправе реализовывать свои арктические амбиции. Позиционируя себя как «околоарктическое государство» (近北极国家 Цзиньбэйцзи гоцзя), КНР, таким образом, заявила о своем статусе и намерениях в отношении Заполярья, с чем не могут не считаться другие «конкуренты» в борьбе за Арктику [8]. Возникает проблема международно-правового статуса Арктики и вопрос выбора новых актуальных инструментов регулирования межгосударственных отношений на Крайнем Севере.

Так как КНР не имеет суверенных прав на арктический шельф, страны Арктического совета скептически относятся к активизации Пекина в Арктике, так как это может угрожать их национальным интересам. Отсюда вытекает еще одно направление в арктической политике Китая: поиск стран-союзников и партнеров для совместного участия в освоении Арктики. Однако можно говорить о биполярности, сложившейся в арктическом сообществе, связанной

с присутствием Китая в Арктике. Крупные арктические страны выступают против вмешательства КНР в арктические дела, в то время как «малые» арктические страны, к которым можно отнести государства Северной Европы, напротив, готовы сотрудничать с КНР на взаимовыгодных условиях [3].

Китай не намерен развязывать серьезных конфликтов и споров по поводу принадлежности Арктики. Огромное внимание Пекин уделяет проблеме климатических изменений в Арктике, так как это вызов для всего мирового сообщества. Об этом Китай заявляет в «Белой книге» по Арктической политике, выпущенной в 2018 г., и призывает все стороны к сотрудничеству для решения возникающих противоречий и проблем [8]. Подобное взаимодействие может осуществляться в рамках диалога или через международные организации для многостороннего сотрудничества. КНР с 2013 г. является страной-наблюдателем в Арктическом совете, принимает активное участие в форумах Арктического круга», представляет свои арктические интересы на конференциях и встречах [5, С. 34].

В целом, арктическую стратегию КНР можно оценить, как сдержанную и сбалансированную, Пекин, проводя гибкую политику, заручаясь поддержкой отдельных государств, намерен продолжать отстаивать свои интересы в Арктике и укреплять свои позиции на Крайнем Севере.

Список литературы

1. Азиатские игроки в Арктике: интересы, возможности, перспективы: Доклад № 26/2016 / Т. А. Махмутов и др.; гл. ред. И. С. Иванов; Рос. совет по междунар. делам (РСМД). М., 2016, 56 с.
2. Договор о Шпицбергене от 9 февраля 1920 г. — URL: [<http://base.garant.ru/2540212/>] (дата обращения: 15.10.2021).
3. Карлусов В. В. Арктический вектор глобализации Китая // Интернет-портал РСМД, 2012. — URL: [<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arkticheskiy-vektor-globalizatsii-kitaya/>] (дата обращения: 15.10.2021).
4. Китайский ледокол «Сюэлун» завершил 9-ю арктическую экспедицию и вернулся в Шанхай — URL: [<http://russian.people.com.cn/n3/2018/0928/c31517-9504394.html>] (дата обращения: 15.10.2021).

5. Медведев Д. А., Полончук Р. А., Шашок Л. А. Арктическая политика Китая в первой четверти XXI века / Под ред. С. Н. Гриняева. М., 2020. 84 с.
6. Филиппова Л. В. Научный потенциал Китая в Арктике // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — № 24, 2019. 279–295 С.
7. Alexeeva, Olga and Lasserre, Frédéric, “China and the Arctic,” Arctic Yearbook 2012. Island: University of Akureyri, 2012. 80–90 P.
8. China’s Arctic Policy. First Edition // Xinhua News Agency [Official website], 2018. — URL: [http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/26/c_136926498.htm] (дата обращения: 15.10.2021).
9. China to launch new polar icebreaker in 2013 // China.org.cn., 2013. — URL: [http://www.china.org.cn/china/2011-06/22/content_22832591.htm] (дата обращения: 15.10.2021).
10. Krupnik, I., et al., Editors. 2011. Understanding Earth’s Polar Challenges: International Polar Year 2007–2008. University of the Arctic. — Rovaniemi, Finland /CCI Press (Printed Version), Edmonton, Alberta, Canada and ICSU/WMO Joint Committee for International Polar Year 2007–2008, 2011. 556 P.
11. Sang Yarong. Praise for China’s Xuelong icebreaker 8th Arctic expedition // China Plus, 2017. — URL: [<http://chinaplus.cri.cn/news/china/9/20171102/47130.html>] (дата обращения: 15.10.2021).

В. М. Рагозина

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Студент бакалавриата

ХУАЦЯО В США: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И РОЛЬ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ ПРИНИМАЮЩЕГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: в статье анализируются основные характеристики китайских иммигрантов в Соединенных Штатах Америки, а также рассмотрены первостепенные сферы занятости в экономической жизни страны во время формирования современного феномена «хуацяо», а именно в период «новой» китайской иммиграции (конец XX — XXI в.).

Ключевые слова: хуацяо, хуай, американцы китайского происхождения, тайванцы, китайские иммигранты, сферы занятости.

Keywords: Huaqiao, huai, Chinese Americans, Taiwanese, Chinese immigrants, Areas of employment.

Актуальность проблемы заключается в том, что в настоящее время китайская диаспора является одной из самых многочисленных азиатских этнических групп в США. Китайцы занимают высокие должности во многих фирмах Америки, участвуют в экономической, политической, социальной и духовной сфере страны.

Цель работы состоит в анализе процесса укрепления и развития китайской общины США во второй половине XX — начале XXI в. в экономической сфере.

Исследование опирается на широкую источниковую базу: использованы документы государственных учреждений, а именно материалы «Института миграционной политики США»: за 2006 г., 2017 г., 2018г. На восточном языке были проанализированы статистические данные с сайта Тайваньской комиссии по делам зарубежных китайцев: «Ежегодный отчет по статистике зарубежных

китайских дел — 100 лет Китайской Республики», «Исследование адаптации и развития тайваньских эмигрантов в Соединенных Штатах — на примере Лос-Анджелеса», отчет под названием «Национальный альбом китайского населения»; «Сравнительное исследование социально-экономического положения американцев индийского и китайского происхождения в Соединенных Штатах Америки».

Также в данной работе привлечены труды американского автора — Р. Дэниелс; китайской писательницы — Айрис Чан; литература, написанная российскими авторами — А. О. Точеной, Е. С. Анохиной, А. Г. Ларина, Г. К. Никольской, Л. Н. Гарусовой, Е. В. Журбея, Д. В. Владимировой. Проанализированы аналитические данные американских статей «Исследовательского центра Пью».

Возникновение китайской общины в США приходится на XIX в. Во второй половине XIX в. ее представители внесли серьезный вклад в развитие американской экономики. Благодаря китайскому труду была построена гигантская трансконтинентальная железная дорога в 1869 г., также китайские иммигранты участвовали в рекультивации дельты рек Сакраменто — Сан-Хоакин, они работали в кварцевых, угольных и ртутных шахтах [5]. Однако принятие антикитайского иммиграционного законодательства с конца XIX в. («Акт об исключении китайцев» 1882 г.) существенно ограничило роль китайцев в обществе США.

Хуацяо (华侨) — китайские граждане, которые имеют вид на жительство в другой стране или временно там проживают. В данной работе рассмотрены граждане США китайского происхождения, а также недавние иммигранты с паспортом КНР и Тайваня.

Формирование современного образа или феномена «хуацяо» в США связано с периодом «новой» китайской иммиграции, которая приходится на конец XX — XXI в. Современные китайцы в США заняты в высокотехнологичных отраслях экономики: уже в 2006 г. около четверти мужчин китайского происхождения работали в сферах управления, бизнеса, финансов и информационных технологий. К 2018 г. доля тех, кто был занят в этих областях, а также в науке и искусстве, выросла до 54%. Одновременно до 16% снизилась доля тех, кто работает в сферах услуг, торговли и офис-

ных продаж — традиционных отраслях занятости представителей китайской общины США [6]. Эти процессы сопровождаются ростом благосостояния китайцев: к 2018 г. их средний доход составил 70 000 долларов [11].

На данный момент компании «хуацяо» работают в пищевой, химической, электронной, строительной, транспортной промышленности, в сферах недвижимости и страхования; оказывают юридические, финансовые, медицинские, социальные, административные, образовательные и другие виды услуг. Они задействованы в сельском и лесном хозяйстве, рыболовстве, строительстве, добыче и транспортировке полезных ископаемых, монтажных и ремонтных работах [5]. Традиционные ниши занятости, такие как общественное питание и торговля, до сих пор имеют большое значение, но расширяются размеры китайских предприятий, функционирующих в этих сферах в США. Очень развита сфера банковских услуг с участием «хуацяо». Именно американцы китайского происхождения являются учредителями Американского калифорнийского и Американского азиатского банка, а также имеют активы во многих банках США (ярким примером служит Национальный банк Джорджии) [2].

Китайские бизнесмены в США являются успешной группой иммигрантов. Среди 40 лауреатов премии Вестингауза (премия за выдающийся вклад в инженерное образование) в 1990 г. 18 были азиатами, из них 10 китайцы. В том же году президент Америки вручил 141 премию ученым за вклад в развитие науки, из них 19 представителей были «хуацяо». Среди американцев китайского происхождения 6 ученых получили Нобелевскую премию в сфере науки: 5 по физике, 5 по химии [11].

Растет уровень образования представителей китайской общины США: доля тех, кто получил степень бакалавра, среди них значительно выше, чем в других этнических сообществах. Китайская молодежь в США в настоящее время выбирают специальности, связанные с областями науки, техники, инженерии и математики — за 2015–2016 гг. 43% студентов обучались по программе STEM [10].

Благодаря связям американцев китайского происхождения с их этнической родиной «хуацяо» активно привлекает капитал

из материкового Китая, Гонконга и Тайваня в Америку, что позволяет им развивать частный бизнес. Огромную роль в развитии экономики в стране сыграли тайваньские иммигранты, привезшие с собой большой капитал. Представители этой общины также вносят серьезный вклад в развитие экономики принимающего общества. С этим связаны и значительные размеры тайваньских инвестиций в США (в 2011 г. — 1 258 113 000 долларов США). Наибольшая доля инвестиций пришлась на Лос-Анджелес (более 30%) и Нью-Йорк (14,3%), что связано, в том числе, и с географическим распределением тайваньских общин по территории США [10]. Ключевые отрасли иммигрантов из Тайваня — это гостиничный бизнес, компьютерная индустрия, сектор высоких технологий, международная торговля.

Если сравнивать китайских иммигрантов с материковой части КНР и из Тайваня, можно прийти к выводу, что американцы тайваньского происхождения более высококвалифицированные специалисты, из них больший процент имеют высшее образование [12]. Различаются также основные места осуществления бизнеса — тайваньцы в основном ведут экономические операции в штате Калифорния, а у других «хуацяо» ареал деятельности более широкий [14]. Однако очень много и точек соприкосновения: тайваньцы и иммигранты из КНР задействованы в одних и тех же сферах экономики; члены китайской диаспоры обеих групп активно финансируют денежные средства в развитие бизнеса; и в той, и в другой группе большой процент студентов [11]. Во многих исследованиях китайцы не разделяются на тайваньцев и материковых «хуацяо», а рассматриваются как единая общность.

Произошла трансформация роли китайских иммигрантов в экономике США: вместо источника дешевой рабочей силы они стали считаться одними из лучших работников в сфере высоких технологий, так как «хуацяо» все больше начали стремиться к высоким стандартам уровня жизни — высокооплачиваемой работе, престижному образованию, элитной недвижимости. США используют потенциал «хуацяо», привлекают их средства в экономику принимающего общества; используются связи американцев китайского происхождения с КНР.

Список литературы

1. Анохина Е. С. Китайские диаспоры США и Канады и «Новая» китайская миграция // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 355. — С. 51–54.
2. Гарусова Л. Н., Журбей Е. В., Владимирова Д. В. Китайские иммигранты в США: историческая ретроспектива // cyberleninka.ru.: научная электронная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskie-immigranty-v-ssha-istoricheskaya-retrospektiva> (дата обращения: 20.02.2021).
3. Ларин А. Г. Роль китайской диаспоры в развитии экономики Китая // cyberleninka.ru.: научная электронная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kitayskoj-diaspory-v-razvitii-ekonomiki-kitaya> (дата обращения: 02.02.2022).
4. Точеная А. О. Китайская диаспора в США // США. Канада. Экономика — политика — культура. — 2014. — № 10. — С. 103–116.
5. Chang Iris. The Chinese in America: a narrative history // ru.b-ok.com. URL: <https://ru.b-ok.com/book/3236054/6cdc89> (дата обращения: 06.02.2022).
6. Chinese Immigrants in the United States // migrationpolicy.org: институт миграционной политики: сайт. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/chinese-immigrants-united-states-2018> (дата обращения: 04.02.2022)].
7. Chinese Immigrants in the United States 2017 // migrationpolicy.org: институт миграционной политики: сайт. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/chinese-immigrants-united-states-2016> (дата обращения: 03.02.2022)].
8. Chinese Immigrants in the United States in 2006 // migrationpolicy.org: институт миграционной политики: сайт. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/chinese-immigrants-united-states-2006> (дата обращения: 09.12.2021)].
9. Daniels R. Coming to America: a history of immigration and ethnicity in American life — Harper Perennial, 2002. — 576 p.
10. Key facts about Asian Americans, a diverse and growing population // Pew Research Center: исследовательский центр. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/04/29/key-facts-about-asian-americans/> (дата обращения: 02.12.2021).
11. The Rise of Asian Americans // Pew Research Center: сайт. URL: <https://www.pewsocialtrends.org/2012/06/19/the-rise-of-asian-americans/> (дата обращения: 02.12.2021).

12. 僑務統計年報 — 中華民國 100 年 [Ежегодный отчет по статистике зарубежных китайских дел — 100 лет Китайской Республики // осас.gov.tw: Тайваньская комиссия по делам зарубежных китайцев: официальный сайт. URL: https://www.osac.gov.tw/OCAC/File/Attach/313/File_2430.pdf (дата обращения: 09.12.2021)].
13. 美国印裔和华裔的社会经济地位比较研究 [Сравнительное исследование социально-экономического положения американцев индийского и китайского происхождения в Соединенных Штатах Америки // max.book118.com: сайт. URL: <https://max.book118.com/html/2014/0302/6235775.shtm> (дата обращения: 06.02.2022)].
14. 美國臺灣僑民生活適應及發展之研究 — 以洛杉磯為例 [Исследование адаптации и развития тайваньских эмигрантов в Соединенных Штатах — на примере Лос-Анджелеса // осас.gov.tw: Тайваньская комиссия по делам зарубежных китайцев: официальный сайт. URL: https://www.osac.gov.tw/osac/File/Attach/4452/File_4948.pdf (дата обращения: 09.12.2021)].
15. 各國華人人人口專輯 [Национальный альбом китайского населения 1 часть // осас.gov.tw: Тайваньская комиссия по делам зарубежных китайцев: официальный сайт. URL: https://www.osac.gov.tw/OCAC/File/Attach/306/File_312.pdf (дата обращения: 09.12.2021)].

А. А. Сизова

aasizova_6@edu.hse.ru

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Студент бакалавриата

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ «УМНОГО ГОРОДА» СОНГДО В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы реализации «умных городов» на примере проекта Сонгдо в Республике Корея. Основной акцент был сделан на причинах слабой заселённости города, несмотря на все внедряемые технологии и удобства.

Ключевые слова: умный город, город-призрак, Сонгдо.

Keywords: smart city, ghost town, Songdo.

Республика Корея является одним из лидеров по внедрению инновационных решений в повседневную жизнь. По данным ОЭСР страна инвестирует около 4,6% ВВП на НИОКР, что является одним из самых высоких показателей в мире [8]. Корейский «умный город» Сонгдо стал попыткой модернизации городской жизни, создания высокотехнологичного города будущего. Однако проект оказался не таким успешным, как ожидалось. Его строительство началось ещё в 2002 г. с первоначальным бюджетом около 40 млрд долларов США [4, С. 127]. Строительство планировалось закончить к 2020 г., однако до сих пор большая часть проекта не реализована. По состоянию на 2020 г. в городе проживало около 170 тыс. человек, в то время как он был рассчитан на 3 млн жителей [3]. Вопрос о реализации Сонгдо до сих пор не закрыт.

В связи с этим, цель статьи — определение основных проблем, из-за которых «умный город» Сонгдо остаётся слабозаселённым. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Собрать и проанализировать статистические данные о доходах и расходах населения, стоимости недвижимости, количестве внутренних миграций;

2. Оценить возможность трудоустройства в «умном городе», определить спектр востребованных профессий;

3. Изучить транспортную систему и основные маршруты из Сонгдо до столицы, оценить время в пути.

Для «умных городов» характерна высокая степень цифровизации жизни — датчики, контролирующие потребление энергии, транслирующие расписание общественного транспорта, предотвращающие кражи и преступления — всё это происходит в реальном времени, а главное — без помощи человека [1, С. 29]. Сонгдо отличается от типичного «умного города» тем, что был построен не на месте существующего города, а с нуля, что позволило сделать его универсальным [3].

Об «умных городах» ведётся множество дискуссий относительно их пользы для общества. Одни исследователи делают акцент на усугублении социального разрыва и появлении «электронного неравенства», ведь большинство людей оказываются неготовыми жить в городах нового типа из финансовых соображений [2, С. 123]. Других же волнуют цели строительства «умных городов» — на благо общества или ради прибыли от реализации высокотехнологичных проектов [6]. В настоящей статье фокус сделан на дискуссионном вопросе — почему подобный высокотехнологичный город так слабо заселён?

Стоимость жизни

Дороговизна жизни в Сонгдо — один из основных факторов, ограничивающих миграционный приток населения. Чтобы оценить стоимость жизни было проведено сравнение средних ежемесячных расходов в административном районе Ёнсу, к которому относится город Сонгдо, с общими показателями по стране, а также с Инчхоном и самым дорогим районом Республики Корея — Каннамом, Сеул (рис. 1). Можно увидеть, что в районе Ёнсу больше половины домохозяйств в среднем затрачивают более 4 млн. вон в месяц, что на 10% выше среднего показателя по всей стране. Аналогична ситуация с Инчхоном, разница в максимальных расходах с которым составляет 7%. Однако

район Ёнсу нельзя назвать самым дорогим районом, он уступает Каннаму, где количество домохозяйств, затрачивающих на жизнь более 4 млн. вон в месяц, составляет две трети населения (около 67%).

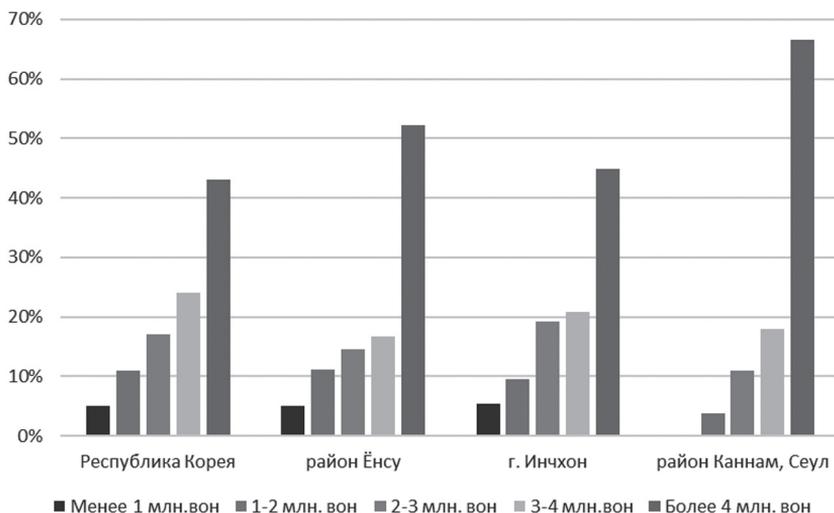

Рис. 1. Средние ежемесячные расходы домохозяйств в 2019 г. (составлено по: KOSIS; Yeonsu Statistical Yearbook, 2020, 58; Gangnam-gu Social Survey and Social Indicator, 2019, 141)

Отдельно стоит рассмотреть вопрос недвижимости. Сегодня средняя цена на землю в Сонгдо становится ниже, чем в Сеуле — средняя цена квадратного метра в Сонгдо составляет около 1209 млн вон по сравнению с 2188 млн. вон в центре Сеула [10]. Однако цены на недвижимость в «умном городе» остаются выше, чем сеульские (рис. 2). Аренда жилья в Сонгдо либо оказывается на сравнительно равном уровне с ценами столицы, либо превышает их. В целом, недвижимость в Сонгдо дороже аналогичной сеульской в примерно в 1,1 раз.

Таким образом, дороговизна жизни в Сонгдо является относительной — в масштабах Инчхона она оказывается более дорогой, но для Сеула и особенно района Каннам она остаётся весьма приемлемой. Этот факт раскрывает одну из причин слабой заселённости

города — Сонгдо не привлекает тех, кто живёт в Инчхоне с более дешёвой арендой недвижимости и ценами на жизнь, а у жителей Сеула, несмотря на приемлемость цен, часто отсутствует мотивация уезжать из столицы.

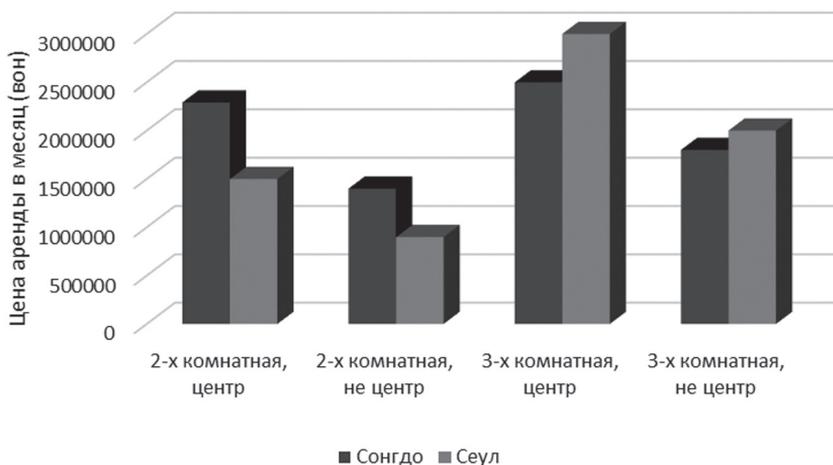

Рис. 2. Цены на квартиры разного типа в Сеуле и Сонгдо в 2020 г. (составлено по: Songdo & Incheon Real Estate; Korea Real Estate and Relocation)

Трудоустройство

Сонгдо — относительно крупный центр внутренней миграции населения. Если посчитать долю Ёнсу в общем количестве внутренних миграций Инчхона, то каждый год в район приезжало около 30% от общего числа мигрантов (рис. 3). Если учесть, что в Инчхоне всего 8 районов и при равном распределении на каждый должно приходиться 12,5% людей, то доля Ёнсу является значительной.

Стоит добавить, что Сонгдо является ещё и центром притяжения студентов — в городе находится кампус университета Ёнсе, который входит в пятёрку лучших вузов Республики Корея [11], и другие высшие учебные заведения (рис. 4). Таким образом, перед Сонгдо стоит задача создания большого количества рабочих мест не только для молодых специалистов, но и для студентов.

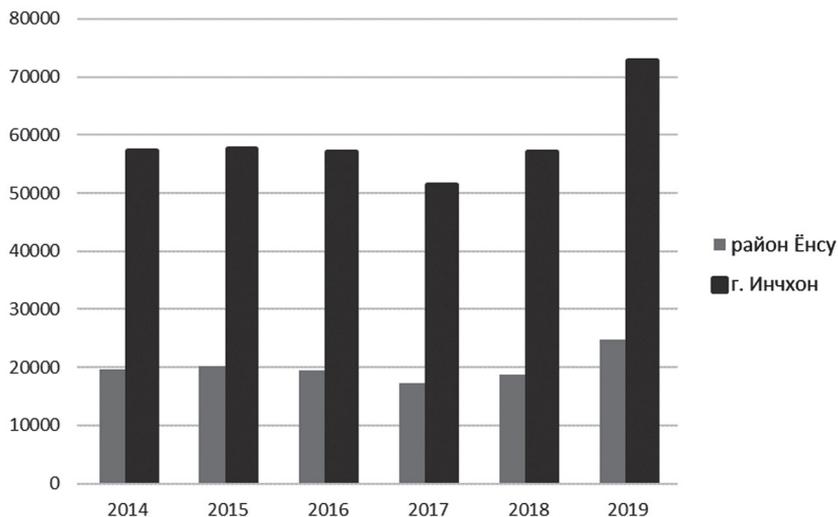

Рис. 3. Доля района Ёнсу в количестве внутренних миграций г. Инчхон в 2014–2019 гг. (составлено по: KOSIS; Yeosu Statistical Yearbook, 2020, 56–59)

Чтобы разобраться, какие профессии наиболее востребованы в Сонгдо, был изучен сайт поиска работы [7]. По результатам было отмечено:

1. Каждый третий работодатель ищет учителей английского языка, англоговорящих педагогов и воспитателей. Это можно объяснить тем, что Сонгдо по задумке — «международный» город с иностранными моделями предоставления образовательных услуг и ориентацией на европейский стиль жизни [3].

2. Второй по востребованности профессией оказались охранники в построенные жилые комплексы. Данный факт противоречит идеям полной цифровизации Сонгдо.

3. Другими наиболее популярными вакансиями стали менеджеры в различных сферах — от IT-компаний до ресторанов и продуктовых магазинов.

Очевидно, что в Сонгдо более востребованы профессии интеллектуального труда, но вопросы городской безопасности до сих пор доверяют людям, а не искусственному интеллекту. С одной

Рис. 4. Здания университетов Ёнсу: слева внизу — Инчхонский Национальный Университет, справа наверху — Ёнсе, справа внизу — Университет иностранных языков Хангук, не подписанный — строящийся корпус женского университета Ихва (составлено по: Какао map)

стороны, более спокойный и размеренный темп жизни ввиду слабой заселённости, а также высокий уровень технологий действительно привлекают новых жителей. С другой стороны, международный образ Сонгдо и масштаб «умных» решений отталкивают часть населения и превращают Сонгдо в современный «город-призрак».

Транспорт

Чтобы приехать на работу в Сонгдо одним велосипедом не обойтись — дорога на общественном транспорте из Сеула в Сонгдо составляет в среднем 1,5 часа (рис. 5). На личном автомобиле получится доехать быстрее — за 50 минут без учёта пробок (рис. 6). С аэропортом Сонгдо соединяет мост, на котором периодически происходят аварии или пробки в пиковые часы [5, С. 49–50]. Поскольку фактор пути также влияет на желание приезжать в «умный город» на работу, вопрос организации транспортной связи Сонгдо с другими городами требует существенной доработки.

Другие аспекты жизни в городе

Будучи построенным на пустыре, в Сонгдо нет памятников истории или культуры, которые могли бы развивать туризм. Например, в 2018 г. в городе был открыт только один кинотеатр [9, С. 1425]. Сравнительно небольшое количество мест для досуга, ориентация на сферу бизнеса и торговли превращают Сонгдо не в город для жизни, а в место для работы, следовательно — людям удобнее жить в близлежащих Сеуле или Инчхоне и приезжать в Сонгдо на работу. Остаться в городе и проводить свободное время оказывается не таким привлекательным, как в городах-соседях.

Некоторые выводы

Исследование показало, что Сонгдо остается слабозаселённым из-за совокупности факторов: ориентация проекта на бизнес и инвестиции, высокие цены на недвижимость и обычную жизнь, невыгодное положение по сравнению с Сеулом или Инчхоном в сфере досуга и жизни вне работы, проблема транспорта и перенасыщенность «умными» решениями.

Рис. 5. Один из самых коротких маршрутов от Сеула до Сонгдо на общественном транспорте (составлено по: Kakao map)

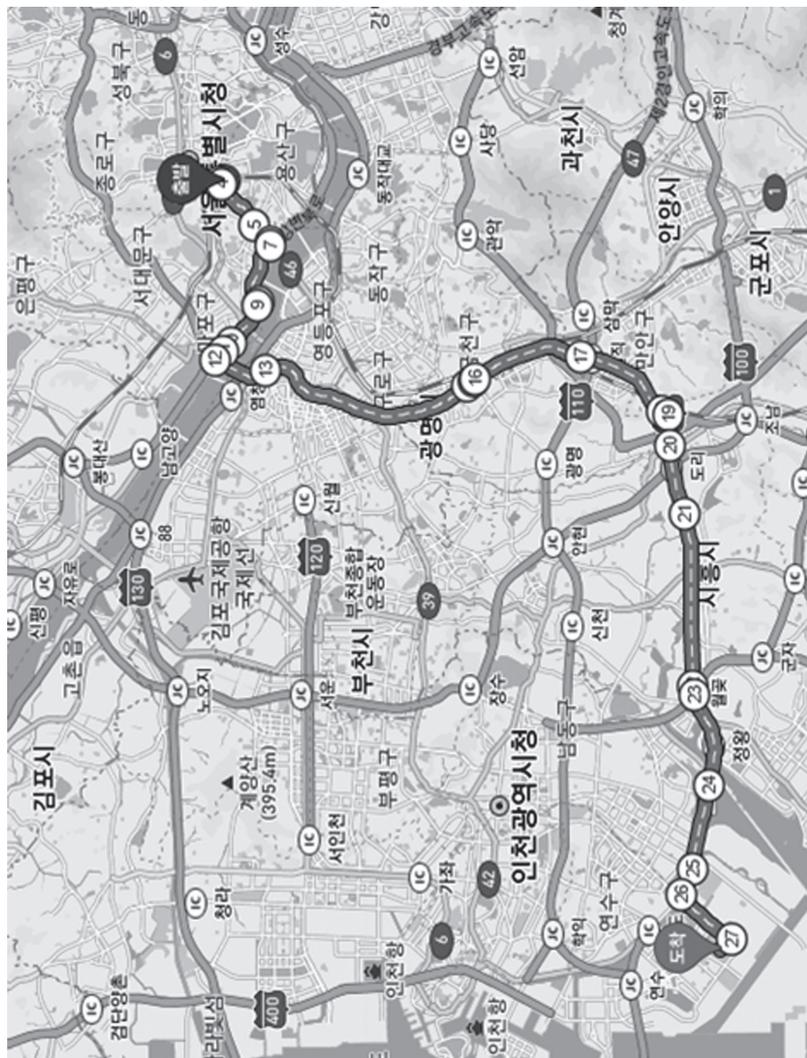

Рис. 6. Аналогичный маршрут на личном автомобиле (составлено по: Kakao map)

Сейчас Сонгдо необходимо решить главную проблему — привлечь жителей. Однако достигнуть этого возможно лишь путём реформирования проекта — добавления больших удобств для горожан, вовлечения населения в решение городских проблем.

Список литературы

1. Смирнов Е. А. Тренды инновационного развития умных городов / Е. А. Смирнов, В. Г. Каштанов, В. В. Денк, Е. А. Халимон // Вестник университета. — 2021. — № 5. — С. 28–36. — DOI 10.26425/1816-4277-2021-5-28-36.
2. Степанов В. Г. Социальный конфликт и напряженность в обществе в условиях реализации проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город» / В. Г. Степанов, Е. А. Колесник // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2021. — № 1. — С. 115–130.
3. Eireiner A. V. Promises of Urbanism: New Songdo City and the Power of Infrastructure / A. V. Eireiner // Space and Culture. — 2021. — DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/12063312211038716>.
4. Gassmann O. Smart cities / O. Gassmann, J. Böhm, M. Palmié. — UK: Emerald Publishing Limited, 2019. — ISBN: 978-1-78769-613-6.
5. Hong K.-M. Analysis of the effect in the city due to the bridges incidents in Songdo International City / K.-M. Hong, T. Kim // Journal of Urban Science. — 2021. — Vol. 10, № 1. — P. 49–60. — DOI: <https://doi.org/10.22645/UDI.2021.6.30.049>.
6. Husár M. Smart Cities and the Idea of Smartness in Urban Development — A Critical Review / M. Husár, V. Ondrejčka, S. C. Varış // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. — 2017. — Vol. 245, № 8. — DOI: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1757-899X/245/8/082008>.
7. Job Korea [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.jobkorea.co.kr> (дата обращения: 20.02.2022).
8. OECD data: Gross domestic spending on R&D [Электронный ресурс]. — URL: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm> (дата обращения: 20.01.22).
9. Shaikh M. Evaluation of Ubiquitous City: A case study of “Songdo”, South Korea / M. Shaikh // International Journal of Management, Technology And Engineering. — 2018. — Vol. 8, № 1422. — P. 1422–1426.

10. Sustainable and Smart: South Korea's Songdo Offers Green Spaces and Good Schools [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.mansionglobal.com/articles/sustainable-and-smart-south-koreas-songdo-offers-green-spaces-and-good-schools-228684> (дата обращения: 29.01.2022).
11. Top Universities in South Korea in 2021–2022 // Center for World University Rankings [Электронный ресурс]. — URL: <https://cwur.org/2021-22/country/south-korea.php> (дата обращения: 25.02.2022).

Д. Е. Смирнов

desmirnov19@gmail.com

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург
Студент бакалавриата

НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ “SOCIETY 5.0”: ИССЛЕДОВАНИЕ ОСВЕДОМЛЕННОСТИ И ПРИНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЕМ ЯПОНИИ

Аннотация: В статье раскрывается суть японской национальной стратегии технологического развития “Society 5.0”: приводятся цели, задачи и направления стратегии, а также результаты проведенного исследования особенностей ее восприятия японцами.

Ключевые слова: современные технологии, Society 5.0, технологическое развитие, внутренняя политика Японии.

Keywords: modern technology, Society 5.0, technological development, Japanese domestic policy.

В настоящее время продолжается быстрое развитие технологий, которые находят применение практически во всех сферах жизни. Все чаще можно встретить такие слова как «искусственный интеллект (ИИ, AI)», «интернет вещей», «беспилотное вождение», «блокчейн»: все они относятся к так называемым «современным цифровым технологиям», разработка и введение в использование которых проводится по всему миру.

В зависимости от региона название проекта может меняться, например, в России этот проект носит название «Цифровая экономика Российской Федерации», в Германии — «Industrie 4.0», в Китае — «Made in China 2025» и т. д. Все перечисленные стратегии нацелены на разработку цифровой инфраструктуры, которая с помощью искусственного интеллекта позволит повысить эффективность и снизить издержки производства, во многие стратегии также включены

проекты по воспитанию нового поколения специалистов, имеющих преимущество в сфере современных технологий. Другими направлениями подобных стратегий принято считать решение экологических и социальных проблем.

В статье раскрывается суть японской национальной стратегии технологического развития “Society 5.0”: приводятся цели, задачи, направления, а также особенности ее восприятия японцами. Согласно определению, приведенному на сайте Кабинета министров Японии, “Society 5.0” — это «общество, ориентированное на человека, которое совмещает экономический прогресс с решением социальных проблем с помощью системы, объединяющей физическое и киберпространство» [3]. Данная стратегия базируется на сборе информации из «реального мира», ее загрузке на облачный сервер, обработке искусственным интеллектом (далее — ИИ) и последующем применении результатов в различных сферах жизни человека.

Идея обработки данных компьютером для принятия дальнейших решений не нова. В качестве примера отличия “Society 5.0” от простого анализа информации с помощью компьютерных технологий часто приводится система кондиционирования, которая не просто поддерживает заданную температуру в помещении в автоматическом режиме, а составляет прогноз о том, какая температура будет наиболее комфортной в каждый конкретный момент времени, исходя из большого количества данных. Обычная система кондиционирования работает следующим образом: после измерения температуры микрокомпьютер рассчитывает, насколько она отличается от заданной, и запускает процесс охлаждения или обогрева. Так работают практически все технические устройства: на основе анализа полученной из реального мира информации регулируют свою активность [4].

Главное отличие концепции “Society 5.0” в том, что в ней различные системы объединяются воедино, создавая единую реальность, состоящую из физического пространства и киберпространства. Информация, полученная датчиком, установленном внутри кондиционера, может быть использована не только для регулирования температуры воздуха в помещении. Системы перестают быть закрытыми, то есть перестают следовать лишь заранее созданному

специально для них алгоритму. Вместо этого, они загружают данные в облако, тем самым создавая так называемые «большие данные» или Big Data, которые в свою очередь обрабатываются ИИ. Полученная в ходе такого процесса информация может использоваться для создания новых ценностей, сервисов, решения глобальных проблем, а также для прогнозирования наиболее эффективных моделей функционирования систем и поведения каждого отдельного члена общества, что, по мнению ученых, позволит достичь общества, в котором каждый сможет быть счастливым [4, 6].

Фундамент для создания и реализации стратегии “Society 5.0” был заложен в «Пятом базовом плане научно-технического развития» [5], который был опубликован Кабинетом министров Японии в апреле 2016 года. “Society 5.0”, наряду с достижением устойчивого развития, стала одним из центральных направлений так называемой «Абэномики» — экономической политики, проводимой Правительством Синдзо Абэ. Целью данной стратегии стала «реализация человекоцентричного общества, которое будет управляться данными» [1]. Насчитывается около одиннадцати основных направлений стратегии [2]:

1. Транспортная система;
2. Здравоохранение;
3. Инфраструктура;
4. Финансовые технологии;
5. Оптимизация производства и потребления электроэнергии;
6. Создание глобальной информационной системы;
7. Достижение устойчивости общества к стихийным бедствиям;
8. Создание автономных производственных систем;
9. Интегрированные системы разработки материалов;
10. Создание «умного» аграрного сектора;
11. Достижение устойчивого производства.

В рамках исследования было проведено анкетирование с целью определения особенностей восприятия стратегии “Society 5.0” японцами. Анкетирование было проведено на платформе Google Forms, в исследовании приняло участие 35 японцев (23 мужчины и 12 женщин) в разных возрастных группах: до 25 лет (73%), 25–40 лет (23%), 40–60 лет (4%). В выборке преобладают студенты, также присут-

ствуют работники компаний, государственных и медицинских учреждений и индивидуальные предприниматели. Анкетирование проводилось в десяти префектурах Японии: Токио, Осака, Тиба, Сайтама, Айти, Исикава, Тояма, Фукуи, Ибараки, Ниигата.

В качестве гипотезы исследования были выдвинуты следующие предположения:

1. Среди населения крупных префектур, например в Токио и Осака, будет проследиваться более высокий уровень осведомленности о стратегии;
2. Большинство опрошенных знакомы с такими технологиями как искусственный интеллект, беспилотный транспорт и доставка товаров дронами;
3. Большая часть опрошенных имеют желание использовать перечисленные технологии в повседневной жизни.

Несмотря на эти предположения, по результатам проведения анкетирования, 65% респондентов ответили, что не знакомы со стратегией “Society 5.0”, 31% ответили, что слышали о ней, но не знакомы с содержанием. Только лишь 4% опрошенных имеют подробное представление о содержании стратегии, так как являются студентами факультета программирования и занимаются изучением искусственного интеллекта.

Следующий блок вопросов предлагался респондентом с целью определения степени их осведомленности с технологиями искусственного интеллекта, беспилотного вождения и доставки товаров дронами. Разработка и внедрение перечисленных технологий является одной из главных задач реализации плана стратегии “Society 5.0”. С их помощью предполагается решить проблему нехватки водителей для обслуживания общественного транспорта в малонаселенных и отдаленных регионах, удовлетворить возросший особенно с начала пандемии новой коронавирусной инфекции спрос на бесконтактную доставку товаров дронами и оптимизировать работу государственных и медицинских систем документооборота.

На вопрос «Знаете ли Вы, что такое искусственный интеллект?» 65% опрошенных ответили, что слышали о нем, но не имеют специальных знаний. Оставшиеся 35% респондентов ответили, что смогут

подробно объяснить, что это такое. На вопросы с такой же формулировкой о беспилотном транспорте и доставке дронами были получены схожие ответы.

В последней части опросника у респондентов спрашивалось их отношение к вышеуказанным технологиям. На вопрос «Хотите ли Вы использовать указанные технологии?» 73% опрошенных ответили положительно, а оставшиеся 27% — негативно. Среди тех, кто хочет использовать эти технологии, наиболее частотными стали следующие причины: «удобно», «экономит время», «интересно». С другой стороны, те, кто ответили на вопрос «нет», привели следующие причины: «страшно», «нет доверия к искусственному интеллекту», «не вижу в этом необходимости».

Таким образом, по результатам проведения анкетирования можно сделать вывод о том, что отсутствует корреляция между степенью осведомленности о стратегии “Society 5.0” и регионом проживания респондентов: о содержании стратегии знают в основном те, кто связан с областью технологического прогресса. При этом большая часть опрошенных слышали или имеют подробное представление об элементах стратегии, то есть о технологиях, разработка и внедрение которых происходит в рамках стратегии. Большинство опрошенных заинтересованы в использовании технологий доставки дронами, беспилотного вождения, а также телемедицины, однако, у части респондентов присутствует страх и недоверие к указанным технологиям.

Исходя из полученных данных представляется необходимым сформулировать темы для дальнейшего исследования, а именно: анализ причин низкой осведомленности японцев о национальной стратегии “Society 5.0”; изучение предпринимаемых Правительством Японии мер по повышению социального одобрения технологий, использующих ИИ; определение влияния элементов стратегии “Society 5.0” на психологию японцев.

Список литературы

1. Abenomics. The Government of Japan. URL: [<https://www.japan.go.jp/abenomics/index.html>] (дата обращения: 12.11.2021).

2. Deguchi, Atsushi et al. What Is Society 5.0? URL: [https://www.researchgate.net/publication/341746797_What_Is_Society_50] (дата обращения: 19.11.2021).
3. Report on The 5th Science and Technology Basic Plan. Cabinet Office, Government of Japan. URL: [https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/5basicplan_en.pdf] (дата обращения: 12.11.2021).
4. Science and Technology Basic Plan. 「科学技術基本計画」 (*кагаку гидзюцу кихон кэйкаку*). Cabinet Office, Government of Japan. URL: [<https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/5honbun.pdf>] (дата обращения: 12.11.2021).
5. Society 5.0. Cabinet Office, Government of Japan. URL: [https://www8.cao.go.jp/cstp/english/society5_0/index.html] (дата обращения: 12.11.2021).
6. Лаборатория Hitachi и Токийского университета. Society 5.0 — суперумное человекоцентричное общество. 「日立東大ラボ. Society (ソサエティ) 5.0 人間中心の超スマート社会」 (*хитати то:дай рабо. Society 5.0 нингэн тю:син но тэ:сума:то сякай*). — Nikkei BP, 2018. 311 с.

Julia Smirnova

Herzen State Pedagogical University of Russia
Undergraduate Student

MULTIDISCIPLINARY APPROACH TO SUPPORT BUSINESS COMMUNICATIONS: A CASE-STUDY OF RUSSIAN-KOREAN FOREIGN ECONOMIC RELATIONS DURING THE COVID-19

Annotation: The research is an analysis of bilateral foreign economic relations between Russia and South Korea before and during the COVID-19 pandemic. The results of the research demonstrates the need for specialists with a new competence model in order to support business communication.

Keywords: multidisciplinary approach, COVID-19, Russian-Korean relations, business communication.

The goal of the study is to create a new competence model of regional scientist based on the case-study of Russian-Korean foreign economic relations in order to establish a mechanism for building a reliable partnership between the countries during the COVID-19 pandemic.

The importance of this paper can be explained by objective macro-economic processes, such as globalization, continuing sectoral specialization of countries and regions, growing population mobility, formation of the unified global media space and cross-cultural interactions. This trend is a reason for specialists with new competencies and tasks to appear on the labor market. This activity is of intermediary character and seeks to reduce the possible language, cultural, corporate, industrial, administrative and legal barriers in the conditions of mainly mediated online interaction of all participants in this process.

The present research has been compiled within the paradigm of economic sociology. This discipline accumulated all the necessary elements of economics and sociology, and it mostly concentrates on studying people's economic behavior. Special attention was given to changes

in the foreign economic activities of Russia and South Korea due to the COVID-19 pandemic.

We have used several methodological approaches for our research: analysis of specialized literature and content analysis.

This content analysis was done using articles from Russian and Korean mass media shown in Table 1.

Table 1

Sources for Content Analysis

Russian sources	
Rossiyskaya gazeta	RBC
Kommersant	Izvestiya
Vedomosti	Interfax
Fishnews	Gudok
Korean sources	
The Korea Herald	YONHAP NEWS AGENCY
Korea JoongAng Diary	The Dong-A Ilbo
KITA	HANKYOREH

In Russian-language mass media the articles on the topic of Russian-Korean relations are published mostly in state-financed publications, which testifies not only to the formal character of cooperation managed by the state but also of low interest of non-state mass media in covering this sphere of foreign economic activities.

To carry out a high-quality analysis of publications we selected positive and negative markers and counted the number of markers mentioned in Russian and Korean English-language sources. Summarized results are presented in Figures 1 and 2.

The analysis of units selected for the research testifies to positive dynamics in bilateral business relations. Bilateral cooperation is described in Russian and Korean English-language resources mostly in positive terms. The mass media in both countries focus on the prospects of further cooperation.

The number of articles and mentions of business communications between Russia and South Korea in professional mass media also testifies to the mutual desire of the parties to develop bilateral relations in different spheres.

Number of positive markers in Russian and Korean mass media

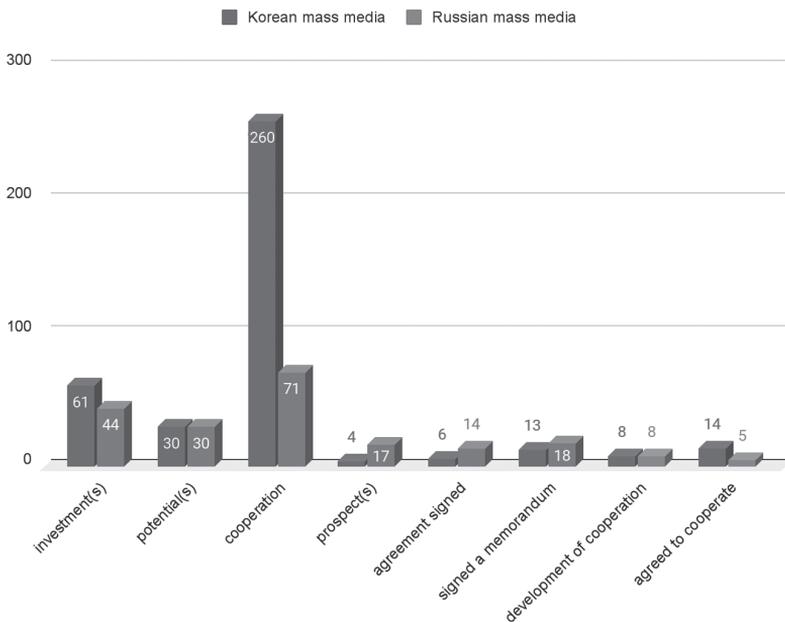

Figure 1

Number of negative markers in Russian and Korean mass media

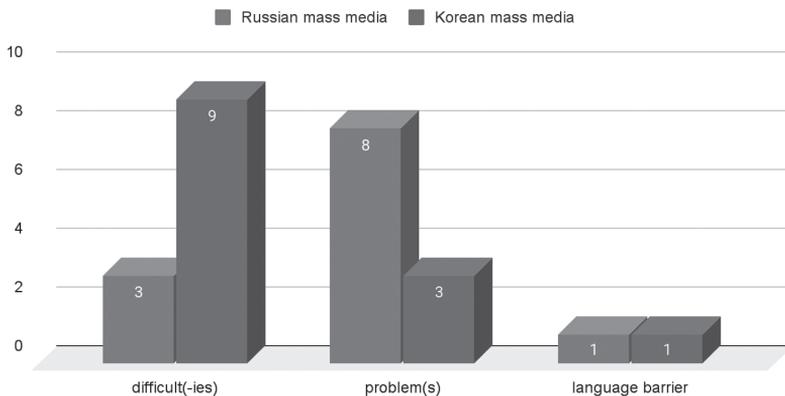

Figure 2

Despite the overall positive trend of cooperation between Russia and South Korea, some Korean business people talk about difficulties encountered in interaction with Russian business and negatively influencing business relations between Russia and South Korea.

Additionally, in the fast-changing international situation, further complicated by epidemiological factors, the traditional forms of cooperation are gradually falling into oblivion. According to the Smartway business trip organization service, the number of business trips abroad has decreased by 15% since the beginning of the pandemic¹. Business associations of Russia also confirmed the information about the reduction in the number of business trips, due to the cancellation of exhibitions, forums and business missions all around the world².

Before the COVID-19 pandemic, the number of trips of Russian citizens to South Korea grew from 166,000 people in 2015 to 271,000 in 2019³. It must be noted that the number of Korean tourists in Russia exceeds considerably the number of Russian tourists in Korea.

Fig. 3 illustrates the growing common interest of Russian and South Korean citizens in tourism between the two countries and the sharp decline in the number of tourists during the pandemic. The stable growth of the number of tourism trips before the COVID-19 allowed to predict further growth of cooperation between the two countries in the sphere of tourism, which positively influences the economy of Russia and South Korea, and allows to strengthen not only recreational tourism, but economic and international relations as well (educational tourism, business tourism, medical tourism).

However, due to current geopolitical, sanitary and epidemiological conditions, tourism activities have objectively declined, and trade, mostly in the sphere of online consumer market sales, has taken the lead.

According to the data of the Russian Export Center, South Korea takes the 8th place in commodity turnover, 6th place in export and 8th place

¹ The company's secret. URL: <https://secretmag.ru>

² Ibid.

³ Federal Tourism Agency (Rosturizm). URL: <https://tourism.gov.ru/contents/analytics/statistics/>

in import of Russia¹. To study the dynamics of export and import between the two countries, we present the data for the period before the COVID-19 and after the pandemic started.

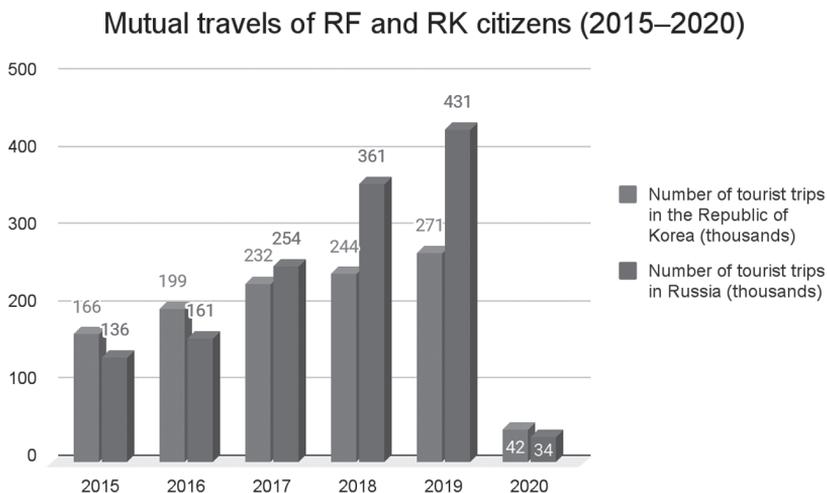

Figure 3

Therefore, the raw materials sector and the fishing industry are the main sectors of industry exporting to South Korea, while import is mainly represented by technical equipment and chemical industry products.

Growing economic bilateral relations between Russia and South Korea faced the consequences of COVID-19 pandemic. According to the conclusions of Eastern Economic Forum in 2021, in 2020 South Korea’s import to Russia has declined by more than 28% but in 2021 the amount of mutual trade has increased by 60% but this result is still not the pre-pandemic level².

This partial recovery of the Russian-Korean import and export sector during the COVID-19 was also possible due to cross-cultural commu-

¹ Russian Export Center. URL: <https://www.exportcenter.ru/en/>

² Eastern Economic Forum. URL: <https://forumvostok.ru/news/biznes-dialog-«rossija-respublika-koreja»/>

nication through online services that became more frequent and has a pronounced practical orientation due to the post-COVID realities.

The current economic situation in terms of the pandemic is becoming the main topic of international forums and conferences. Leading scientists, economists and politicians emphasize the importance of global consolidation in post-COVID realities and focus on the formation of a new society and the need to make changes in social, economic and other spheres of states' life in order to adapt foreign economic relations of countries in the context of the deglobalization of the world economy and the transition of intercultural communication to online format.

Table 2

**Export of Russia to the Republic of Korea in 2015–2019
(% from the total volume of Russian export in the RK)³**

Name of commodity group	2015	2016	2017	2018	2019
Oil, oil processing products	78,67%	73,90%	72,64%	82,26%	81,17%
Fish, crustaceans, mollusks	7,24%	10,09%	9,65%	7,69%	9,08%
Food products, agricultural raw materials	8,70%	12,39%	11,83%	8,89%	9,51%
Other	5,39%	3,62%	5,88%	1,16%	0,24%
Total	100%	100%	100%	100%	100%

Table 3

**Import of Russian from the Republic of Korea in 2015–2019
(% from the total volume of Russian import from the RK)⁴**

Name of commodity group	2015	2016	2017	2018	2019
Metal and metal products	10,53%	8,34%	7,94%	9,20%	7,47%
Chemical products	16,54%	15,59%	15,15%	18,71%	16,55%
Equipment, means of transportation	61,67%	66,52%	67,91%	62,12%	66,76%
Other	11,26%	66,52%	67,91%	62,12%	66,76%
Total	100%	100%	100%	100%	100%

³ Ibid

⁴ Ibid

For example, the Korean organization KOTRA, which operates in the field of Russian-Korean trade, investment and MICE industry, held a B2B online forum with the participation of 222 Korean industrial companies¹. Online services for oral and written translation considerably simplify our communication and lower the financial and time-related expenses on establishing and supporting partnership relations.

Summing up the results of the transformation of business communications between Russia and South Korea, we can conclude that the fast-changing geopolitical and epidemiological situation dictates new forms of cooperation mostly in the online sphere. Despite the undoubted importance of offline interaction “face to face”, negotiations, conferences and business missions in the online format have come to a dominant place. The borders between countries, economic entities and entrepreneurs are almost erased due to the COVID-19.

The consequences of the coronavirus pandemic, the ever-increasing isolation in various fields, as well as the practical needs of government and commercial structures dictate the need for specialists with a new competence model that combines both hard and soft skills. Hard skills include the skills of a diplomat, economist, sales manager, and interpreter. Soft skills include communication skills, the ability to adapt to constantly changing economic, political and technical processes, empathy and the ability to work with large amounts of information. These regional scientists and experts in cross-cultural communication are able to raise the relationship between Russia and South Korea, reduce the possible language, cultural, corporate, industrial, administrative and legal barriers and raise bilateral relations to a qualitatively new level, as well as influence the future of the Russian-Korean business.

References

1. Eastern Economic Forum. URL: [<https://forumvostok.ru>] (last accessed on 28.04.2022).
2. Federal Tourism Agency URL: [<https://www.russiatourism.ru>] (last accessed on 28.04.2022)
3. Fishnews. URL: [<https://fishnews.ru>] (last accessed on 28.04.2022).

¹ KOTRA. URL: <http://kotra.ru/technical-cooperation-program-2021/>

4. Gudok. URL: [<https://gudok.ru>] (last accessed on 29.04.2022).
5. HANKYOREH. URL: [<https://english.hani.co.kr>] (last accessed on 29.04.2022).
6. Interfax. URL: [<https://www.interfax.ru>] (last accessed on 28.04.2022).
7. Irina Drobysheva. Lost in Translation // Rossiyskaya Gazeta — 2017. — 27.04. URL: [<https://rg.ru/2017/04/27/reg-dfo/inostrancev-nastorozhilo-bolshoe-kolichestvo-tor-na-dalnem-vostoke.html>] (last accessed on 27.04.2022).
8. Izvestiya. URL: [<https://iz.ru>] (last accessed on 28.04.2022).
9. KITA. URL: [<http://www.kita.org>] (last accessed on 28.04.2022).
10. Kommersant. URL: [<https://www.kommersant.ru/>] (last accessed on 29.04.2022).
11. Korea JoongAng Diary. URL: [<https://koreajoongangdaily.joins.com>] (last accessed on 28.04.2022).
12. KOTRA. URL: [<http://kotra.ru/technical-cooperation-program-2021>] (last accessed on 27.04.2022).
13. RBC. URL: [<https://www.rbc.ru/newspaper/>] (last accessed on 28.04.2022).
14. Rossiyskaya gazeta. URL: [<https://rg.ru>] (last accessed on 29.04.2022).
15. Russian Export Center. URL: [<https://www.exportcenter.ru/en/>] (last accessed on 27.04.2022).
16. The company's secret. URL: [<https://secretmag.ru>] (last accessed on 28.04.2022).
17. The Dong-A Ilbo. URL: [<https://www.donga.com/en>] (last accessed on 28.04.2022).
18. The Korea Herald. URL: [<http://www.koreaherald.com>] (last accessed on 29.04.2022).
19. Vedomosti. URL: [<https://www.vedomosti.ru>] (last accessed on 28.04.2022).
20. YONHAP NEWS AGENCY. URL: [<https://en.yna.co.kr>] (last accessed on 28.04.2022).

И. О. Торхов

ivantorchov8@gmail.com

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Студент бакалавриата

ЯПОНИЯ И СТРАНЫ АФРИКИ В РАМКАХ «СВОБОДНОГО И ОТКРЫТОГО ИНДО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА»

Аннотация: В работе анализируется политика Японии в отношении стран Африки в рамках японской версии Индопацифики. Автор выявляет основные цели, преследуемые Японией, и ключевые сферы сотрудничества.

Ключевые слова: Япония, страны Африки, Индо-Тихоокеанский регион, международное сотрудничество.

Keywords: Japan, African countries, Indo-Pacific region, International Collaboration.

Возросшая политическая и экономическая роль стран Юго-Восточной и Южной Азии в совокупности с увеличивающимися темпами экономического роста ряда государств Африки вернули в мировой политический дискурс термин «Индо-Тихоокеанский региона» или «Индопацифика». При этом значительный рост числа его упоминаний со стороны политиков по всему миру актуализирует изучение различных его вариантов. Данная работа нацелена на анализ японской политики в отношении стран Африки в рамках японского видения Индопацифики. Работа базируется преимущественно на документах и материалах, представленных на сайте Министерства иностранных дел Японии.

Становление японского видения Индопацифики началось в 2007 г., когда премьер-министр Японии Абэ Синдзо выступил перед индийским парламентом с речью, получившей название «Слияние двух океанов». В ней С. Абэ со ссылкой на исторические связи Индии

и Японии и возросший геополитический вес государств Тихого и Индийского океанов в мировой политике и экономике объявил о курсе на укрепление японо-индийских связей, запуск совместных экологических и образовательных программ и продвижение совместными усилиями «универсальных ценностей». Для обозначения региона, объединяющего Азиатско-Тихоокеанский регион и Южную Азию, С. Абэ использовал фразу «более широкая Азия» [2]. Несмотря на то, что японский премьер-министр не упомянул термин «Индотихоокеанский регион», данную речь, как в академической литературе, так и в японских документах принято считать отправной точкой возрождения идеи Индопацифики во внешней политике не только Японии, но целого ряда государств Запада [1, С. 116–117].

В 2016 г. завершился длительный процесс концептуализации японского варианта Индопацифики. В своей речи в Кении на Токийской международной конференции по развитию Африки в 2016 г. вернувшийся на пост премьер-министра Абэ Синдзо заявил, что в рамках развития африканского сегмента Индо-Тихоокеанского региона Япония нацелена на строительство «качественной инфраструктуры», соответствующей международным стандартам, новейшим технологиям принципам открытости для компаний стран-реципиентов. В «Голубой книге» 2017 г. была изложена стратегия «Свободного и открытого Индо-тихоокеанского региона» [3], однако во избежание негативной реакции со стороны КНР и японских деловых кругов термин «стратегия» был заменён на «концепцию» [9].

Географически японский вариант Индопацифики охватывает «два континента» и «два океана»: Азию (Северо-Восточная Азия, Юго-Восточная Азия, Южная Азия и Ближний Восток) и Африку (Восточное побережье), Тихий и Индийский океаны; для его реализации Япония также сотрудничает с США, Австралией и Новой Зеландией. Структурно японская стратегия состоит из различных инвестиционных проектов, направленных на развитие связей стран Азии и Африки с АСЕАН как финансово-экономическим центром региона и достижение стабильности и экономического процветания [4].

Концепция декларирует три цели. Первая заключается в распространении «универсальных принципов»: демократии, принципа верховенства права, свободы мореплавания, свободы торговли.

В этой связи приоритетным для Японии становится сотрудничество со странами, разделяющими эти принципы, в первую очередь с Индией, США и Австралией.

Вторая целевая установка концепции — это экономическое развитие и процветание. Для ее достижения, с точки зрения Токио, необходимо усилить многосторонние и двусторонние связи между государствами «двух океанов и континентов» путем строительства «качественной инфраструктуры»: дорог, портов, аэропортов, железных дорог, электростанций, соответствующих международных стандартам и современным технологиям. Немаловажное значение Токио придает продвижению «человеческих связей» и развитию человеческих ресурсов, в том числе через стипендиальные программы для школьников и студентов, программы по повышению профессиональной квалификации и сферу культуры [4].

Третья цель японской концепции Индопацифики заключается в достижении региональной стабильности и безопасности, под которыми понимается устойчивость государств к нетрадиционным угрозам (терроризм и т. п.), эпидемиям, природным бедствиям и т. д. По мнению Токио, международная безопасность и эффективность интеграционных процессов в «Свободном и открытом Индо-тихоокеанском регионе» напрямую зависит от развития связей АСЕАН в формате АСЕАН+3, АСЕАН+6, ВАС и, в первую очередь, от взаимодействия стран в рамках Регионального форума АСЕАН, который уже сейчас выступает главной площадкой для обсуждения методов парирования угроз безопасности в данной части света [4].

В рамках противодействия нетрадиционным угрозам Япония принимает активное участие в борьбе с пиратством. Одним из крупнейших очагов морского пиратства в первой декаде XXI в. являлся район Аденского залива и побережье Сомали, где наблюдался стремительный рост вооружённых нападений на суда, создавая в том числе серьёзную угрозу морским грузоперевозкам, в том числе нефтяным танкерам, идущим в Японию [5]. В 2009 г. Япония внесла изменения в своё законодательство, сделав возможным участие ВМС Японии в зарубежных операциях. В 2011 г. Япония построила первую и единственную зарубежную военную базу на территории Джибути, призванную стать хабом для ВМС Японии в международной опера-

ции по борьбе с морским пиратством в районе Аденского залива и Ближнего Востока в целом. В итоге, если в 2011 г. было зафиксировано 237 случаев «сомалийского» пиратства, то в 2017 г. их число снизилось до 9 [7]. Также Япония внесла существенный вклад в усиление береговой охраны стран Восточного побережья Африки, в частности, передав Кении и Джибути сторожевые катера и суда и обучая береговую охрану [6].

Помимо борьбы с пиратством, Япония также участвует в контр-террористической борьбе. Японское участие заключается прежде всего в предоставлении Кении и Джибути оборудования для борьбы с террористическими актами и для их предотвращения [6].

В рамках экономического развития Африки Япония уделяет особое внимание инвестициям в инфраструктурные проекты в Восточной Африке. Так, Япония участвует в развитии двух экономических коридоров. Первый — это «Северный коридор», который является совокупностью дорожных сетей, проходящих через Кению, Уганду, Южный Судан, Демократическую Республику Конго и Руанду. Его развитие началось в середине 1980-х гг. и продолжается до сих пор. Его восточное направление заканчивается в крупнейшем порту Кении — Момбасе. Сейчас Япония занимается развитием и расширением порта Момбасы. Идёт строительство второго терминала для контейнеров [6]. Для этого Япония выделила Кении 340 млн долларов. Также Япония выделила 300 млн долларов на строительство ТЭЦ в Танзании, которая должна увеличить выработку электроэнергии на 15% во всей стране. Работу над этим ведут японские компании: Хитати, Тосиба, Мицубиси [1, С. 102–104].

Второй экономический коридор — это «Накальский коридор», связывающий Мозамбик, Малави, Замбию и Зимбабве. Проект был разработан в 1990-е гг. с целью вовлечения Мозамбика в торговлю со своими соседями, однако серьезным препятствием к его реализации стала экономическая слабость государств регион. В последние годы порт в Накале превратился в одну стоянок для кораблей из Азии, что вдохнуло вторую жизнь в проект. Как и в случае «Северного коридора», Япония развивает мозамбикский порт в восточной части коридора и планирует строительство железных дорог, которые свяжут с ним угольные месторождения Мозамбика. Стоимость проекта на сего-

дняшний день составляет 380 млн долларов. Япония также развивает крупнейший порта Мадагаскара в г. Туамасина, выделив на это 400 млн долларов: при участии японских компаний тут расширяется зона для контейнеров, а также строится новый волнорез [8]. Вместе с тем следует признать, что в сравнении с общим объёмом инвестиций в 26 трлн долларов США, которые Япония планирует вложить в проекты Индо-пацифики к 2030 г., внушительная их часть приходится не на Африку, а на страны Юго-Восточной и Южной Азии [1, С. 102–104].

Таким образом, по своим целевым установкам политика Японии в отношении стран Африки, АСЕАН и государств Южной Азии имеет много схожего. В области экономического развития Япония поддерживает инвестиционные проекты, направленные на развитие инфраструктурного и логистического потенциала региона. Для достижения же безопасности Токио участвует в операции по борьбе с пиратством в районе Аденского залива и снабжает страны Восточной Африки судами. Однако стоит отметить, что Япония хоть и проводит политику в отношении стран Африки в таком же ключе как в отношении стран АСЕАН, но её масштабы меньше.

Список литературы

1. Berkofsky A., Miracola S. Geopolitics by Other Means: the Indo-pacific reality. — Milano, 2019, 140 P.
2. “Confluence of the Two Seas” Speech by H. E. Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan at the Parliament of the Republic of India // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: [<https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html>] (дата обращения: 24.03.2022).
3. Diplomatic Bluebook 2017 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: [<https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2017/html/chapter1/c0102.html#sf03>] (дата обращения: 24.03.2022).
4. Free and Open Indo-Pacific Basic Thinking Material // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: [<https://www.mofa.go.jp/files/000430632.pdf>] (дата обращения: 24.03.2022).
5. Hamza F. Maritime trade and piracy in the Gulf of Aden and the Indian Ocean (1994–2017) // Journal of Transportation Security. 2020 URL: [<https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s12198-018-0190-4.pdf>] (дата обращения: 24.03.2022).

6. Japan's effort for a free and open Indo-Pacific (March 2021) // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: [<https://www.mofa.go.jp/files/100056243.pdf>] (дата обращения: 24.03.2022).
7. Japan to expand Djibouti base despite decline in piracy // Deutsche Welle. 19.11.2018. URL: [<https://www.dw.com/en/japan-to-expand-djibouti-base-despite-decline-in-piracy/a-46356825>] (дата обращения: 24.03.2022).
8. Japanese ODA Loan for the Toamasina Port Development Project: Long-expected groundbreaking ceremony held in Madagascar // Japan International Cooperation Agency. URL: [https://www.jica.go.jp/english/news/press/2018/180427_05.html] (дата обращения: 24.03.2022).
9. Канда Сигэру. «Открытый Индо-тихоокеанский регион и конфликт между КНР и США // Палата советников Японии [神田茂。自由で開かれたインド太平洋と米中対立 // 参議院; Канда Сигэру. Дзию:дэ хиракарэта индотайхэй:то бэйтю: тайрицу // Сангиин] URL: [https://www.sangiin.go.jp/japanese/annai/chousa/rippou_chousa/backnumber/2019pdf/20190206002.pdf] (дата обращения: 24.03.2022).

А. О. Филипчик

senior.filipchik@gmail.com

Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Студент бакалавриата

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

Аннотация: В статье анализируется геоэкономическая политика Китая в Центральной Азии, объясняется обусловленность проведения такой политики в субъективном восприятии КНР, а также оценивается степень её интенсивности на современном этапе с выявлением факторов, препятствующих её реализации.

Ключевые слова: геоэкономика, внешняя политика, Китай, Центральная Азия.

Keywords: geoeconomics, foreign policy, China, Central Asia.

Исследование современной политической и экономической ситуации в Центральной Азии приобретает особую актуальность ввиду возникновения рисков дестабилизации региона. Обострение афганского вопроса после вывода войск США и массовые беспорядки в Казахстане повышают уровень региональной конфликтности. Маргинализация со стороны международного сообщества и новые экономические вызовы могут привести к проведению менее активной политики по поддержанию стабильности в регионе со стороны России. Совокупность происходящих процессов притягивает особый интерес к исследованию как стран Центральной Азии, так и внешних акторов, вовлечённых в политическую жизнь региона, таких как Китай и Россия.

Отечественное востоковедение уделяет недостаточное внимание геоэкономическому аспекту в изменении баланса сил между Рос-

сией и Китаем в Центральной Азии. Поэтому было решено проследить динамику экономического и политического присутствия Китая в ЦА. Цель работы — выявить геоэкономическую политику КНР в регионе и определить степень её интенсивности. В данном контексте под геоэкономикой понимается использование экономических инструментов для реализации и отстаивания национальных интересов и достижения позитивных геополитических результатов [3, 11].

Было выдвинуто предположение, что Китай проводит интенсивную политику по наращиванию своего геоэкономического влияния в Центральной Азии с целью усиления своего политического влияния на центральноазиатские страны. Гипотеза исследования основывается на предположении, что ЦА представляет исключительную значимость для КНР ввиду своего транзитного, экономического и энергетического потенциала.

В результате анализа геополитического положения Центральной Азии на евроазиатском континенте, был выявлен ряд факторов, обуславливающих особую роль ЦА в системе национальных интересов Китая. Во-первых, сухопутные международные транспортные коридоры, возводимые на территории центральноазиатских стран в рамках проекта «Экономический пояс Шёлкового пути» (в частности — Трансазиатская железнодорожная магистраль), существенно сокращают время транспортировки грузов из Китая в Европу в сравнении с морскими транспортными коридорами [2, С. 35]. Во-вторых, ЦА обладает внушительными энергетическими запасами, а именно: богатыми залежами урановых руд, необходимыми КНР для развития национальной атомной энергетики, и впечатляющим гидроэнергетическим потенциалом. Также необходимо учитывать, что 72% импорта газа в Китай приходится именно на Центральную Азию [10]. В-третьих, ввиду относительной неразвитости национального несырьевого производства региона и географического отдаления других конкурентов, ЦА является перспективным рынком сбыта для дешёвых китайских товаров.

В то же время нельзя игнорировать ту роль, которую Центральная Азия играет для Китая в цивилизационном и политическом измерениях. С одной стороны, Центральная Азия рассматривалась Китаем

как сфера влияния ещё в эпоху династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) [8, С. 7]. Учитывая намерения КНР воссоздать китаецентричную модель мира (о чем посредством выдвижения идеи «Китайской мечты» было имплицитно провозглашено Си Цзиньпином в ноябре 2012 года) [9], можно предположить, что регион и далее будет восприниматься Китаем в качестве своей исторической сферы влияния. С другой стороны, географическое положение Центральной Азии диктует её роль как активного центра безопасности как Евразии в целом, так и Китая. Центральноазиатский регион, будучи важным хабом для потоков террористов, контрабандного оружия и наркотиков, идущих из Афганистана и с Ближнего Востока, является для Китая ключевым рубежом, гарантирующим стабильность в Синьцзян-Уйгурском автономном районе [6].

Таким образом, в системе национальных интересов Китая Центральная Азия занимает одно из ключевых мест, ввиду своих экономических и геополитических свойств, что определяет для КНР необходимость обеспечить своё многоаспектное влияние в регионе.

Оценка экономической конъюнктуры стран Центральной Азии выявила, что Китай проводит целенаправленную политику по наращиванию своего геоэкономического влияния в центральноазиатском регионе. Так, инвестиционная активность Китая в ЦА стремительно возрастает. Например, более 60% поступивших в Таджикистан в 2018 году ПИИ пришлось на Китай, а в 2019 году этот показатель вырос до 71%, в то время как более 35% общей суммы внешнего долга Таджикистана приходится на КНР. Одновременно с этим наблюдается качественное изменение инвестиционного потока из Китая в ЦА: в Кыргызстане и Казахстане наблюдается рост удельной доли ПИИ в общем объёме инвестиций из Китая [4]. В данном контексте стоит выделить интенсивное развитие проекта «Пояса и пути» (BRI, Belt and Road Initiative), впервые выдвинутого председателем КНР Си Цзиньпином во время визита в Казахстан осенью 2013 года. Цели и действия Китая в рамках данной инициативы демонстрируют, что в ближайшем будущем китайские компании и их проекты будут занимать доминирующее положение в инфраструктурном фонде региона.

В отношении торговли Центральная Азия также становится уязвимой от экономического воздействия своего восточного соседа.

На данном этапе наблюдается умеренная степень зависимости экономик стран ЦА от Китая в области торговли, однако можно зафиксировать неизменно восходящий тренд: доля Китая в совокупном товарообороте стран ЦА выросла в 4 раза с 1995 по 2018 год [7, С. 143].

Совокупность вышеописанных явлений, их скрытность, многовекторность, направленность на формирование зависимости стран Центральной Азии от Китая показывают, что китайские власти проводят целенаправленную экономическую политику, которая может быть классифицирована в качестве геоэкономики — инструмента, необходимого для реализации, главным образом, геополитических целей. Более того, наблюдаемое изменение объёма имплицитной экономической интервенции Китая выявляет высокую степень интенсивности анализируемой политики.

Оценивая перспективы геоэкономических намерений Китая, нельзя не принять во внимание факторы, препятствующие реализации соответствующих китайский планов. В этом отношении наиболее существенной проблемой для КНР может стать рост антикитайских настроений, наблюдаемый с середины 2010-х гг. Так, в 2016 г. произошёл теракт возле китайского посольства в Бишкеке. В том же году в Казахстане фиксируется всплеск антикитайских настроений, пик которых пришёлся на начало осени 2019 года накануне первого государственного визита президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева в Китай. В начале 2020 года объектом возмущения жителей Киргизии стал проект строительства индустриального торговло-логистического центра «Ат-Баши» [5].

Безусловно, антикитайские настроения могут быть использованы внутриполитическими оппонентами правящих элит, что удерживает последних от галопирования темпов экономического сближения с Китаем. Поэтому на официальном уровне центральноазиатские элиты провозглашают стремление проводить «независимую многовекторную политику» [1], которая подразумевает поддержание баланса сил между всеми внешними игроками в регионе. В то же время в Центральной Азии сильно стремление сохранять дружественные отношения с Россией, которая является гарантом безопасности в регионе и в этом отношении проявляет себя ярче, чем Китай (например, ввод войск ОДКБ в Нурсултан в начале 2022 года).

Стремительный разворот ЦА «на Восток» может не понравиться российскому руководству, которое, к слову, так же, как и Китай, воспринимает регион в качестве «исторической» сферы влияния России.

Подытоживая анализ факторов, сдерживающих реализацию геоэкономической политики Китая в регионе, становится очевидно, что социально-политическая конъюнктура в странах Центральной Азии является препятствием для трансформации геоэкономического влияния в регионе в геополитическое, что вынуждает Китай «действовать из тени», воздерживаясь на данном этапе от открытых политических манипуляций.

Таким образом, в результате исследования было выявлено, что Центральная Азия представляет исключительную значимость для национальных интересов КНР, что обуславливает стремление Поднебесной включить регион в сферу своего политического влияния. Однако Китай, последовательно наращивая свой геоэкономический потенциал, на современном этапе не стремится трансформировать экономическую зависимость стран ЦА в политическое влияние: Китайская сторона намерена использовать геоэкономический фактор в качестве стратегического, а не тактического инструмента.

Список литературы

1. Абаджян В. Особенности политики многовекторности на постсоветском пространстве. — Текст: электронный // Российский совет по международным делам. — 2022. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/riacdigest/osobennosti-politiki-mnogovektornosti-na-postsovetском-prostranstve/> (дата обращения: 02.04.2022). 9
2. Аристова Л. Б. Геополитический шанс России: транспортная система в формате РФ-КНР-Центральная Азия / Л. Б. Аристова, Н. К. Семенова; [отв. ред. А. И. Салицкий]; Ин-т востоковедения РАН. — [2-е изд., испр.]. — Москва: ИВ РАН, 2018. — 162 С. — ISBN 978-5-89282-810-9. — Текст: непосредственный.
3. Война иными средствами / Роберт Блэквилл, Дженнифер М. Харрис; [пер. с англ. В. Желнинова]. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 480 С. — (Геополитика). — ISBN 978-5-17-102567-0. — Текст: непосредственный.

4. Додонов В. Ю. Динамика инвестиций КНР в страны Центральной Азии: контекст, тенденции, особенности. — Текст: электронный // ResearchGate. — 2020. — URL: https://www.researchgate.net/publication/358124050_Dinamika_investicij_KNR_v_strany_Centralnoj_Azii_kontekst_tendencii_osobennosti (дата обращения: 02.04.2022).
5. Зуенко И., Кулинцев Ю., Мукамбаев А. Антикитайские протесты на постсоветском пространстве. — Текст: электронный // Россия в глобальной политике. — 2020. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/antikitajskie-protesty-postsovet/> (дата обращения: 02.04.2022).
6. Омаров Е. М. Безопасность Центральной Азии как фактор безопасности Китая и России. — Текст: электронный // Институт политического анализа и прогноза. — 2021. — URL: <https://isap.center/analytics/47> (дата обращения: 02.04.2022).
7. Поливач, А. П. Торговля стран Центральной Азии с Россией и Китаем / А. П. Поливач. — Текст: непосредственный // Россия и Новые государства Евразии. — 2019. — № 4 (45). — С. 136–147.
8. Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX — начале XXI в. / [И. В. Анисимова и др.; науч. ред. В. П. Зиновьев]; Алтайский гос. ун-т, Ист. фак., Каф. востоковедения, Алтайский междунар. центр азиат. исслед. — Барнаул: Азбука, 2014. — 458 С. — (Российское китаеведение: история, современное состояние и перспективы развития). — Авт. указаны на обороте тит. л. — ISBN 978-5-93957-776-2. — Текст: непосредственный.
9. Сыроежкин К. К итогам визита Си Цзиньпина в Центральную Азию: Казахстан. — Текст: электронный // Carnegie Endowment for International Peace. — 2013. — URL: <https://carnegieendowment.org/2013/09/16/ru-pub-52988> (дата обращения: 02.04.2022).
10. Туркмения поставила в Китай 60% импортируемого газа. — Текст: электронный // Рамблер. Финансы. — 2021. — URL: <https://finance.rambler.ru/business/46055769-turkmeniya-postavila-v-kitay-60-importiruemogo-gaza/> (дата обращения: 02.04.2022).
11. Luttwak, E. N. From Geopolitics to Geo-Economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce / Edward N. Luttwak — Текст: непосредственный // The National Interest. — 1990. — № 20. — P. 17–23.

К. М. Ярцева

kmyartseva@edu.hse.ru

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург
Студент бакалавриата

УСЛОВИЯ И ХАРАКТЕР ТРУДОУСТРОЙСТВА ЖЕНЩИН В ЯПОНИИ В XXI в.

Аннотация: В статье выделены основные проблемы трудоустройства женщин в Японии, такие как традиционное разделение гендерных ролей, недостаточное количество дошкольных образовательных учреждений, предвзятое отношение работодателей и предпринимаемые ими стратегии по недопуску женщин к определенным должностям, а также определены их причины.

Ключевые слова: трудоустройство, женский труд в Японии, гендерное неравенство, гендерная дискриминация.

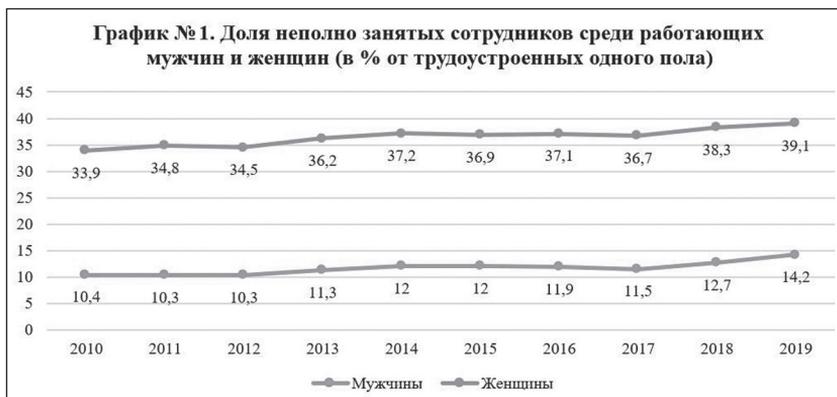
Keywords: employment, female labor in Japan, gender inequality, gender discrimination.

В данной статье поставлена цель охарактеризовать картину женского трудоустройства в современной Японии. Для ее достижения были обозначены две задачи: выделить основные проблемы современного трудоустройства женщин и определить их причины. В исследовании использованы такие методы, как аналитический, статистический и сопоставительный анализ. В качестве основы анализа использовано определение характера трудоустройства через семь социологических индикаторов, обозначенных в данной статье в качестве одноименных разделов.

Сложность трудоустройства: факторы, препятствующие вовлечению женщин в трудовую сферу

Один из главных факторов — ответственность за выполнение домашних обязанностей и уход за детьми. По данной причине

у японок значительно сокращаются возможности трудоустройства на постоянной основе и полный рабочий день. В связи с этим трудящиеся на непостоянной основе женщины образуют более трети (39.1%) от всех работающих японок (см. График № 1). Ситуация осложнена острой нехваткой детских садов: из-за длинных очередей женщины вынуждены увольняться, чтобы оставаться дома с ребёнком, что невыгодно для работодателей.

Следующий фактор — стереотипные представления о природных различиях между полами. «Отсутствие женщин с достаточными знаниями и количеством опыта» является одной из главных причин малого числа женщин-руководителей согласно мнению работодателей [10, С. 27]. Отсюда вытекают несправедливые по отношению к женщинам стратегии с целью сократить число заявок с их стороны: разграничение рабочих мест по половому признаку, усложнение вступительных испытаний для женщин, сокрытие от них необходимых сведений о найме, отправка претенденткам расхолаживающих писем, а также набор в два этапа, при котором сначала нанимаются мужчины, и только потом — женщины.

Профессиональные ожидания: несовпадение ожиданий трудоустраивающихся женщин и работодателей

Многие работодатели ожидают от сотрудниц в независимости от их обязанностей выполнения рутинных задач и прислуживания

в виде преподнесения напитков, встречи гостей, копирования документов, уборки рабочего помещения, ответа на телефонные звонки [2, С. 204]. Это связано с тем, что во многих компаниях главной функцией женщин на рабочем месте традиционно считается помощь мужчинам.

В результате большая часть работающих японок входят в категорию нерегулярных сотрудников или работников неполного дня. В 2019 г. число мужчин на неполной занятости составило 31.5% от общего числа работников категории, в то время как число женщин более чем в 2 раза превысило этот показатель, составив 68.5% [4, С. 98] (см. График № 2).

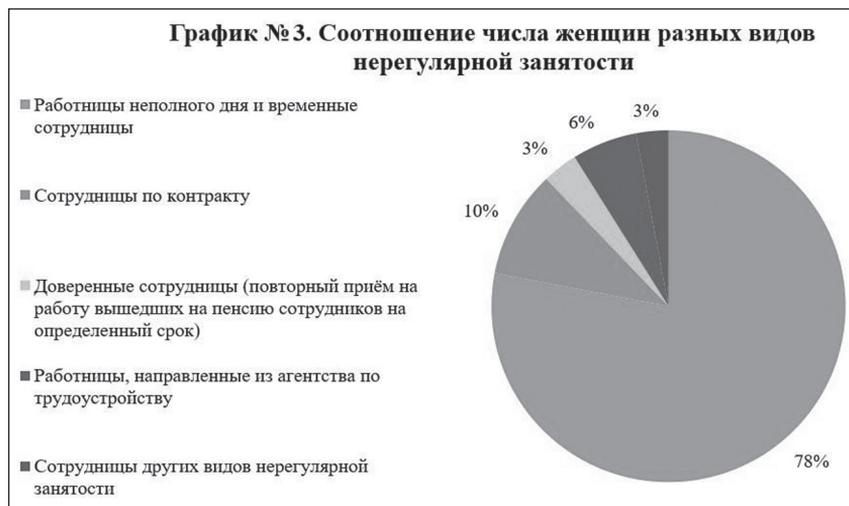

На 2020 г. в сфере труда был задействован 51.6% женщин (30 млн чел.). Среди них более 51% — нерегулярные сотрудницы, из которых 78% работают неполный день [11] (см. График № 3).

Отношение к работе: какое влияние оказывают внутренние условия труда на его формирование?

С точки зрения соотношения работы и личной жизни японок можно разделить на три категории. Первые покидают работу во время беременности, а после родов посвящают себя воспитанию детей. Вторая группа — «работающие мамы», которые стремятся

совмещать службу и семейную деятельность. Японки, входящие в третью категорию, отдают приоритет карьере и носят название «*Барикяри*» (яп. バリキヤリ), что является сокращением от фразы «энергично работающие карьеристки».

Представительницы всех категорий сталкиваются с разными формами дискриминации. Так, многие работодатели крайне негативно относятся к решениям сотрудниц об уходе в декрет, однако поскольку на законодательном уровне запрещено увольнять работниц или подвергать их дискриминации в связи с беременностью, нередко становятся травля, оскорбления, запугивания.

Различной является и скорость продвижения по карьерной лестнице. Так, срок службы женщин к моменту их назначения на руководящие должности в 3–5 раз больше, чем у мужчин.

Уровень финансовой обеспеченности: гендерный разрыв в доходах

При общем рассмотрении заработков работающих женщин примерно на 44% ниже, чем у мужчин [7, С. 41–59], а гендерный разрыв

в среднемесячном заработке сотрудников на полной занятости в 2015 г. представлял собой показатель в 27% (почти на 10% ниже по сравнению с 2005 г.) [5, С. 154]. Особенно сильно гендерный разрыв проявляется с выходом на пенсию. Размер выплат рассчитывается в зависимости от количества отработанных лет, возраста выхода на пенсию и заработной платы, получаемой в течение трудовой деятельности. Из-за гендерного разрыва в трудовых окладах и сокращённого стажа женщин получаемые ими выплаты в среднем составляют примерно половину пенсионных выплат, получаемых мужчинами [1].

Значимость работы: что побуждает женщин открывать собственный бизнес?

Помимо необходимости зарабатывать на жизнь, значительное место занимает желание самореализоваться, которое в силу рассмотренных факторов тяжело воплотить в жизнь. В связи с этим некоторые женщины находят выход в создании своего бизнеса. Как показывают опросы, в таких случаях основными мотивами являются желания достичь баланса между работой и личной жизнью (80.91%), увеличить доход (48.87%), развить навыки ведения бизнеса (57.28%), взять на себя риск открытия нового дела (33.01%), а также трудности в поиске работы в других сферах (22.33%) [8, С. 14].

Японки-предпринимательницы преобладают в таких областях, как дошкольное образование — 42.9%, продажа косметики — 35.1%, косметические услуги и салоны красоты — 34,1%, услуги социального обеспечения — 30.4%, образовательные услуги — 30.4%, то есть сферах, связанных с уходом за детьми и пожилыми людьми, а также в секторах с сильной клиентской базой женщин [9, С. 14].

Оценка уровня профессиональной компетенции: доступ к образованию

Показатель равенства в сфере образования в Японии близок к единице — 0.983 [8]. Однако даже в этой области отсутствует полное равенство. Показательным примером является скандал

2018 г., связанный с дискриминацией девушек, сдавших экзамены на поступление в медицинские учреждения. Министерством образования было выяснено, что в нескольких заведениях высшего образования, в том числе Токийском медицинском университете, при проверке проходных экзаменов набранные поступающими студентами баллы были несправедливо подсчитаны [3]. Для сокращения набора девушек молодым людям добавлялись дополнительные баллы с целью их гарантированного поступления в университет.

Таким образом, при формально равном доступе к образованию, при поступлении на учебу, как и при найме на работу, выбирая между мужчиной и женщиной с аналогичным уровнем знаний, предпочтение отдается первому.

Отношение к специальности: какие сферы заняты женщинами и с чем это связано?

Следствием многочисленных препятствий при поиске и приеме на работу стало образование группы профессий, доступ к которым не столь ограничен для женщин. Последние годы доля занятых женщин была самой высокой в сфере «медицины, здравоохранения и социального обеспечения»: в 2019 г. число задействованных в ней женщин составило более 6 млн, что представляет $\frac{3}{4}$ от всех работников сферы [6, С. 128]. На втором месте оказались профессии, связанные с услугами размещения, питания и напитков — 62.4%, то есть 2.6 млн человек. Далее следует сфера «бытовых, личных и развлекательных услуг» — 60.2% (1.42 млн). Наконец, женщины превышают по численности и в образовательной среде, составляя 58.1% [6, С. 128] (см. Графики № 4.1–4.4).

Такое распределение женского труда по сферам, связанным с услугами медицины, образования и обслуживания, отражает устойчивую картину ценностей относительно использования женского труда в обществе.

Заключение

В сфере труда в Японии существуют следующие сложности трудоустройства для женщин: традиционное разделение гендерных ролей, недостаточное количество ДОУ, предвзятое отношение работодателей и предпринимаемые ими стратегии по недопуску женщин к определенным должностям. Как следствие, большая часть японок

График №4.3. Соотношение мужского и женского труда в Японии по отраслям экономики на 2019 г.: третичный сектор (продолжение)

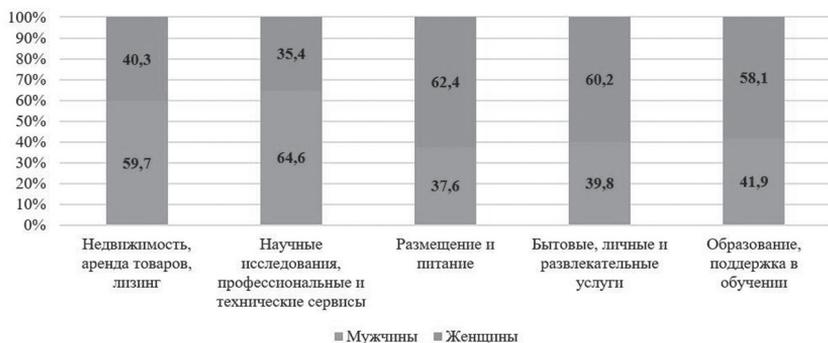
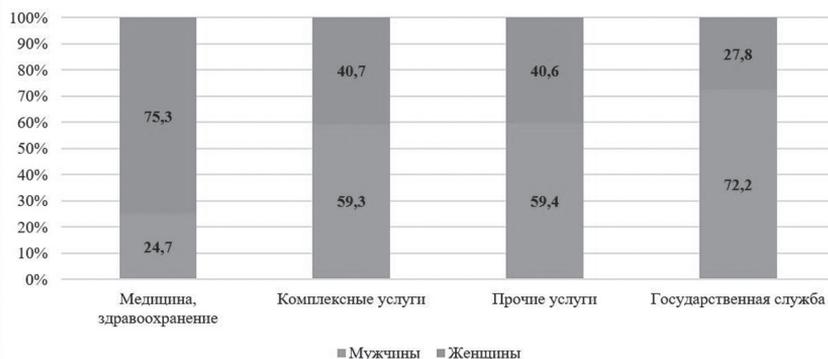

График №4.4. Соотношение мужского и женского труда в Японии по отраслям экономики на 2019 г.: третичный сектор (продолжение)

вынуждена работать на непостоянной основе из-за того, что роль женщин в компании рассматривается как второстепенная и вспомогательная. В то же время с точки зрения отношения к работе трудящихся японок можно условно разделить на три категории, каждая из которых испытывает определённые сложности. Изучение уровня финансовой стабильности показывает, что существует значительный

гендерный разрыв в оплате труда. Тем не менее, значимость работы объясняется не только финансовой необходимостью, но и желанием реализовать себя, чем обосновывается стремление некоторых японок открыть собственное дело. Оценка уровня профессиональной компетенции напрямую связана с образованием, формально равный доступ к которому в Японии не всегда соблюдается. Наконец, основными сферами занятости женщин являются здравоохранение, образование и услуги.

Список литературы

1. Головнин Василий. За 70: почему в Японии готовятся к повышению пенсионного возраста // ТАСС, 29.06.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/opinions/5332949> (дата обращения: 27.01.2021).
2. Маркарьян С. Б. Японка в интерьере «мужского» общества // Портрет современного японского общества. М.: АИРО–XXI, 2006. С. 202–223.
3. Japan medical schools ‘rigged women’s results’ // BBC, 14.12.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-46568975> (дата обращения: 03.12.2020).
4. OECD (2020). OECD Labour Force Statistics 2020. Paris: OECD Publishing [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1787/5842cc7f-en> (дата обращения: 08.01.2021).
5. OECD (2017). The Pursuit of Gender Equality: An Uphill Battle. Paris: OECD Publishing [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264281318-en> (дата обращения: 18.03.2021).
6. Statistics Bureau (2020). The Statistical Handbook of Japan 2020 // Ministry of Internal Affairs and Communications. Tokyo: Statistics Bureau [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2020all.pdf#page=1> (дата обращения: 15.02.2021).
7. Takenoshita H. The Gender Wage Gap in Four Asian Countries: Japan, Singapore, South Korea, and Taiwan // Low Fertility in Advanced Asian Economies: Focusing on Families, Education, and Labor Markets. Singapore, 2020. P. 41–59 [Электронный ресурс]. URL: https://doi-org.proxylibrary.hse.ru/10.1007/978-981-15-0710-6_3 (дата обращения: 18.03.2021).
8. WEF (2021). Global Gender Gap Report 2021. Geneva: World Economic Forum [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2021.pdf (дата обращения: 21.03.2021).

9. Women, Entrepreneurship, and Economic Empowerment: A Comparative Study on Women Entrepreneurs in Iran and Japan [Электронный ресурс]. URL: https://www.spf.org/en/global-data/user59/Women_Entrepreneurship_and_Economic_Empowerment.pdf (дата обращения: 28.03.2021).
10. Yamaguchi K. Japan's gender gap // Finance & Development. 2019. Vol. 56(1). P. 26–29 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2019/03/pdf/gender-equality-in-japan-yamaguchi.pdf> (дата обращения: 11.12.2020).
11. Сōмусэ 総務省 [Министерство внутренних дел и коммуникаций] (2020). Рōдōрёку тэса / кихон сёкэй 労働力調査 / 基本集計 [Исследование рабочей силы / основная таблица] // Сэйфу тōкэй-но сōгō мадогути 政府統計の総合窓口 [Общий портал государственной статистики] [Электронный ресурс]. URL: https://www.e-stat.go.jp/stat-search/files?page=1&layout=dataset&toukei=00200531&kikan=00200&tstat=000000110001&stat_infid=000031957041&result_page=1 (дата обращения: 14.01.2021).

Научное издание

**ВТОРАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ
И АСПИРАНТОВ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ:
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ»**

Санкт-Петербург, 18–19 марта 2022 года

Сборник докладов

Верстка *Е. М. Денисова*
Дизайн обложки *О. Д. Курта*

Подписано в печать __. __. 2022. Формат 60×88 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 14. Тираж __ экз. Зак. № __

Отпечатано «ИП А. М. Коновалов»
на полиграфической базе типографии «Поликона»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134